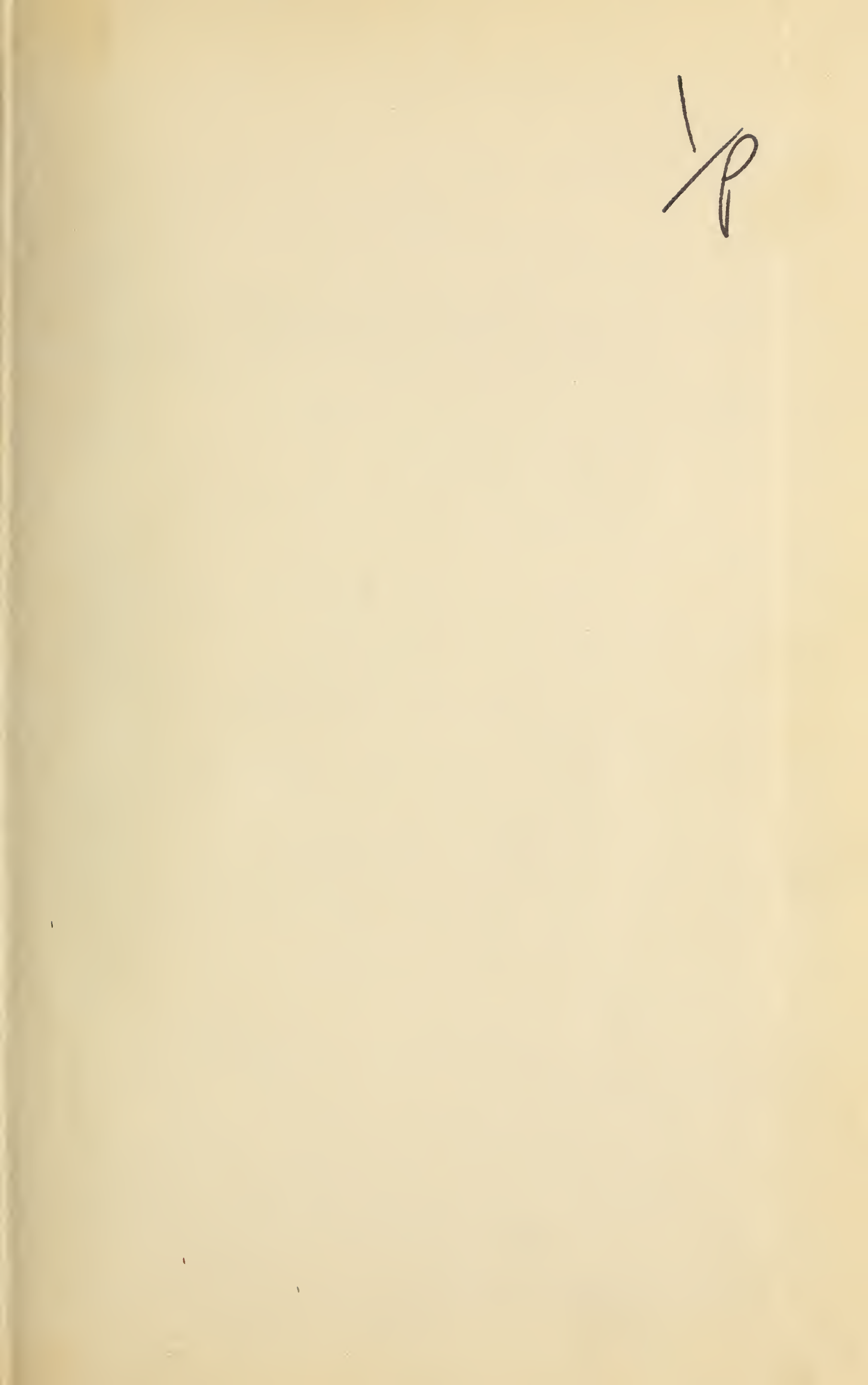


Древне-кіевскія религіозныя сказанія,

изслѣдованіе

владиміра яковлева.

ВАРШАВА.
Въ типографіи Варшавскаго учебнаго округа.
На Медовой улицѣ № 487.

1875

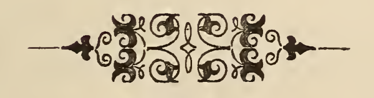
Iakovlev, Vladimir Alekseevich.

Drevne-kievskīia religioznyia skazaniia.

ДРЕВНЕ-КІЕВСКІЯ РЕЛИГІОЗНЫЯ СКАЗАНІЯ,

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

ВЛАДИМІРА ЯКОВЛЕВА.



ВАРШАВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.
На Медовой улицѣ № 487.

1875.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета.

Ректоръ Тайный Совѣтникъ:

Н. Благовѣщенскій.

Одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ исторіи культуры—вопросъ о значеніи христіанства въ исторіи цивилизаціи въ послѣднее время нѣсколько разъ выступалъ на сцену въ различныхъ сочиненіяхъ и подвергался обсужденію съ различныхъ сторонъ, но одна сторона до сихъ поръ осталась еще почти не тронутою, а именно исторія воспріятія христіанскихъ идей различными народами и измѣненія, происшедшія въ христіанскихъ преданіяхъ подъ вліяніями народности, однимъ словомъ, чрезвычайно важный вопросъ народности въ христіанской религіи до сихъ поръ почти ускользалъ отъ вниманія изслѣдователей. Между тѣмъ вопросъ этотъ представляетъ чрезвычайную важность не только для частнаго историка религіи, но и для историка культуры вообще. Христіанская религія распространилась по цѣлому свѣту, и оставаясь неизмѣнною въ своихъ основахъ, распалась кромѣ двухъ или трехъ главныхъ исповѣданій, на сотни отдѣльныхъ сектъ и ученій. Евангельское ученіе обращало на себя вниманіе не всегда существенною своею стороною, но часто въ христіанскихъ сектахъ остаются самые незначительные признаки общей христіанской религіи (какъ напр. въ нѣкоторыхъ сектахъ Америки, у нашихъ хлыстовъ и т. под.), за цѣлою массой чрезвычайно странныхъ вѣрованій и обрядовъ. Если подвергнуть критическому анализу эти вѣрованія, то прежде всего изслѣдователю представится нѣсколько разнородныхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается ученіе секты, и при этомъ однимъ изъ важнѣйшихъ непремѣнно окажутся народныя вѣрованія, существовавшія до принятія христіанства, которыя измѣнили сообразно своему характеру принятое ученіе. Въ этомъ проявляется самое рѣзкое вліяніе народ-

ныхъ понятій на религію. Но кромѣ созданія массы сектъ съ народнымъ характеромъ, національное воззрѣніе проявляется еще въ значительной степени и въ христіанскихъ легендахъ народной поэзіи. Въ послѣднихъ весьма ясно выражается та степень народнаго развитія, на которой застало народъ принятіе христіанства, поэтому изученіе этихъ легендъ становится дѣломъ чрезвычайно важнымъ для историка культуры вообще и для историка словесности въ частности.

Съ тѣхъ поръ, какъ исторіи литературы дали болѣе широкое опредѣленіе, нежели она имѣла во время господства ложно-классицизма въ Европѣ, христіанская легенда получила неотъемлемое право на мѣсто въ этой наукѣ. Въ новыхъ курсахъ различныхъ исторій литературы, всегда отводится нѣкоторое число страницъ и для историческаго обозрѣнія религіозныхъ сказаній. [1])

Историки указываютъ на легенду какъ на историческій источникъ [2]), но до сихъ поръ за исключеніемъ превосходнаго сочиненія Альфреда Мори. Essai sur les legendes pieuses du moyen age и нѣсколькихъ, весьма немногихъ статей, нѣтъ сочиненія посвященнаго изслѣдованію этаго рода литературныхъ произведеній. Между тѣмъ пользованіе легендами, какъ историческимъ матеріаломъ невозможно безъ всесторонняго ихъ критическаго разсмотрѣнія; а по своему особенному характеру, религіозныя сказанія требуютъ нѣсколько особеннаго критическаго разсмотрѣнія. Для исторіи русской культуры, какъ уже было не разъ замѣчено, христіанскія легенды представляютъ еще большее значеніе, такъ какъ

[1]) Wackernagel Geschichte der deutschen Litteratur 158—107 и 353—387 G. Kurz Leitfaden zur Geschichte der deutschen Litteratur §§ 30, 92, 118 Koberstein, Gerwinus, Gordeke и др. Ampere Histoire litteraire de la France avant Charlemagne главы II, III, V, VII, XIV второй книги посвящены разбору произведеній христіанской литературы во Франціи и между прочимъ здѣсь изложено содержаніе съ нѣкоторыми критическими замѣчаніями о житіяхъ мучениковъ ліонскихъ: св. Иренея, св. Паулина, св. Мартина и др.

[2]) Wattenbach deutschen Geschichtschreiben in Mittelalter y. y. 6, 27, 34, 82 и друг. Pothast Bibliotheca historica Moedii aevi.

они часто представляютъ единственный источникъ умственной дѣятельности нашихъ предковъ и такъ какъ изъ всѣхъ письменныхъ памятниковъ нашей древности, въ ней по преимуществу сохранились черты народнаго быта и его воззрѣній. По этому понятно, что къ изслѣдованiю нашихъ религiозныхъ легендъ обращались многiе изъ нашихъ ученыхъ, и мы, вѣроятно, можемъ сказать безъ преувеличенiя, что этотъ предметъ гораздо болѣе обращалъ на себя вниманiя ученыхъ у насъ, чѣмъ на западѣ. Но при громадности матерiаловъ, безъ необходимыхъ предварительныхъ работъ, и при незначительности числа дѣятелей, еще остается весьма много дѣла. Мы рѣшились обратиться къ разсмотрѣнiю одного, какъ намъ кажется, самаго распространеннаго вида христiанской легенды древней Руси, а именно житiй святыхъ. Для перваго изслѣдованiя избрали своимъ предметомъ сборникъ житiй Кiево-Печерскихъ угодниковъ, извѣстный въ нашей литературѣ подъ названiемъ *Патерика Печерскаго*.

Прежде чѣмъ приступить къ предмету нашего изслѣдованiя, принимая во вниманiе то громадное влiянiе, которое имѣли на нашихъ агiобiографовъ ихъ греческiе предшественники, мы считаемъ не лишнимъ вмѣсто введенiя или предисловiя, представить характеристику христiанской агiобiографiи.

Житiя людей, послужившихъ христiанству и поэтому достойныхъ вѣчной по себѣ памяти, появляются уже въ первые вѣка новой эры. Уже у перваго христiанскаго лѣтописца Евсевiя (IV в.), въ его исторiи мы встрѣчаемъ значительное число разсказовъ о жизни и христiанскихъ подвигахъ святыхъ, по преимуществу мучениковъ. Подобные же разсказы, по его сознанiю, служили источниками для его исторiи; напр. жизнь мученика Поликарпа, мученiя святыхъ въ Лiонѣ и Галлiи. [1]) Уже съ первыхъ временъ христiанства церковная администрацiя заботилась о сохраненiи и собранiи извѣстiй о христiанскихъ мученикахъ. Такъ св. папа Климентъ назначилъ семь натарiусовъ для города Рима, поручивъ имъ собирать

---

[1]) Hist. eccl. lib. VII, cap. XXV.

достовѣрныя извѣстія объ страданіяхъ св. мучениковъ. Послѣдующіе папы и святители другихъ мѣстностей также ревностно заботились о увѣковѣченіи житій подвижниковъ. [1]) Громадное значеніе житій святыхъ въ первые вѣка христіанства и вообще въ средніе вѣка у всѣхъ новообращенныхъ народовъ становится понятнымъ при слѣдующемъ соображеніи. При совершенномъ невѣжествѣ большей части прозелитовъ, высокія, отвлеченныя истинны христіанства не могли быть доступными для принимающихъ новое ученіе, а для того чтобы ученіе сдѣлалось имъ болѣе понятнымъ, необходимы были примѣры христіанской жизни;—и вотъ появляются образцы жизни людей, по христіанскимъ понятіямъ, жизни могущей служить образцами для новообращенныхъ. [2]) Такъ Аѳанасій Александрійскій († 375) одинъ изъ популярнѣйшихъ отцевъ церкви, изложилъ жизнь св. Антонія для монаховъ Галліи, „чтобы послѣдніе взяли жизнь этого святаго за образецъ своей жизни, и у него учились въ чемъ должны упражняться и чего должны избѣгать, чтобы, не смотря на свое удаленіе отъ общества, быть благодѣтельными послѣднему.” [3]) Хотя это сочиненіе и предназначалось собственно для монаховъ, но жизнь монашеская выставлялась идеаломъ, высшихъ образцовъ христіанской жизни вообще, и по сему должна была наставлять и мірянъ. Такимъ образомъ въ различныхъ странахъ у различныхъ народовъ появляются образцы христіанской жизни для различныхъ сословій или состояній; житейская сторона человѣка обусловливалась какъ бы примѣрами образцовыхъ со стороны религіи людей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ составители этихъ образцовъ часто должны были по неволѣ дѣлать возможныя уступки общественному положенію и требованіямъ обыденной жизни, отсюда въ эти сочи-

---

[1]) См. объ этомъ dom Pitra Etudes sur la collection des actes des saints par les Bollandistes. Предисловіе и въ особенности предисловіе лучшаго изъ болѣе доступныхъ собраній житій святыхъ Stadler u. Heim Volständiges Heiligen-Lexikon Ausburg 1858—1875. Неоконченъ.

[2]) См. Duncop's: Geschichte der Prosadichtung übersetzt v. Liebrecht Patrologie, pag. 202, Al. 2.

[3]) Anzogs Grundrisz der Patrologie, pag. 188.

ненія вкрался въ значительной степени элементъ чуждый христіанству—явилось значительное смѣшеніе христіанства съ житейскими обычаями, имѣвшими миѳическое происхожденіе, появилось то, что извѣстно нашей духовной литературѣ, преслѣдовалось въ жизни подъ именемъ двоевѣрія, но едва ли не въ большей мѣрѣ распространенное на западѣ. Эта сторона религіозныхъ вѣрованій обращала на себя неоднократно вниманіе ученыхъ на западѣ и въ европейской ученой литературѣ въ настоящее время вопросъ о смѣшеніи христіанства съ язычествомъ въ жизни уже настолько разработанъ, что труды западныхъ ученыхъ могутъ служить и уже отчасти служатъ руководствами для нашихъ изслѣдователей. [1]) Но собственно религіозныя сказанія доселѣ еще остаются почти совсѣмъ нетронутыми.

При изученіи житій святыхъ на первомъ планѣ встрѣчается самый трудный вопросъ объ ихъ источникахъ. [2]) Въ основаніи почти каждаго житія долженъ былъ быть историческій фактъ, по крайней мѣрѣ нѣтъ возможности въ большемъ числѣ случаевъ отрицать существованіе самаго святаго; но самая жизнь послѣдняго часто представляетъ такую смѣсь возможнаго съ невѣроятнымъ, что часто приходится отказываться отъ пользованія сочиненіемъ за невозможностью отдѣлить баснословной легенды отъ историческаго повѣствованія. Какимъ же образомъ объяснить это стремленіе къ баснословности въ сочиненіи такого рода, гдѣ повидимому должна имѣть мѣсто только голая правда. Рѣшенію этого вопроса посвящаю чрезвычайно замѣчательное сочиненіе Альфреда Мори, [3]) нѣкоторые выводы котораго мы здѣсь изложимъ.

Изученіе огромной массы христіанскихъ легендъ среднихъ вѣковъ привело А. Мори къ тремъ выводамъ. Онъ замѣтилъ въ легендахъ:

---

[1]) См. Culturgeschichte des Deutschen Volkes in der Zeit des Uebergangs aus den Heidenthum in das Christenthum v. G. Ruckert, 2 B-de. Leipzig 1855 и Rudolf v. Raumer. Die Einwirkung des Christenthums auf dem Althochdeutsche Sprache. Stutgardt 1845 и друг.

[2]) Объ достовѣрныхъ источникахъ страданій мучениковъ см. dom Pitra и Stadler u. Heim, loco citato.

[3]) Essai sur les legendes pieuses и проч.

1) Сближеніе житія святаго съ жизнію Іисуса Христа.

2) Смѣшеніе буквальнаго значенія съ фигуральнымъ, принимание послѣдняго въ буквальномъ значеніи.

3) Забвеніе символическаго значенія разсказа и объясненіе его вновь сочиненнымъ эпизодомъ.

Мы остановимся на первомъ выводѣ, который весьма важенъ для изученія русскихъ житій.

При первомъ знакомствѣ съ житіями какъ западно-европейскими такъ и нашими, изслѣдователю бросается въ глаза частое повтореніе однихъ и тѣхъ же фактовъ въ различныхъ житіяхъ. Въ большей части житій схожіе факты передаются съ нѣкоторыми измѣненіями, въ варьянтахъ. Какъ объяснить это сходство? А. Мори это объясняетъ слѣдующимъ образомъ. Догматъ-Богочеловѣка І. Х. давалъ для всѣхъ христіанъ образецъ праведной жизни на землѣ. Уже апостолъ Павелъ въ посланіи къ Ефесѣямъ говоритъ: „Бывайте убо подражатели Богу, якоже чада возлюбленная," (Ефес. гл. I. 5). Это изрѣченіе св. Апостола обращало на себя должное вниманіе уже первыхъ отцевъ церкви и наконецъ появилось цѣлое знаменитое сочиненіе Ѳомы Кемпійскаго „О подражаніи Христу. Въ средніе вѣка, во время господства буквы въ западной Европѣ, подражаніе Христу понималось стараньемъ приблизить жизнь человѣка къ земной жизни Спасителя. Чѣмъ болѣе былъ совершенъ человѣкъ, тѣмъ болѣе жизнь его походила на земную жизнь его божественнаго образца.

„Представимъ себѣ, говоритъ нашъ авторъ, монаха составляющаго жизнь святаго. Какія могли быть у него матеріалы для содѣйствія его благочестивому стремленію? По большей части ихъ замѣняло то, что сохранилось въ его памяти. Это были преданія, собранныя въ странахъ, гдѣ подвизался святой, гдѣ онъ проповѣдывалъ ученіе, представлялъ собою образецъ добродѣтелей и расточалъ массу благодѣяній; все это собрано агіобіографомъ случайно, и если ему иногда и попадалось на помощь болѣе достовѣрное свидѣтельство, нѣсколько писанныхъ сочиненій, то такія средства имѣлъ восторженный и довѣрчивый писатель для провѣрки столь же довѣрчивыхъ и высторженныхъ свидѣтельствъ? При такомъ недостаткѣ

достовѣрныхъ свидѣтельствъ, при неполнотѣ преданій, сохраненныхъ памятью, какъ поступалъ монахъ, желавшій разсказать въ мельчайшихъ подробностяхъ жизнь почитаемаго имъ святаго, что могъ онъ сдѣлать? Преисполненный благоговѣнія къ своему святому, котораго онъ желалъ поставить на ряду съ тѣми, которые до него уже почитались, и чтобы привлечь для поклоненія своему святому возможно большее число людей набожныхъ, онъ изображаетъ жизнь его сходною съ жизнью божественнаго Владыки, копіею тѣмъ болѣе похожею, чѣмъ больше былъ его энтузіазмъ и чѣмъ менѣе историческихъ данныхъ для біографіи святаго."[1]) Въ богословской литературѣ хорошо разработанъ вопросъ о подражаніи земной жизни Спасителя, и я считаю лишнимъ излагать его здѣсь.

Но такимъ образомъ составлялась только первая редакція житія, тѣмъ, кто былъ очевидцемъ жизни святаго или собиралъ свидѣтельства очевидцевъ. За симъ слѣдуютъ дальнѣйшія переработки, прибавляются различныя преданія, и религіозное легковѣріе, столь обычное въ средніе вѣка, распространяетъ новыя сказанія—обыкновенно о посмертныхъ чудесахъ святаго: составляется вторая часть сочиненія,—чудеса. Съ этихъ то собственно вторичныхъ сказаній и начинается легенда въ точномъ смыслѣ слова, и къ самому житію прибавляются новыя черты сходства святаго съ Іисусомъ Христомъ.[2])

Это подражаніе біографовъ одному образцу есть первая причина того сходства между житіями, которое бросается въ глаза при самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ этими памятниками духовной литературы.

Во многихъ житіяхъ встрѣчаются слѣдующіе эпизоды:

a) Чудесное предсказаніе славной будущности еще не родившемуся ребенку,—представляющимъ варьянтъ Благовѣщенія.

---

[1]) Alf. Maury: Essai sur les legendes, pag. 4 и слѣд.

[2]) A. Maury p. 7. Точно такъ, какъ І. Х. былъ образцемъ для жизни всѣхъ христіанъ вообще, всякій святой становился образцемъ внѣшней жизни христіанина извѣстнаго условія. Вотъ смыслъ патроновъ корпорацій, состояній и даже отдѣльныхъ личностей, они не только естественные покровители, но и образцы, которымъ слѣдуетъ подражать, типы, до которыхъ можетъ достигнуть человѣкъ въ извѣстныхъ условіяхъ.

b) Святой еще въ дѣтствѣ обнаруживаетъ необыкновенную мудрость и благочестіе—мудрость ребенка удивляетъ всѣхъ его окружающихъ—фраза дѣлается стереотипною во множествѣ житій.

c) Затѣмъ чудеса, весьма важная и почти существенная часть многихъ житій, совершаемыя при жизни святымъ, всѣ болѣе или менѣе близкіе варьянты чудесъ Христа Спасителя.

d) Наконецъ почти въ каждомъ житіи есть эпизодъ объ искушеніяхъ святаго дьяволомъ—опять евангельскій эпизодъ въ весьма разнообразныхъ варьянтахъ.

Но кромѣ этого повтореніе однихъ и тѣхъ же эпизодовъ въ житіяхъ нѣсколькихъ святыхъ еще увеличивалось тѣмъ, что житія первыхъ подвижниковъ вызывали въ свою очередь въ ученикахъ послѣднихъ и послѣдующихъ монахахъ желаніе имъ подражать. Въ житіяхъ очень часто встрѣчаются свидѣтельства о желаніи новаго святаго подражать какому либо знаменитому своему предшественнику. Такъ блаженный Ѳеодоритъ въ своей Исторіи Боголюбцевъ говоритъ: „Сами святые, бывъ подражителями высокаго любомудрія древнихъ святыхъ, начертали память ихъ не на мѣди и не буквами, но совершивъ каждую изъ ихъ добродѣтелей, себя самихъ содѣлали какъ бы нѣкоторыми одушевленными ихъ образами и памятниками." [1]) Въ нашихъ житія видимъ тоже самое напр. въ житіи Ѳеодосія, преподобнаго Нестора: „Отецъ явися житіемъ подражая святаго первоначальника черническаго образу великаго именію Антонія, близстевпе еже своему тезоименитому Ѳеодосію, архимандриту Ерусалимскому." [2])

Кромѣ того въ обычаѣ агіобіографовъ было по возможности часто сопоставлять эпизоды ихъ жизни описываемаго святаго съ эпизодами изъ Ветхаго и Новаго завѣта, дѣяній Апостольскихъ и Отцевъ церкви, даже съ значительной натяжкой напр. Преподобный Несторъ въ житіи Ѳеодосія, говоря объ отходѣ изъ Печерскаго монастыря Никона и другаго чернеца изъ монастыря св. Михаила прибавляетъ: „И пришедша има надъ море, туже разлучистася отъ

---

[1]) Исторія Боголюбцевъ, предисловіе автора.

[2]) Памяти. рус. лит. XII и XIII вв., ст. 2.

себе. Яко же се апостола Павелъ и Варнава на проповѣданіе Христово, якоже пишется въ дѣяніяхъ апостолъ."[1]) Или же, разсказывая, какъ однажды князь Изяславъ долженъ былъ простоять долгое время у воротъ, какъ привратникъ, узнавъ князя, не смѣлъ впустить его, но побѣжалъ сказать игумену, прибавляетъ: „Оному же стоящу предъ враты и терпящу, о семъ подражающу святаго и верховнаго апостола Петра, изведену убо тому бывшу ангеломъ изъ темницы и пришедшу ему къ дому, идѣже бѣша ученицы его и тлъкнувши ему въ врата и се рабыня, изникнувши видѣ Петра стояща, потекши повѣда приходъ его; тако и сей отъ страха не отверзе вратъ, но скоро текъ повѣда блаженому приходъ христолюбца." [2])

Если въ первыхъ случаяхъ указывается на подраженіе жизни извѣстнаго святаго новымъ подвижникомъ, то въ послѣднихъ примѣрахъ уже нельзя не видѣть желанія составителей житій сближать житія ихъ съ житіями извѣстныхъ и прославленныхъ уже дѣятелей христіанства.

Наконецъ сходство между житіями въ значительной доли могло произойти и случайно. При несложности и простотѣ монашеской жизни въ ней чаще, чѣмъ въ другой могли быть повторенія однихъ и тѣхъ же случаевъ, о которыхъ В. Гриммъ сказалъ: „Бываютъ такія положенія, которыя такъ просты и естественны, что они вездѣ повторяются, такъ какъ существуютъ сходныя мысли, которыя являются независимо одна отъ другой."

Но если и принять во вниманіе всѣ эти обстоятельства, то они все таки не исключатъ необходимости признанія прямаго заимствованія однимъ агіобіографомъ у другаго. Заимствованія эти по преимуществу являются въ житіяхъ, составленныхъ не очевидцами подвиговъ святаго, а въ значительно позднее время по его смерти, что весьма понятно. Не ясныя воспоминанія о подвигахъ смѣшивали его дѣянія съ вычитанными подробностями біографіи другаго подвижника, а такъ какъ совершенное отсутствіе критики не давало возможности провѣрять извѣстія, то всѣ эти извѣстія помѣщались

[1]) Памятн. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 17.
[3]) Ibid. стр. 26.

въ житіи. Поэтому г. Ключевскій въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи „Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ м. 1871 г." и раздѣляетъ житія русскихъ святыхъ на два рода: одни по преимуществу біографическаго историческаго характера, отличающіяся гораздо большимъ содержаніемъ, нежели вторыя чисто похвальныя, безсодержательныя, предназначенныя для церковно-служебнаго употребленія.

Такимъ образомъ многіе изъ житій втораго рода не имѣютъ ничего индивидуальнаго, крайне безцвѣтны и невольно заставляютъ ихъ оставлять совершенно въ сторонѣ, какъ самый скудный историческій источникъ и неудачное литературное произведеніе. Поэтому въ нѣкоторыхъ изслѣдованіяхъ о русскихъ житіяхъ [1]) высказана была мысль, что къ XVI вѣку сложился типъ святаго, повторяющійся съ малыми измѣненіями въ цѣлой массѣ житій. Но высказавъ это положеніе, изслѣдователи не обратили вниманіе на вопросъ былъ ли это реальный типъ, которому подражали и слѣдовали въ жизни, или же это только литературный типъ, готовая форма, въ которую агіобіографъ вкладывалъ свой, по большей части весьма скудный матерьялъ; а между тѣмъ вопросъ этотъ самой существенной важности.

Въ своемъ только что названномъ сочиненіи: „Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ" профессоръ Ключевскій приходилъ къ такимъ положеніямъ:

1) По литературной задачѣ житія біографическіе факты служатъ въ немъ *только готовыми формами* для выраженія идеальнаго образа подвижника.

2) Изъ описываемой жизни житіе беретъ лишь такіе черты, которые идутъ къ означенной задачѣ.

3) Избранныя черты обобщаются въ житіи на столько, чтобы индивидуальная личность исчезала въ нихъ за чертами идеальнаго типа.

---

[1]) *Хрущовъ:* Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, стр. 2—14 и *Иконниковъ:* Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи. Кіевъ 1869.

4) Агiобiографъ и историкъ смотрятъ на описываемое лицо съ различныхъ точекъ зрѣнiя; первый ищетъ въ немъ отраженiя отвлеченнаго идеала, второй индивидуальныхъ историческихъ чертъ.

5) Обилiе и качество бiографическихъ фактовъ въ житiи находятся въ обратномъ отношенiи къ развитiю чествованiя святаго, къ торжественности повода вызвавшаго житiе, и къ хронологическому разстоянiю, лежащему между кончиной святаго и написанiемъ житiя.

6) По источникамъ и качеству фактическаго содержанiя, житiе наиболѣе надежно въ двухъ своихъ частяхъ: въ разсказѣ объ устроенiи святымъ новой обители и въ описанiи его посмертныхъ чудесъ."

Если принять положенiя г. Ключевскаго по отношенiю ко всѣмъ русскимъ житiямъ, то вопросъ нашъ рѣшается положительно въ пользу того предположенiя, что типъ подвижника является типомъ литературнымъ, а не жизненнымъ, и сродство встрѣчающееся такъ часто въ различныхъ житiяхъ, можетъ быть объяснено или заимствованiемъ русскихъ агiобiографовъ однимъ у другаго, или же такимъ же заимствованiемъ обоихъ у одного общаго источника, какого либо византiйскаго писателя.

Но принявъ во вниманiе, что изслѣдованiе Ключевскаго обнимаетъ только житiя сѣверныхъ святыхъ, что большинство разсмотрѣнныхъ имъ житiй представляетъ вторичную, а иногда и третичную переработку первоначальныхъ бiографическихъ данныхъ, что первоначальныя редакцiи житiй, слѣды которыхъ отысканы г. Некрасовымъ [1]) въ большинствѣ не дошли до насъ, мы должны будемъ ограничить положенiя г. Ключевскаго только по отношенiю разсмотрѣннаго имъ матерьяла и никакъ не можемъ отнести его ко всѣмъ русскимъ житiямъ. Сходство житiй межд у собою кромѣ заимствованiя одного автора отъ другаго могло еще произойти и отъ того явленiя, о которомъ мы говорили выше—новопоступившему монаху рекомендовалось взять за образецъ жизнь какого-либо извѣстнаго подвижника, житiю котораго онъ подражалъ до малѣйшей подробно-

---

[1]) Зарожденiе нацiональной литературы въ Сѣверной Руси, изслѣдованiе Н. Некрасова. Одесса 1870 г.

сти; мы находимъ постоянно въ житіяхъ выраженія. Подражая своему тезоименнику, подражая свят. Антонію Египетскому и т. п. Слѣдовательно сходство отдѣльныхъ эпизодовъ житій, кромѣ прямого заимствованія одного агіобіографа отъ другаго, происходитъ частью еще отъ подражанія въ жизни святаго какому либо извѣстному предшественнику. Наконецъ многіе отдѣльные эпизоды сходные въ различныхъ житіяхъ—могли быть совершенно случайны: одинаковая обстановка жизни, въ которой находятся монахи, извѣстный путь подвижничества даетъ возможность частому повторенію однихъ и тѣхъ же фактовъ въ жизни подвижниковъ. Только признаніемъ всѣхъ трехъ условій можно объяснить частыя повторенія въ житіяхъ.

Эти общія соображенія мнѣ кажется не будутъ неумѣстны въ изслѣдованіи посвященномъ одному изъ извѣстнѣйшихъ сборниковъ русскихъ житій, тѣмъ болѣе, что въ русской научной литературѣ существуетъ о нашихъ житіяхъ святыхъ мнѣніе діаметрально противоположное мнѣнію г. Ключевскаго такого авторитетнаго знатока дѣла какъ г. Буслаевъ. Въ разборѣ сочиненія г. Костомарова „Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ," дѣлая замѣчаніе автору въ томъ, что онъ слишкомъ довѣрился иностраннымъ путешественникамъ, не достаточно провѣряя ихъ русскими источниками, пр. Буслаевъ говоритъ: „Едва ли не самый важный источникъ для исторіи русскихъ нравовъ и обычаевъ, даже вовсе и не замѣченный г. Костомаровымъ это житія русскихъ святыхъ. И на западѣ, гдѣ такъ много всякихъ другихъ источниковъ и художественныхъ памятниковъ старины, житія святыхъ по достоинству оцѣнены, какъ необходимые матерьялы для исторіи не только церкви, но и государства и культуры. У насъ же при бѣдности въ письменныхъ и монументальныхъ матерьяловъ и при отсутствіи легкой повѣствовательной литературы, житія святыхъ имѣютъ еще большее значеніе и какъ художественное его воссозданіе. Съ одной стороны предлагаются въ нихъ важнѣйшія данныя для православія въ Россіи, съ другой любопытнѣйшія подробности для исторіи нравовъ, обычаевъ, образа мыслей и т. п. Въ статьяхъ о чудесахъ угодниковъ иногда въ замѣчательно яркихъ очер-

кахъ выступаетъ частная жизнь нашихъ предковъ, съ ихъ привычками, задушевными мыслями, съ ихъ бѣдами и страданіями." [1])

„Велики изображаются по житіямъ подвиги иноковъ, говоритъ другой нашъ почтенный ученый знатокъ церковной исторіи и литературы, [2]) тяжела ихъ борьба съ грѣшною чувственностью и съ лукавыми демонами, но за то еще въ сей жизни они начинаютъ жить въ мірѣ чудесъ. Звѣри имъ служатъ, стихіи ихъ слушаются, ангелы съ ними бесѣдуютъ, будущее и отдаленное отъ нихъ не закрыто равно и современныя мысли простыхъ смертныхъ. Для періода вс. соборовъ иночество сдѣлалось тѣмъ же, чѣмъ было мученичество для церкви первенствующей. Къ нему стремились всѣ, жаждавшіе высшихъ духовныхъ интересовъ, и аскетическій идеалъ—обставленный цѣлымъ рядомъ привлекательныхъ легендъ, своего рода духовно-монашескимъ эпосомъ—безраздѣльно царилъ въ нравственной жизни греко-восточнаго міра. Женское иночество, какъ видно, установилось не вдругъ; и мы видимъ цѣлый рядъ св. женщинъ, которыя жаждая иночества, подъ образомъ скопцовъ, спасались между монахами. Но очень рано опредѣлилось распаденіе иночества на два вида: уединенное отшельничество и общежитіе. Подъ вліяніемъ политическихъ обстоятельствъ центръ иноческой жизни передвигался; сначала онъ былъ въ Египтѣ, Палестинѣ и на Синаѣ; потомъ въ Константинополѣ и его окрестностяхъ (обитель студійская и неусыпаемыхъ); наконецъ на Аѳонѣ. Эпоха иконоборства угрожала рѣшительнымъ ударомъ монашеству,—но послѣ нея оно опять воскресло съ новою силою, хотя жаръ первоначальнаго увлеченія аскетическими идеалами охладѣлъ въ значительной степени.

Но въ нашемъ отечествѣ иночество возродилось съ энтузіазмомъ и увлеченіемъ первыхъ временъ, и патерикъ печерскій, по богатству духовно-аскетическаго эпоса, можетъ достойно соперничать съ палестинскимъ, синайскимъ и египетскимъ. Древніе аскетичес-

---

[1]) Отчетъ о XXX присужденіи Демидовскихъ наградъ, стр. 149 и слѣд.

[2]) Ф. А. Терновскій въ изслѣдованіи: Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси. Кіевъ 1875, стр. 68 и слѣд.

кіе идеалы въ житіяхъ Макарія, Евфимія и др. стояли предъ глазами русскихъ подвижниковъ; уставъ студійской обители опредѣлялъ ихъ внѣшнюю жизнь, а въ душѣ русскихъ,—какъ выражается Соловьевъ—богатырей монаховъ, было много той восторженности и беззавѣтной преданности подвигу, которая создавала когда-то Антоніевъ и Макаріевъ. Русскіе иноки вошли въ кругъ идей, какими питался восточный аскетизмъ: въ трудномъ подвигѣ умерщвленія чувственности ихъ поддерживала память о смерти и страшномъ судѣ, представленіе о козняхъ діавольскихъ и вѣра въ чудесную помощь, которую Богъ всегда готовъ подать своимъ вѣрнымъ рабамъ. Что удивительнаго, если при одинакихъ условіяхъ повторились одни и тѣже явленія, если на преп. Авраамія смоленскаго бѣсы нападали также, какъ на Антонія великаго, и если пр. Сергій Радонежскій поновилъ въ своей жизни чудеса Евфимія великаго? Сходство между житіями греко-восточныхъ и русскихъ иноковъ такъ велико, что могло-бы навести на мысль о литературномъ заимствованіи, если бы мы не знали, что тутъ повторялась сама жизнь, а не одни только житія."

Повидимому весьма трудно согласить приведенныя слова почтенныхъ ученыхъ съ положеніями изслѣдованія г. Ключевскаго и вообще съ результатами его весьма замѣчательнаго изслѣдованія. Но для того чтобы признать безотносительно правильность выводовъ проф. Буслаева, слѣдуетъ обратить вниманіе на точку зрѣнія, съ которой смотритъ этотъ почтенный ученый на историческій матерьялъ, что онъ отъ него требуетъ. Если отъ русскаго житія требовать новые внѣшне историческіе факты, если требовать отъ нихъ даже новыхъ данныхъ для внѣшней исторіи церкви, съ которой они такъ сближены по своему содержанію; если требовать отъ житій совершенной хронологической вѣрности и точности въ именахъ историческихъ; если наконецъ вообще требовать отъ житія вѣрныхъ біографическихъ данныхъ, то разумѣется наши житія будутъ весьма скуднымъ матерьяломъ. Но проф. Буслаевъ вовсе не ищетъ въ житіяхъ фактовъ внѣшней политической исторіи, или хотя бы исторіи одного дѣятеля. Житіе во первыхъ есть произведеніе литературное и отъ него историкъ можетъ и долженъ требовать тѣхъ же данныхъ, которые онъ на-

ходитъ въ литературныхъ (беллетристическихъ) сочиненіяхъ. Въ литературныхъ произведеніяхъ историкъ цѣнитъ изображенія типовъ эпохи, но кто можетъ отказать въ типичности личностей подобныхъ Ѳеодосію по житію преп. Нестора или Агапиту въ посланіи Поликарпа къ Акиндину или Столпника Никиты Переяславскаго и Варлаама Хутынскаго—въ ихъ житіяхъ. Народныя симпатіи къ личностямъ изображеннымъ въ житіяхъ, одна изъ причинъ ихъ распространенія, фактъ не менѣе важный для историка, чѣмъ какое либо разъясненіе историческаго событія или даже строгоисторическая біографія какого либо случайно историческаго дѣятеля. Съ другой стороны, хотя авторы житій по своей назидательной цѣли, при сильномъ господствѣ дидактическихъ требованій, въ значительной степени и искажали, сообразно этой цѣли, и требованіямъ біографическій матерьялъ, они не могли да и не имѣли надобности стирать черты народной жизни и понятій, которыя противъ ихъ воли находятся въ обиліи въ житіяхъ, какъ и въ другихъ литературныхъ произведеніяхъ. Для нашихъ русскихъ собственно житій необходимо только предварительное рѣшеніе вопросовъ: 1) насколько въ нихъ самостоятельнаго и насколько житія подчинились чужеземному вліянію и какіе именно источники вліяли на наши житія и 2) какіе факты даютъ житія для характеристики народнаго быта и понятій эпохи, къ которой они относятся.

Вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства изъ Византіи къ намъ перешли въ южно-славянскихъ переводахъ и произведенія византійской христіанской письменности, между которыми важное мѣсто занимали житія святыхъ. Житія Святыхъ по причинамъ, указаннымъ выше, сдѣлались любимымъ чтеніемъ грамотной Руси и быстро распространились въ многочисленныхъ спискахъ. Вскорѣ затѣмъ и у насъ на Руси стали появляться подвижники признаваемые церковью святыми, понадобилось увѣковѣчить память и ихъ подвиговъ въ потомствѣ, необходимо было составить житія этихъ угодниковъ—и вотъ у насъ повторился тотъ же процесъ творчества какъ и на западѣ т. е. ученикъ святаго собираетъ изустныя преданія о представившемся учителѣ, или иной инокъ, проникнутый уваженіемъ къ подвижнику и полный благоговѣнія къ своему дѣлу, со стра-

хомъ за свое неумѣніе достойно описать житіе учителя, излагалъ его, руководствуясь читанными имъ прежде житіями. Такимъ образомъ въ изложенія житій русскихъ святыхъ начинало вкрадываться византійское вліяніе, сначала только въ расположеніи матерьяла, впослѣдствіи при новой редакціи житій усилившееся до такой степени, что во многихъ русскихъ житіяхъ оставалось очень мало индивидуальнаго русскаго, а все житіе состояло изъ риторическихъ разглагольствованій, взятыхъ изъ византійскихъ произведеній. Но кромѣ житій отдѣльныхъ святыхъ въ христіанской литературѣ съ первыхъ вѣковъ появились цѣлые сборники житій и изрѣченій отцевъ, подвизавшихся въ различныхъ обителяхъ и пустыняхъ, называемыхъ патериками или по русски отечниками. Такъ какъ въ первыхъ сборникахъ описывались житія и изрѣченія монаховъ одной опредѣленной мѣстности, то и патерики съ самаго своего появленія получили характеръ по преимуществу сборниковъ житій мѣстныхъ подвижниковъ.

Изъ этихъ сборниковъ мѣстныхъ житій особенно замѣчательны по распространенію своему, какъ у насъ такъ и на Западѣ два, а именно Лавсаикъ (Λαυσαϊκόν) принадлежащій Палладію, жившему въ IV вѣкѣ и другой Лимонарь (Λείμον seu Λειμονάριον) Іоанна по прозванію Мосха жившаго въ VII в. Вотъ что находимъ въ этихъ личностяхъ у Фабриція: [1]) „Палладій, братъ епископа Бриссона, родился въ 367 году и на двадцать второмъ году посвятилъ себя монашеской жизни во время втораго консульства Ѳеодосія Великаго, сначала въ Александріи, потомъ въ скитскомъ монастырѣ Нитріи и наконецъ отшельникомъ въ пустынѣ, откуда страдая слабостью печени и желудка, отъ усиленныхъ занятій въ сустной святости и отъ умерщвленія плоти возвратился снова въ Александрію для излеченія этой болѣзни врачами этого города. Послѣ Дороѳея и другихъ былъ у него наставникъ Евагрій Понтика, умершій въ 399 г. вслѣдствіи чего онъ самъ былъ заподозрѣнъ въ склонности къ заблужденіямъ Оригена, хотя въ сочиненіяхъ его на сколько они сохранились, нѣтъ никакихъ слѣдовъ этого, кро-

---

[1]) Joannis Alb. Fabricii Bibliotheca Graeca Hamburgi MDCCCVII vol. X, pag. 98 и слѣд. См. также Dom Remy Ceillier Histoire générale des auteurs sacrés et ecclesiastiques. P. 1858—1868, t. VII, pag. 484 и слѣд.

мѣ развѣ того, что онъ называетъ своими друзьями Евагрія и нѣкоторыхъ другихъ.

На тридцать третьемъ году отъ рожденія Палладій былъ рукоположенъ Іоанномъ Златоустомъ, у котораго учился и съ которымъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ, въ епископы Еленополійскіе въ Виѳаніи, откуда послѣ многихъ гоненій переведенъ епископомъ Аспонскимъ, въ той же Виѳаніи, умеръ до Еѳескаго собора 431 года, на которомъ уже присутствовалъ преемникъ Палладія, Евсевій епископъ Аспонскій.

Палладій около 320 года отъ Р. Хр. на пятьдесятъ третьемъ году отъ рожденія и двадцатомъ своего епископства, написалъ простымъ слогомъ книгу о жизни монаховъ своего времени и, въ благочестіи подвизавшихся, женъ, къ Лавсу, отчего и книга стала называться Historia Lausaica и Λαυσαϊκόν, трудъ возбуждающій удивленіе читателя тѣмъ невѣроятнымъ рвеніемъ, съ которымъ предавались эти мужи и жены строгости отшельнической жизни, труднымъ работамъ, голоду и посту, почти нечеловѣческому лишенію всѣхъ удобствъ жизни. Простота, которая господствуетъ во всемъ сочиненіи говоритъ Селье,[1]) есть лучшее доказательство его искренности. Имѣя цѣлію только назиданіе монаховъ и ихъ пользу, онъ вовсе не заботился объ томъ, чтобы сглаживать свой стиль, о чемъ проситъ извиненія у своихъ читателей, прося не оставлять его книги ради несовершенства ея слога. „Въ школѣ Божіей,—говоритъ преподобный Палладій, не учатъ красно говорить, но учатъ подчинять свой умъ вѣчной истиннѣ, чтобы ею проникнуться." Мы пользовались Лавсаикомъ по изданію Mign'я: Patrologiae Cursus completus. Seria graeca, t. XXXIV, pag. 991—1275. Лавсаикъ переведенъ на русскій языкъ (но съ пропусками). Лавсаикъ. СПБ. 1850.

Почти одновременно въ Лавсаикомъ Палладія былъ написанъ другой сборникъ житій Ѳеодоридомъ епископомъ Кирскимъ [2]) подъ

---

[1]) Histoire genérale des auteurs saccrès, pag. 486.

[2]) О Ѳеодоридѣ Кирскомъ: Ceillier Histoire genérale etc., t. X, pag. 19 и слѣд. Alzog. Grundriss der patrologie, стр 343—347 и Филарета еп. Черниговскаго: Историческое ученіе объ отцахъ церкви 3 т. Спб. 1869. т. III, стр. 116 и слѣд.

названіемъ: „Исторія Боголюбцевъ" (φιλόθεος ἱστορία). Θеодоритъ, сынъ богатыхъ и благочестивыхъ родителей, получилъ имя Θеодорита, потому что Богъ даровалъ его неплодной матери, давшей обѣтъ посвятить дарованное чадо на служеніе Богу. На восьмомъ году онъ отданъ былъ на воспитаніе въ монастырь св. Еуприпія, гдѣ товарищемъ его по воспитанію былъ извѣстный ересіархъ Несторій и здѣсь же Θеодоритъ былъ посвященъ сначала церковнымъ чтецомъ, а потомъ діакономъ, а въ 442 г. епископомъ Кирскимъ. Епархія Кирская при бѣдности и грубости жителей полна была послѣдователей различныхъ ересей, и въ борьбѣ съ еретиками св. Θеодоритъ долженъ былъ вынести много горя и даже личныхъ оскорбленій, „не рѣдко били они (еретики) меня каменьями",—говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ посланій; но кротостью и благодѣяніями употребляя всѣ свои доходы на общественное благо: на сооруженіе водопроводовъ, бань, мостовъ, на выписываніе искустныхъ врачей, онъ достигъ того, что къ концу своего управленія всѣ еретики присоединились къ православію. Но еще болѣе горя перенесъ Блаженный Θеодоритъ въ борьбѣ съ ересями Несторія и Евтихія. Связанный давнимъ знакомствомъ съ Несторіемъ и закупленный строгостью его жизни, онъ сначала сочувственно относился къ послѣднему, но впослѣдствіи вполнѣ искренно призналъ его заблужденія; но вслѣдъ за тѣмъ ему самому пришлось защищать православіе своего ученія. Діоскоръ архіепископъ Александрійскій отлучилъ его отъ церкви за „неправославіе", разумѣя подъ этомъ рѣзкое обличеніе ереси Евтихія и хотя ересь эта и была осуждена на Константинопольскомъ соборѣ—Діоскору удалось созвать новый соборъ („разбойническій") въ Ефесѣ, на которомъ Бл. Θеодоритъ былъ осужденъ и заключенъ въ обитель, откуда обратился съ посланіемъ къ папѣ Льву, прося его заступничества, но только по случаю смерти имп. Θеодосія—онъ получилъ снова свободу и вступилъ снова въ управленіе своею епархіей. На Халкедонскомъ соборѣ было снова разсмотрѣно его дѣло и онъ былъ совершенно оправданъ. Онъ скончался на тридцать восьмомъ году своего епископства въ 457 г. Между многими сочиненіями Бл. Θеодорида для насъ теперь важно „Исторія Боголюбцевъ." Сочиненіе

это заключаетъ извѣстія о жизни тридцати трехъ [1]) подвижниковъ и подвижницъ иноческой жизни Сиріи. „Въ ней авторъ помѣщаетъ такія только лица, которыя представляли собою особый образецъ подвижничества, по тому то исторія его, замѣчаетъ преосвященный Филаретъ, при небольшомъ объемѣ, такъ разнообразна." По изложенію сочиненіе это весьма отличается отъ Лавсаика Палладія. Блаженный Θеодоритъ вполнѣ владѣлъ легкостью и красотою стиля, что вмѣстѣ съ глубиною философски-христіанской мысли ставитъ его на ряду съ первыми христіанскими писателями. У Mign'я Исторіи Боголюбцевъ нѣтъ, и мы пользовались только русскимъ переводомъ. (Исторія Боголюбцевъ. Спб. 1859). Хотя по отзыву преосвященнаго Филарета русскій переводъ далеко неизященъ въ сравненіи съ подлинникомъ.

Составитель третьяго извѣстнаго Патерика Іоанъ Мосхъ [2]) по прозванію Εὐκρατας (откуда иные его не правильно называютъ Евератомъ или Евиратомъ) проходилъ монашескую жизнь въ киновіи св. Θеодосія въ Іерусалимѣ, въ пустынѣ Іорданской и былъ конопархомъ въ новой Лаврѣ св. Саввы, какъ самъ свидѣтельствуетъ въ 50 главѣ. Посѣтивъ во время императоровъ Тиберія и Маврикія многіе монастыри Сиріи, Египта и Запада и благочестиво настроивъ свой духъ, онъ сочинилъ замѣчательную книгу о жизни монаховъ своего времени до Гіераклія, отчасти не лишенную баснословныхъ разсказовъ, посвятивъ ее Софронію мудрому своему ученику и спутнику (впослѣдствіи патріарху Іерусалимскому), котораго называетъ въ предисловіи іереемъ исполненымъ мудрости и братомъ. Изъ его сочиненія мы видимъ что онъ уже самъ пользовался другими писателями, которые до него писали объ жизни и дѣяніяхъ святыхъ. Такъ онъ хвалитъ (βιβλιον γεροντικόν) старческія книги т. е. книги о жизни старцевъ. По свидѣтельству Болнанда Іоаннъ умеръ

---

1) У преосвященнаго Филарета: Историч. уч. объ отцахъ церкви, т. III, стр. 127 и въ Русскомъ переводѣ: Исторія Боголюбцевъ. Спб. 1853 г. всего тридцать.

2) Fabricii Biblioteca Graeca, t. X, pag. 124 et Ceillier, t. XI, pag. 700 и слѣд.

въ 620 году. Заглавіе его книги: Зеленый лугъ, новый рай (Pratum viridarium, novus paradisus, λειμον или λειμωναριον и νέος παραδεισος или νέον παραδεισιον. Въ нѣкоторыхъ греческихъ рукописяхъ называется πατερικον. См. Росвейда in proleg. ad vitas Patrum). Мы пользовались Лимонаремъ I. Мосха также по изданію Mign'я Patrologiae cursus completus. Seria graeca t. 87.

Но кромѣ этихъ греческихъ патериковъ съ древнѣйшихъ временъ славянской письменности существовалъ въ ней и переводъ Патерика Римскаго папы Григорія Великаго, прозваннаго за свой Патерикъ изложенный въ формѣ діалога Двоесловомъ. [1])

Григорій происходилъ изъ богатаго сенаторскаго семейства Рима, и родился около 640 г. Получивъ превосходное по тому времени образованіе, онъ благодаря вліянію своей благочестивой матери Сильвіи, еще въ юности рѣшился посвятить себя монашеской жизни, но не могъ тотчасъ же исполнить своего желанія и во время императора Юстина былъ назначенъ Римскимъ преторомъ. Но понявъ тщету внѣшняго міра, Григорій употребилъ все свое громадное состояніе на основаніе семи Бенедиктинскихъ монастырей и самъ вступилъ монахомъ (между 573 и 577 гг.) въ тотъ изъ нихъ, который былъ имъ основанъ въ честь св. Андрея, въ домѣ его родителей, гдѣ онъ провелъ лучшіе дни своей жизни. Папа Бенедиктъ извлекъ его изъ уединенія, назначивъ діакономъ римской церкви. Преемникъ Бенедикта Папа Пелагій II посылалъ Григорія въ Константинополь по важнымъ дѣламъ. Возвратясь изъ этого путешествія, Григорій отпросился опять въ свой монастырь, гдѣ былъ посвященъ въ іерея и по смерти папы Пелагія въ 590 г. избранъ самъ папою. Умеръ въ 604 году.

Папа Григорій Великій кромѣ другихъ сочиненій изложилъ рядъ житій и чудесъ Италійскихъ старцевъ въ діалогической формѣ подъ заглавіемъ „Dialogus" въ видѣ бесѣдъ къ Петру діакону. Все сочиненіе раздѣлено на четыре части. Чрезъ 165 лѣтъ послѣ сочи-

---

[1]) См. Григоріи Двоесловѣ: Alzog. Grundriss der Patrologie pag. 387 и слѣд. Ceillier: Histoire genérale des auteurs sacrés etc. 429 и слѣд.

ненія написаннаго по латыни, Dialogus былъ переведенъ на греческій языкъ папою Захаріемъ, а съ него на Славянскій подъ заглавіемъ: „Собесѣдованіе" отъ чего и самъ св. папа Григорій получилъ званіе Собесѣдника или Двоеслова. Рукописи Собесѣдованія на славянскомъ языкѣ не восходятъ ранѣе XVI в. и вообще довольно рѣдки, хотя въ сборникахъ попадаются отдѣльныя статьи изъ Собесѣдовника Григорія Двоеслова. Особенно много статей изъ него въ Прологахъ. Въ собраніи рукописей гр. Толстаго находится одинъ списокъ Римскаго Патерика по описанію рукописей Калайдовича и Строева отдѣленіе II (ркпси in 4-to) № 267 подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Григорія святѣйшаго Апостольскаго папы старѣйшаго Рима, бесѣдованія повѣстна къ Петру Архидіакону тояже церкви, о жительствѣ различныхъ отецъ, ихъ же въ Италіи обрѣтьшимся,"[1]) представляющимъ дословный переводъ греческаго заглавія этого памятника. Въ нѣкоторыхъ славянскихъ переводахъ къ Собесѣдованію прилагается предисловіе, въ которомъ излагается вкратцѣ, но высокопарно жизнь Григорія Великаго и обстоятельства перевода Патерика его на греческій языкъ. [2])

Но вмѣстѣ со сборниками житій составленными однимъ авторомъ, какъ Паладіемъ, І. Мосхомъ, Ѳеодоридомъ Кирскимъ и Григоріемъ Двоесловомъ, въ греческой христіанской литературѣ весьма сильно были распространены сборники житій святыхъ различныхъ авторовъ подъ названіемъ патериковъ. „Нѣтъ сомнѣнія,—говоритъ Фабрицій, [3]) что нѣкогда существовало множество этого рода томовъ, которые упоминаются подъ именемъ монахиковъ, геронтиковъ или патериковъ, которыя часто упоминаются въ церковно-историческихъ памятникахъ и постоянно употреблялись для монастырскихъ цѣлей. Многіе изъ этихъ сочиненій, продолжаетъ онъ, погибли не

---

[1]) Обстоятельное описаніе словяно-россійскихъ рукописей гр. Ѳ. А. Толстаго. м. 1825, стр. 428.

[2]) См. Ундольскаго: Библіографическія разъисканія Москвитянинъ. 1846, кн. 11, стр. 205 и слѣд. Новый русскій переводъ напечатанъ въ Православномъ Собесѣдникѣ за 1858 г.

[3]) Bibliot. Graeca, t, X, pag. 127 и слѣд.

только отъ людской небрежности и отъ времени, но и насильственнымъ образомъ. Такъ напр. Феофанъ и Кедринъ разсказываютъ о Константинѣ Копронимѣ, что всѣ книги этого рода были преданы имъ огню."

Къ числу этихъ патериковъ-сборниковъ разныхъ авторовъ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, греческая пергаментная рукопись патерика XI—XII в. Московской синодальной библіотеки № 452, недавно изданная, какъ намъ кажется, въ превосходномъ переводѣ на русскій языкъ редакціей Душеполезнаго чтенія. — Переводъ сдѣланъ съ рукописи № 452 съ приведеніемъ варьянтовъ по двумъ другимъ рукописямъ той-же синодальной библіотеки № 153 и № 265 и по изданію Котельера Monumenta Ecclesiae Graecae, гдѣ встрѣчается нѣсколько главъ изъ этого патерика; кромѣ варьянтовъ подъ строкой приведены всѣ греческія слова, могущія представить интересъ или подать сомнѣніе въ вѣрности перевода. Не беря на себя смѣлости оцѣнки этого труда, въ особенности не зная подлиника, мы всетаки, по сличеніи его съ латинскимъ переводомъ [1]) полагаемъ, что это изданіе вполнѣ заслуживаетъ вниманіе нашихъ ученыхъ. По мнѣнію переводчика „Патерикъ, занимающій всю эту рукопись, былъ уже извѣстенъ патріарху Константинопольскому Фотію, который и описалъ его въ своей библіотекѣ по главамъ (cod. 198). Подлинный греческій текстъ сего патерика не изданъ и даже по рукописямъ не извѣстенъ. Извѣстенъ только латинскій его переводъ сдѣланный еще въ VI вѣкѣ Пелагіемъ и Іоанномъ, діаконами Римскими изд. Росвейдою (см. послѣднюю цитату и Минемъ Patrologiae Cursus. Seria latina t. L, XXIII pag. 855 и слѣд.) [2]) Въ составъ этого патерика вошли въ значительной степени и сказанія изъ Лавсаика Паладія и изъ Лимонаря Іоанна Мосха.

По указанію глубоко ученаго В. Ундольскаго [3]) славянскіе патерики представляютъ такую же *чрезвычайную разность* какъ и гре-

---

[1]) По изданію Росвейда: De vita Seniorum. Antwerpiae 1628 г. экземпляръ Библіотеки Импер. Варшавскаго Университета.

[2]) Древній Патерикъ изложенный по главамъ. Переводъ съ греческаго изд. редакціи Душеполезнаго чтенія. М. 1874, стр. 6—7.

[3]) Библіографическія разысканія Москвитянинъ. 1846 N. 12 pag. 198 и слѣд.

ческіе. Заглавіе здѣсь очень часто ничего не значитъ. Перечисливъ нѣсколько рукописей Лавсаика въ славянскомъ переводѣ, нашъ авторъ продолжаетъ: „Еслибы всѣ перечисленные Лавсаики были совершенно сходны между собою, то не трудно было бы признать ихъ основаніемъ всѣхъ Греческихъ Патериковъ. Но они не только по заглавіямъ и началамъ, но самымъ содержаніемъ, порядкомъ и полнотою или сокращенностью исторій весьма различны одинъ отъ другого. Такъ и въ Греческихъ рукописяхъ."

Въ славянскихъ рукописяхъ большею частью употребляется названіе Патерика Скитскаго безразлично для патериковъ разного состава, хотя Лимонарь удерживаетъ названіе патерика Синайскаго или Цвѣтника.[1]) Патерики были извѣстны въ Славянскихъ переводахъ съ самыхъ древнѣйшихъ временъ: такъ по указанію академика И. Срезневскаго [2]) рукописи патериковъ Синайскаго и Скитскаго относятся къ XII и XIII вѣкамъ; у него же собраны указанія древнихъ памятниковъ о томъ, что Патерики были извѣстны многимъ писателямъ XIII вѣка. [3]) Съ XVI-го вѣка Патерики сохранились въ значительномъ количествѣ списковъ, и въ каждомъ собраніи рукописей можно найти экземпляры этого рода памятниковъ, [4]) а это безъ сомнѣнія указываетъ на то, что патерики были любимымъ чтеніемъ грамотной Руси. Гораздо рѣже другихъ сборниковъ житій попадается между рукописями исторія Боголюбцевъ Блаженнаго Ѳеодорита: въ извѣстныхъ печатныхъ описаніяхъ рукописей нѣтъ совсѣмъ цѣлыхъ экземпляровъ этого сочиненія Блаженнаго Ѳеодорита, хотя въ сборникахъ нерѣдко попадаются изъ него отдѣльныя

---

[1]) См. Описаніе словяно-россійскихъ рукописей гр. Толстаго. Отд. II. NN. 160 и 258; Описаніе рукописей Царскаго N. 226 и друг.

[2]) Древніе памятники русскаго письма и языка. Извѣс. II отд. Ак. Н. т. X, стр. 167 и 229.

[3]) Ibid. стр. 176, 179 и 185.

[4]) Напр. въ собраніи гр. Толстаго—25 экземпляровъ разнаго рода патериковъ скитскихъ: 1 Лавсаикъ, 2 Лимонаря или Цвѣтника и 1 Бесѣдованія Григорія Двоеслова; у Царскаго скитскихъ 12, 2 Лимонаря и 3 Лавсаика; у Ундольскаго 4 скитскихъ, 1 Лавсаикъ и 1 Лимонарь, у Хлудова 3 скитскихъ.

статьи. Въ заключеніе замѣтки о не русскихъ патерикахъ въ древней русской литературѣ не лишнимъ считаемъ прибавить, что въ ней обращался въ славянскомъ переводѣ и сводъ всѣхъ патериковъ, расположенный въ алфавитномъ порядкѣ, извѣстный подъ названіемъ: „Азбучнаго патерика." [1]) Въ печатныхъ славянскихъ переводахъ въ Супральскомъ изданіи 1791 и Московскихъ 1845 и 46 г. въ азбучный Патерикъ внесены нѣкоторыя русскія житія по преимуществу изъ Патерика Печерскаго и Пролога.

Обстоятельства, при которыхъ появилась у насъ литература, сообщили ей особый характеръ и направленіе. Древне-русская литература почти исключительно духовнаго содержанія, при этомъ, такъ какъ христіанство Русь получила изъ Византіи, то и литература наша подчинилась по преимуществу вліянію византійскому. Не касаясь здѣсь вопроса, на сколько на самомъ дѣлѣ можно считать вѣрнымъ положеніе, что византійское вліяніе было вообще вредно для развитія нашей древней національной словесности, не давшее ей ничего кромѣ книжной схоластики, сковывающей свободное движеніе мысли, мы считаемъ неопровержимымъ фактомъ, что древне-русская письменность не выработала самостоятельныхъ литературныхъ формъ, а вполнѣ подчинилась формамъ византійской литературы. Къ числу этихъ формъ принадлежатъ и житія святыхъ и сборники таковыхъ—Патерики.

Вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства изъ Византіи къ намъ перешли въ Южно-Славянскихъ переводахъ и произведенія византійской христіанской письменности, между которыми важное мѣсто занимали житія святыхъ. Житія святыхъ по причинамъ, указаннымъ выше, сдѣлались любимымъ чтеніемъ грамотной Руси и быстро распространились въ многочисленныхъ спискахъ. Вскорѣ за тѣмъ и у насъ на Руси стали появляться подвижники, признаваемые церковью святыми, понадобилось увѣковѣчить память и ихъ подвиговъ въ потомствѣ, необходимо было составить житія этихъ угодниковъ,

---

[1]) Греческое изданіе съ латинскимъ переводомъ Котельера: Ecclesiae graecae monumenta, t 1. Словянскій переводъ въ собраніи Ундольскаго: Словяно-русскія рукописи Ундольскаго. М. 1870. N. 224, стлб. 192.

и вотъ у насъ повторился тотъ-же процесъ творчества т. е. ученикъ святаго или иной инокъ, проникнутый уваженіемъ къ подвижнику, собираетъ изустныя преданія о преставившемся учителѣ, и полный благоговѣнія къ своему дѣлу, со страхомъ за свое неумѣніе достойно описать житіе учителя излагалъ его, руководствуясь читанными имъ прежде житіями. При этомъ надобно замѣтить, что такъ какъ наша древняя словесность возникла одновременно въ различныхъ мѣстностяхъ, подчиняясь ихъ условіямъ, то первоначально не было и не могло быть словесности вообще русской, а были преданія и сказанія Кіевскія, Новгородскія, Муромскія, Рязанскія, Ростовскія, Смоленскія [1]) и т. д.—Разумѣется, это литературное разъединеніе было слѣдствіемъ политической особности, въ которой такъ долго держались древне-русскія княжества. Самобытность и независимость областныхъ легендъ и сказаній ставило иногда легенды въ противорѣчіе одна другой, что указано проф. Буслаевымъ въ превосходной статьѣ его: Мѣстныя сказанія Новгородскія, Ростовскія и Владимірскія. [2]) Въ каждой области является свой патронъ покровитель, большею частью князь защитникъ области или черноризецъ, духовный ея просвѣтитель, къ которому по преимуществу обращались съ молитвами и отъ котораго ожидали покровительства родной земли. Вотъ что находимъ въ житіи Прокопія Устюжскаго XVI вѣка: „Кіевъ блажитъ Антонія и Θеодосія Печерскихъ чудотворцевъ; Московское царство блажитъ Петра, Алексѣя и Іону и Максима; Псковъ-же и Великій Новгородъ блажатъ Варлаама и Михаила юродиваго Христа ради; Смоленскъ блажитъ князя Θеодора; Ростовъ блажитъ Леонтія, Игнатія, Исаію, Вассіана и Ефрема; Вологда блажитъ преподобнаго Димитрія. Каждая область своихъ блажитъ. И мы Устюжане блажимъ Прокопія Устюжскаго; сѣверная страна по Двинѣ рѣкѣ, Вага рѣка, на которой городъ Сенкурія и та блажитъ Георгія юродиваго Христа ради; Соловецкій же островъ и все поморіе

---

1) Буслаева: Историческіе очерки русской словесности, т. II, стр. 108.

2) См. Лѣт. русской литературы Тихонравова, т. IV.

блажитъ Савватія и Зосиму. Мы, Устюжане, Прокопія имѣемъ у себя стражемъ и хранителемъ отчизны нашей Устюга." [1])

Эта духовно-религіозная особность, выразилась еще въ мѣстномъ почитаніи угодниковъ, не признаваемыхъ всей русской церковью, но и не отвергаемыхъ ею—такъ называемыхъ мѣстно-чтимыхъ угодниковъ.—Такихъ угодниковъ очень много на Руси и изученіе житій ихъ чрезвычайно важно для характеристики областной жизни древней Руси, для которой такъ немного можно найти въ другихъ источникахъ, лѣтописяхъ, оффиціальныхъ актахъ и т. п. Кромѣ этого въ началѣ XVIII вѣка была составлена драгоцѣнная для изученія нашей старины: „книга глаголемая о Россійскихъ Святыхъ, гдѣ въ коемъ градѣ, или области, или монастырѣ, или въ пустынѣ поживѣ и чудеса совтори, всякаго чина Святыхъ." [2]) Согласно развитію древне-русской народности и литературы, она расположена по мѣстностямъ, т. е. по областямъ и городамъ. Такимъ образомъ съ древнихъ временъ стали появляться въ древней Руси сборники житій мѣстныхъ угодниковъ, которые могутъ также называться патериками или отечниками, хотя названіе патериковъ эти сборники получаютъ рѣдко. Древнѣйшій по своему происхожденію Патерикъ Печерскій состоитъ изъ произведеній преподобнаго Нестора, преподобнаго Симона епископа Суздальскаго и Владимірскаго и преподобнаго Поликарпа черноризца Печерскаго. Древнѣйшіе списки Патерика Печерскаго XV вѣка на пергаментѣ, одинъ принадлежитъ Императорской Публичной Библіотекѣ 1406 года, [3]) другой бывшей Новгородской—Софійской, теперь С.-Петербургской Духовной Академіи безъ означенія года. [4]) Кромѣ этого множество списковъ на бумагѣ начиная съ XV и до XVIII вѣка. Кіевскій Патерикъ нѣсколько разъ былъ напечатанъ: первое изданіе было въ 1661 году

---

[1]) Отрывокъ напечатанъ въ статьѣ Щапова: Великорусскія области и смутное время. См. Отеч. Записки. 1861 г. N. 10, стр. 605.

[2]) Истор. очерки русской Словесности Буслаева, т. II, стр. 242.

[3]) См. Описаніе этой рукописи Кубарева: Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др. 1847 г. т. 9, стр. 23—40.

[4]) Преосвящ. Макарія: Обзоръ редакцій кіево-печерскаго патерика. Извѣстія Ак. Н. по отд. рус. яз. и Слов., т. V, стлб. 137—144.

(Хотя Сопиковъ, Сахаровъ и Каратаевъ и указываютъ изданіе 1597 года, но этого изданія на самомъ дѣлѣ не оказывается; вотъ что говоритъ Сопиковъ объ этомъ изданіи: „Хотя о семъ изданіи упоминается въ рукописной книгѣ подъ заглавіемъ: „Предисловіе къ Минеи четьи на Мѣсяцъ, подаренный Московскому Историческому Обществу покойнымъ Матрунинымъ, буде оно дѣйствительно существуетъ и т. д." Основываясь на этомъ указаніи Сопикова—Сахаровъ и Каратаевъ обозначили первое изданіе Патерика 1597 г.) За тѣмъ слѣдуетъ рядъ сборниковъ житій мѣстныхъ угодниковъ, несравненно менѣе распространенныхъ и весьма разнообразныхъ по своему составу. Только нѣкоторые изъ нихъ самими авторами называются Патериками, напр. Досифей Топорковъ, инокъ Іосифова Волоцкаго монастыря составилъ въ XVI вѣкѣ сборникъ сказаній объ Іосифѣ Волоцкомъ, его изрѣченій, повѣстей о Пафнутіи Боровскомъ и другихъ историческихъ и назидательныхъ сказаній, самъ называя свой сборникъ Патерикомъ: „Сего ради изволихъ по силѣ трудившихся писаніемъ изложити въ патерицѣ по отческому преданію первѣе о отци Пафнутіи и о ученицѣхъ его и елика отъ него они слышаша, потомъ же и о отцѣ Іосифѣ и о ученицѣхъ его и елика отъ него слышахомъ и сами видѣхомъ, такоже во инѣхъ монастырехъ пребывая, елико слышахъ и самъ видѣхъ и елика отъ сущихъ въ мірѣ слышахъ, потщахся писанію предати таковая...... глаголющихъ ради и неправѣ мудрствующихъ, яко въ нынѣшняя времена такова знаменіа не бываютъ." [1])

Патерикъ Владимірскій въ Румянцевскомъ музеумѣ въ Сборникѣ XVII и начала XVIII в. носитъ слѣдующее заглавіе: „Изъявленіе отчасти житія и чудесъ святыхъ Владимірскихъ чудотворцевъ избрано изъ лѣтописцевъ вкратцѣ, которыя благовѣрныя и великія князи и княгини и ихъ чада и преосвященныя митрополиты и епископы лежатъ во гробѣхъ во святѣй церкви соборной, въ преименитомъ градѣ Владимірѣ." [2])

---

[1]) См. Ключевскаго: Древнерусскія житія святыхъ, стр. 295.

[2]) См. Востокова: Описаніе Рукописей Румянцевскаго музеума, стр. 525.

Патерикъ Соловецкій, составленный при содѣйствіи Геннадія архіепископа Новгородскаго, состоитъ изъ житій Зосимы и Савватія, а иногда и Германа Соловецкихъ [1]) въ рукописи Имп. Публ. Библ. Отд. Толстаго 1679 года отд. II, №№ 311 и 348, носитъ заглавіе: „Патерикъ св. общежительныя чудотворныя Лавры Соловецкаго монастыря, еже есть житіе и начальство отока сего преподобныхъ и многочудесныхъ великихъ свѣтилъ, богоносныхъ отецъ нашихъ Зосимы и Савватія." Другой списокъ въ Импер. Публ. Библ. Рук. Толстаго т. II, № 221 житія Зосимы, Савватія и Германа писанъ Спиридономъ Митрополитомъ Кіевскимъ 7011 (1601) года и другіе.

Теперь переходимъ къ главному предмету нашего изслѣдованія. Патерикъ Печерскій, какъ мы замѣтили выше, состоитъ изъ сочиненій трехъ писателей преподобнаго Нестора—Симона и Поликарпа.

О личности преподобнаго Нестора существуетъ цѣлая литература. Вопросъ о томъ, кто былъ составитель первоначальной русской лѣтописи, приписываемой преподобному Нестору, вызвалъ много разсужденій и предположеній, которыя всѣ однако не приводятъ къ убѣдительному результату. Но если можно сомнѣваться въ Несторѣ, какъ авторѣ лѣтописи, мы не имѣемъ ни малѣйшаго повода сомнѣваться въ немъ, какъ авторѣ житія преподобнаго Ѳеодосія. Житіе Ѳеодосія сохранилось во множествѣ списковъ, начиная съ XII в., т. е. современномъ автору; [2]) во всѣхъ спискахъ авторъ самъ называетъ себя, прибавляя еще одну подробность о своей литературной дѣятельности, т. е. извѣстіе о томъ, что онъ ранѣе еще написалъ: „О житіи, и о погубленіи и о чудесѣхъ святую блаженную страстотерпцю Бориса и Глѣба." [3]) Житіе послѣднихъ также [4]) со-

---

[1]) Описаніе Рукописей Толстаго, Калайдовича и Строева, стр. 462 и 489.

[2]) Рукопись Московскаго Успенскаго собора, изд. Бодянскимъ въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древ. 1858 г.

[3]) Памятники рус. литературы XII и XIII вв., стр. 1.

[4]) Изданы акад. Срезневскимъ: Сказанія о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ. Сильвестровскій списокъ XIV в. въ предисловіи помѣщенъ уцѣлѣвшій отрывокъ XII в. Спб. 1860.

хранились до нашего времени въ столь же древнихъ спискахъ, начиная съ XII вѣка и въ немъ онъ самъ говоритъ: „се азъ, Несторъ грѣшный, о житіи и о погубленіи и о чудесѣхъ св. блаженную страстотерпцю сего опасно вѣдущихъ исписая, другая самъ свѣды отъ многихъ мало описахъ." [1]) Сопоставляя свидѣтельства о личности автора, которыя мы находимъ, въ только что названныхъ, сочиненіяхъ преподобнаго Нестора съ свидѣтельствами лѣтописи объ ея авторѣ—встрѣчаемъ нѣсколько трудно объяснимыхъ противорѣчій, заставляющихъ предполагать для этихъ сочиненій двухъ различныхъ авторовъ. Для насъ въ настоящее время по отношенію къ составителю всей начальной лѣтописи, это вопросъ посторонній, но мы не можемъ не обратить вниманія на то, что статья лѣтописи: „Что ради прозвася печерскій монастырь, приписываемая Нестору и обыкновенно входящая въ составъ Патерика, не можетъ принадлежать преподобному Нестору, автору житія преподобнаго Θеодосія: стоитъ только сопоставить указанія авторовъ о своихъ личностяхъ, помѣщенныхъ въ окончаніяхъ житія Θеодосія и статьи: „Что ради прозвася печерскій монастырь."

Въ житіи преподобнаго Θеодосія: „Се бо, елика же быша о блаженѣмъ и велицѣмъ отци нашемъ Θеодосіи, оспытавая, слышахъ отъ древнихъ мене отецъ, *бывшихъ въ то время*, таже и вписахъ азъ грѣшный Нестеръ, мніи всѣхъ въ монастыри преподобнаго отца нашего Θеодосія, пріатъ же быхъ въ онь преподобнымъ игуменомъ Стефаномъ, яко же отъ того постриженъ бывъ и мнишескіа одежи сподобленъ, пакы же и на діаконскіи санъ отъ него возведенъ сыи, ему же не бѣхъ достоинъ..." и проч. [2])

Въ статьѣ: что ради прозвася печерскій монастырь „Θеодосію же живоущу въ монастыри и правящу добродѣтельно житіе и черноческое правило и пріимающу всякого приходящаго, къ нему же и азъ пріидохъ худый и недостоиныи рабъ и пріятъ мя лѣтъ ми соущю 16 отъ рожеіа моего.... [3])

---

[1]) Ibid. стр. 40.
[2]) Памят. рус. литературы XII и XIII вв., стр. 63.
[3]) Ibid. стр. 76 и Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. Спб. 1872, подъ 1051 годомъ, стр. 156.

Въ первомъ отрывкѣ преподобный Несторъ прямо и положительно говоритъ, что самъ онъ не зналъ преподобнаго Θеодосія, а написалъ то, что онъ слышалъ отъ старѣйшихъ старцевъ, бывшихъ въ то время, между тѣмъ, какъ авторъ второго сказанія разсказываетъ, что онъ былъ принятъ самимъ Θеодосіемъ. Согласить два эти свидѣтельства совершенно невозможно. Между тѣмъ за исключеніемъ только что приведеннаго извѣстія и нѣсколькихъ указаній о пребываніи Нестора въ печерскомъ монастырѣ и „написаніи" имъ лѣтописи, мы ничего не знаемъ. Многочисленные же „домыслы", соображенія и предположенія предлагаемые нашими учеными, всѣ вообще не выходятъ изъ области гипотезъ.

Сравнительно гораздо болѣе имѣемъ мы свидѣтельствъ для біографіи второго изъ авторовъ Патерика Печерскаго, преподобнаго епископа Симона; хотя въ не давнее время возбуждено сомнѣніе, что епископъ Симонъ, которому до сихъ поръ приписывали посланіе къ Поликарпу, умершему въ 1226 году, вовсе не писалъ его и что это произведеніе принадлежитъ перу Симона 1-го хиротонисованнаго въ епископскій санъ въ 1160 году и умершему въ 1172. [1]) Но объ этомъ мы скажемъ ниже. Въ своемъ посланіи къ Поликарпу преподобный Симонъ самъ называетъ себя: „и кто не вѣсть мене грѣшнаго епископа Симона и сея соборныя церкви красоты Владимерскія и другія Суздальскія церкви, юже самъ создахъ." [2]) Здѣсь же онъ указываетъ еще на одинъ фактъ своей біографіи, что имъ построена церковь въ Суздалѣ. Далѣе преподобный Симонъ называетъ нѣсколькихъ своихъ современниковъ: „Пишетъ ми княгиня ростиславляа Верхуслава, хотящи ти поставити епископомъ Новуграду на Антоніево мѣсто, или Смоленску на Лазарево мѣсто, или Юрьеву на Алексѣево мѣсто": [3]) и „но аще бы ты былъ достоинъ таковаго сана, то не быхъ тебѣ пустилъ отъ себе, но своима рукама сопрестальника тя себѣ поставилъ быхъ въ обѣ епископіи Владиме-

---

[1]) См. Іеремонаха Іоасафа: Церковно-историческое Владимірскихъ древностей. Владиміръ. 1857, стр. 10.

[2]) Памят. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 90.

[3]) Ibid. стр. 89.

ру и Суздалю, якоже князь Георгіи хотѣлъ, [1]) и еще: „занеже въ схотѣлъ еси служити святу мужеви, своему господину, а нашему брату архимандриту Акиндину Печерскому." [2]) Наконецъ рядъ епископовъ, вышедшихъ изъ печерскаго монастыря до времени преподобнаго Симона и которыхъ онъ самъ называетъ въ своемъ посланіи: „По семъ же (Ростовскомъ епископѣ Леонтіи) Никола, Ефремъ Переяславлю, Исаіа Ростову, Германъ Новуграду, Стефанъ Владимеру, Нифонтъ Новуграду, Маринъ Юрьеву, Мина Полотску, Никола Тмутаракану, Ѳеоклистъ Чернигову, Лаврентій Турову, Лука Бѣлуграду, Ефремъ Суздалю." [3])

Въ лѣтописи мы находимъ слѣдующія указанія о епископѣ Суздальскомъ и Владимірскомъ Симонѣ: подъ 1214-мъ годомъ: „Того же лѣта князь Гюрги, сынъ Всеволожь, изведъ Симона игумена блаженаго отъ Рожества святыя Богородица, и посла и в Кыевъ к митрополиту и постави и епископомъ Суждалю и Володимерю." [4]) Подъ 1219-мъ: „Священа бысть церкы святыя Богородица Рожества, в манастыри, великымъ священымъ, епископомъ Симономъ, мѣсяца семтября въ 7 день [5]) „Подъ 1225-мъ „Того же лѣта создана бысть церкы святыя Богородица въ Суждали и священа бысть епископомъ Симономъ въ 8 день семтября. [6])" Подъ 1226-мъ: „Въ лѣто 6734, мѣсяца мая въ 22 день, преставися блаженый и милостивый, учительный епископъ Симонъ Суждальскій и Володимерскій, постригъся в скыму: и положено бысть честное тѣло его въ церкви святыя Богородица в Володимери". [7]) Наконецъ о церкви „созданной" въ Суздали кн. Георгіемъ и епископомъ Симономъ упоминается уже послѣ смерти преподобнаго Симона: „почата бысть писати церкы святыя Богородица въ Суждали, потщаніемъ священаго епи-

---

[4]) Памят. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 90.
[5]) Ibid. стр. 88.
[6]) Ibid. стр. 90.
[4]) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, стр. 416.
[5]) Ibid. стр. 422.
[6]) Ibid. стр. 425.
[7]) Ibid. стр. 426.

скопа Митрофана, юже бѣ рушилъ велики князь Юрги въ епископьство Симона и опять созда краснѣйшю первыя." [1]) Современникомъ этому епископу Симону былъ князь Гюрги сынъ Всеволожь, и по обстоятельствамъ его жизни, приводимыхъ лѣтописью, можно положительно заключить, что слова Симона: „якоже князь Георгіи хотѣлъ, но азъ ему возбранихъ относятся къ нему. Этотъ князь Георгій, Юрій или Гюрги Всеволодовичь родился въ 1189 году [2]), съ 1212 года княземъ Суздальскимъ и Владимірскимъ, [3]) постоянно споря съ братомъ своимъ Константиномъ Ростовскимъ, желавшимъ присоединить Владиміръ къ своей области и убитъ въ битвѣ съ Татарами на рѣкѣ Сити въ 1238. [4]) Выше было приведено извѣстіе объ участіи князя Георгія въ избраніи Симона епископомъ Суздальскимъ и Владимірскимъ, а о сооруженіи церкви этимъ княземъ въ Суздалѣ находимъ извѣстіе подъ 1222 годомъ. [5])

О княгинѣ Вертуславѣ-Анастасіи (какъ ее называетъ преподобный Симонъ христіанскимъ именемъ [6]) также находимъ лѣтописныя свидѣтельства, вполнѣ подтвержающія личность. Княгиня Верхуслава жена князя Ростислава Рюриковича, по этому Ростиславляя, какъ ее называетъ въ другомъ мѣстѣ Симонъ, дочь Всеволода III Георгіевича, о ея замужествѣ разсказано довольно подробно подъ 1187 годомъ. [7]) Наконецъ и всѣ изъ епископовъ, о которыхъ находятся лѣтописныя извѣстія, обнимаютъ пространство времени отъ X до конца XII в. Послѣдній по времени Туровскій епископъ Лаврентій упоминается подъ 1182 годомъ, [8]) слѣдовательно всѣ они жили до епископа Симона умершаго, какъ сказано выше въ 1226. Для желающихъ провѣрить это положеніе, привожу здѣсь указаніе изъ

---

[1]) Лѣт. по Лавр. списку, стр. 433.

[2]) Ibid. стр. 387.

[3]) Лѣтоп. по Воскресенскому списку П. С. Р. Лѣт., т. VII, стр. 118.

[4]) Ibid. стр. 142.

[5]) Лѣт. по Лаврент. списку, стр. 423.

[6]) Пам. рус. лит. XII и XIII в., стр. 89: „и рѣхъ еи дщи моя Анастасіе“.

[7]) Лѣтопись по Ипатьевскому списку. Спб. 1871, стр. 443.

[8]) Ibid. стр. 424.

лѣтописей и другихъ источниковъ о епископахъ, упоминаемыхъ преподобнымъ Симономъ:

Переяславскіе.

Ефремъ упоминается подъ 1089 и 1091 годами. [1])

Никола, подъ 1072 упоминается игуменъ переяславскій Николай, [2]) весьма вѣроятно, что онъ впослѣдстіи былъ епископомъ.

Ростовскій Исаія епископомъ съ 1077 [3]) † послѣ 1089 [4]), когда онъ присутствовалъ на освященіи церкви въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ.

Новгородскіе: Германъ епископомъ съ 1078 [5]) и † въ 1096 [6]), Нифонтъ еписк. съ 1144 [7]) † въ 1156. [8])

Полоцкій Мина поставленъ епископомъ въ 1105. [9])

Черниговскій Ѳеоктистъ епископомъ съ 1113. [10])

Туровскій Лаврентій упоминается подъ 1182, при извѣстіи о постриженіи Василія попа, избраннаго игуменомъ печерскимъ. [11])

Ефремъ Суздальскій упоминается пятымъ епископомъ, служившимъ въ церкви Успенія Пресвятой Богородицы, послѣ Исаіи чудотворца [12]), т. е. не ранѣе конца XI в.

Маринъ Юрьевскій (Гурьгевскій) упоминается подъ 1091 и 1095 [13]) годами.

Лука Бѣлогородскій подъ 1089. [14])

---

1) Лѣт. по Лавр. списку, стр. 202 и 204.

2) Ibid. стр. 176.

3) См. Житіе Св. Исаіи еп. Ростовскаго. Православный Собесѣдникъ 1858 г. Мартъ, стр. 438.

4) Ibid. стр. 444 и Лѣтопись по Ипат. списку, стр. 146.

5) Новгородская III-я лѣтопись. П. С. Р. Л., т. III, стр. 121 и 214.

6) Ibid.

7) Ibid. стр. 214.

8) Ibid. стр. 215.

9) Лѣтоп. по Лаврентьевскому списку, стр. 270.

10) Ibid. стр. 275.

11) Лѣтоп. по Ипат. списку, стр. 424.

12) Воскресенская лѣтопись, стр. 313 и 314.

13) Лѣтоп. по Лаврент. списку, стр. 204 и 221.

14) Ibid. стр. 201.

Стефанъ Владимірскій, бывшій прежде игуменомъ печерскимъ, подъ 1091 г. уже упоминается какъ епископъ Владиміро-Волынскій † 1094. [1])

Объ одномъ только Николѣ Тмутараканскомъ я не нашелъ историческихъ указаній.

О двухъ епископахъ современныхъ преподобному Симону: Новгородскомъ Антоніи, Смоленскомъ Лазарѣ находимъ подтвержденія другихъ источниковъ:

Антоній Новгородскій былъ епископомъ 1212—1220, затѣмъ вынужденъ былъ оставить епархію и опять управлялъ ею съ 1225—1229.[2])

Смоленскій епископъ Лазарь упоминается въ житіи Авраамія Смоленскаго, „по Игнатіи епископу бывшу" [3]), такъ какъ Игнатій упоминается подъ 1206 годомъ, [4]) слѣдовательно Лазарь былъ епископомъ въ первой половинѣ XIII вѣка

О 3-мъ Алексѣѣ Юрьевскомъ мы не нашли указаній.

Мы сочли не лишнимъ собрать всѣ эти указанія подтверждающія, что еп. Симонъ, авторъ посланія къ Поликарпу, управлялъ Суздальскою и Владимірскою епархіею съ 1214—1226 г., такъ какъ вышеприведенное мнѣніе іеромонаха Іосифа нашло сторонника въ русской литературѣ. [5])

Главнымъ поводомъ къ непризнанію этого факта служатъ противорѣчія лѣтописнаго извѣстія, что Симонъ погребенъ во Владимірѣ: „и положено бысть честное тѣло его въ церкви Святыя Бого-

---

[1]) Ibid. стр. 204 и 219.

[2]) Новгородская І-я лѣтопись. П. С. Р. Л., т. III, стр. 31, 37, 38, 42 и 48.

[3]) Житіе преподобнаго Авраамія Смоленскаго. Православный Собесѣдникъ 1858 г. Ноябрь, стр. 375.

[4]) См. Исторія Государст. Россійскаго Карамзина, т. III, прим. 118, изданіе Эйнерлинга, стр. 54.

[5]) См. Голосъ въ защиту списателей Печерскаго Патерика Св. Симона, еп. Владимірскаго и Суздальскаго и преподобнаго Поликарпа, архимандрита въ кіево-печерской лаврѣ. Статья І. Л. Чт. М. Об. И. Др. 1860, кн. 4.

родица в Володимери" [1]) съ тѣмъ, что мощи еп. Симона, списателя Патерика почиваютъ нетлѣнно въ Кіево-Печерской Лаврѣ въ пещерахъ. О чемъ древнѣйшее указаніе находимъ у Кальнофойскаго въ его Тератургима, изданномъ въ 1638; [2]) противорѣчіе, на которое обратилъ уже свое вниманіе Карамзинъ. [3])

Опираясь на историческія свидѣтельства о двухъ архимандритахъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ Акиндинѣ [4]) и Поликарпѣ, [5]) г. І. Л. старается доказать, что послѣдній Поликарпъ былъ авторъ четвертой части Патерика и написалъ свое посланіе къ Акиндину своему предшественнику по настоятельству въ печерской лаврѣ, при которомъ онъ былъ черноризцемъ; но въ такомъ случаѣ епископъ Симонъ, о которомъ упоминается въ лѣтописяхъ съ 1214 не могъ быть составителемъ третьей части Патерика, написанной къ Поликарпу, такъ какъ послѣдній умеръ въ 1182 году. Необходимо предположить существованіе другого Симона епископа Суздальскаго и Владимірскаго. Но научное предположеніе необходимо должно имѣть, хоть какое нибудь достовѣрное основаніе; не имѣя никакихъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ или указаній другихъ источниковъ, нашъ авторъ останавливается на позднѣйшихъ мѣстныхъ изслѣдованіяхъ, изъ которыхъ видимъ что въ Суздалѣ съ XVII в. существовало преданіе, что раньше, извѣстнаго по лѣтописямъ, Симона былъ еще одинъ епископъ, управлявшій епархіей Владимерской и Суздальской между 1092—1185 г., въ такомъ случаѣ этотъ Симонъ былъ современникомъ вышеприведеннымъ Акиндину и Поликарпу. Приведемъ здѣсь свидѣтельства объ этомъ Симонѣ собранныя г. І Л., [6]) располагая ихъ по степени важности.

---

[1]) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, стр. 426.

[2]) Николая Закревскаго: Описаніе Кіева, М. 1868 т. II, стр. 644.

[3]) Ист. Госуд. Россійскаго, т. III прим. 171 изд. Эйнерлинга, стр. 78.

[4]) Объ Акиндинѣ (1156—1164) свидѣтельствуетъ авторъ описанія Кіево-печерской лавры К. 1826, ссылаясь на грамоту Андрея Юрьевича Боголюбскаго, до сихъ поръ неизвѣстную, стр. 108.

[5]) † 1182 г. Лѣт. по Ипат. списку стр. 423.

[6]) См. Голосъ въ защиту списателей Печерскаго Патерика, стр. 120 и изд.

„Въ рукописной лѣтописи Боголюбова монастыря (копія съ древней)[1]) читаемъ: Св. Лука епископъ, при державѣ сего В. К. Дмитрія Всеворода Георгіевича, на мѣсто Св. Симона епископа, списавшаго часть Печерскаго Патерика и положеннаго по кончинѣ въ пещерахъ кіевскихъ, посвященъ во епископа во Владиміръ, въ Ростовъ и Суздаль въ лѣто 6693-е Марта въ первый на десять день преосвященнымъ Никифоромъ, митрополитомъ Кіевскимъ. Далѣе читаемъ: Въ лѣто 6723 (1215) Владимірскій епископъ Іоаннъ, конечно ради смиренномудрія, оставя епископію и облечеся въ схиму въ Боголюбомъ монастырѣ, на ево мѣсто посвященъ епископъ Симонъ во Владиміръ и Суздаль Кіевскимъ митрополитомъ.... въ лѣто 6735 (1227). Преосвященный Симонъ, епископъ Владимірскій преставися Мая въ 22 день пасъ церковь Божію дванадесять лѣтъ....

„Въ бытность въ Суждальской епархіи Пр. Варлаамъ епископъ иже бѣ 1719 года, сей повелѣ въ церковныхъ молитвахъ по Святителѣ Іоаннѣ и Ѳеодорѣ воспоминать тако: иже во святыхъ отецъ нашихъ Іоанна, Ѳеодора и Симона Епископовъ Суждальскихъ чудотворцевъ (еже употреблялось во всю Его Преосвященства бытность въ Суждалѣ). 1756 года Августа 1 дня по благословенію пр. Сильвестра, Митрополита Суждальскаго и Юрьевскаго, помяненнаго Святителя Симона Епископа образъ со протчими Суздальскими написанъ и поставленъ въ Суждальской соборной церкви, между раками великихъ Святителей Іоанна и Ѳеодора Суждальскихъ чудотворцевъ." За тѣмъ слѣдуютъ епископы суздальскіе 4) Св. Лука, 5) Іоанъ, а подъ № 6-мъ показанъ другой епископъ Симонъ, о которомъ сказано (согласно съ Лаврент. лѣтописью) Симонъ, епископъ Суздальскій и Владимірскій, посвященъ въ епископа при Великомъ Князѣ Георгіѣ Всеволодовичѣ, вмѣсто бывшаго епископа Іоанна въ лѣто 6723 (1215); пасъ церковь Божію 12 лѣтъ, преставился въ лѣто 6732 (1227) Мая 22 дня..."

---

[1]) Изъ собранія рукописей г. І. Л. Весьма жаль, что авторъ не сообщилъ болѣе подробныхъ извѣстій объ этой рукописи, что же касается до древности ея, то языкъ приведенныхъ изъ нея выписокъ показываетъ, что она написана въ очень недавнее время.

Къ сожалѣнію изъ статьи г. І. Л. не видно откуда онъ взялъ эту выписку—не основано ли это указаніе на приведенномъ у него выше, слѣдующемъ свидѣтельствѣ Ключаря Суждальскаго собора Ананія Ѳедорова въ его сочиненіи: Историческое собраніе о Богоспасаемомъ градѣ Суждалѣ, [1]) написанномъ около 1770 года; въ третьей главѣ, носящей заглавіе: ,,О преосвященныхъ епископѣхъ, архіепископѣхъ и митрополитѣхъ Суждальскихъ: кто, когда, по комъ престолоправительствовалъ и каковыя при комъ достопамятныя случаи были". Здѣсь послѣ сказанія о св. первомъ епископѣ Суждальскомъ Ѳеодорѣ и святыхъ епископахъ Леонтіи и Исаіи Ростовскихъ, иже и Суждальскую страну управляли духовнымъ правленіемъ; подъ № 3-мъ, о Св. Симонѣ, первомъ епископѣ Владимірскомъ и Суздальскомъ говорится такъ: Святитель Симонъ Владимірскій (первый) и Суздальскій (третій послѣ Св. Ѳеодора и Ефрема) бѣ въ лѣто 6600-е (1092—1185) преставился же и положенъ бысть по желанію своему въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, сей святитель написа часть Патерика Печерскаго". [2])

Вотъ всѣ свидѣтельства, на которыхъ основывается мнѣніе, что авторъ части патерика епископъ Симонъ жилъ въ XII в., потому что мы никакъ не можемъ признать за историческое свидѣтельство обстоятельства, что память Св. епископа празднуется 10 Мая, между тѣмъ какъ еп. Симонъ XIII-го в. преставился 22 Мая. Празднованіе памяти святаго не всегда назначалось въ день его преставленія; очень распространено было также чествованіе дня обрѣтенія мощей, а о времени обрѣтенія мощей преподобнаго епископа Симона мы не имѣемъ никакихъ указаній. Весьма вѣроятно, что день 10 Мая былъ днемъ обрѣтенія мощей Св. епископа. Замѣтимъ при этомъ, что въ нашихъ святцахъ, въ прологѣ и въ Минеяхъ четіяхъ Св. Дмитрія Ростовскаго память преподобнаго епископа Симона празднуется 10 Мая и нѣтъ вовсе памяти о другомъ еп. Симонѣ † 22 Мая.

Разсмотрѣвъ всѣ свидѣтельства о Симонѣ 1-мъ епископѣ Суздальскомъ и Владимірскомъ, мы не находимъ еще возможнымъ при-

---

[1]) Временникъ М. Об. Ист. Др., т. XXII.
[2]) Голосъ въ защиту списателей Печер. Пат., стр. 120.

знать вполнѣ достовѣрнымъ существованіе этой личности:—всѣ свидѣтельства объ немъ позднѣйшаго времени, и рукопись Боголюбова монастыря, не смотря на то, что г. І. Л. и говоритъ, что она представляетъ копію съ древней, по языку весьма не древня, какъ мы уже замѣтили выше; другія же свидѣтельства XVIII в. указываютъ лишь на то, что во Владимірской области къ этому времени сложилось преданіе объ епископѣ Симонѣ жившемъ въ XII в. и весьма вѣроятно, что преданіе это чисто книжнаго происхожденія и возникло изъ желанія сдѣлать современниками извѣстныхъ по лѣтописямъ Акиндина и Поликарпа—съ еп. Симономъ. Но если даже мы допустимъ существованіе этого епископа, все таки не можемъ признать его авторомъ части Патерика по слѣдующимъ обстоятельствамъ. Симонъ пишетъ Поликарпу, что княгиня Верхуслава желала поставить его епископомъ „Новуграду на Антоніево мѣсто. [1]) Къ счастью мы имѣемъ полный перечень новгородскихъ епископовъ, [2]) изъ котораго видимъ, что во время епископства предполагаемаго Симона I между 1092 и 1185 годами въ Новгородѣ были епископами Германъ (1078—1096), Никита (1096—1109, Іоаннъ (1108 или 1110—1130), Нифонтъ (1130—1156), Аркадій (1156—1163) и Илія въ схимѣ Іоаннъ (1165—1186) [3]); такимъ образомъ безъ перерыва слѣдуетъ рядъ епископовъ, не дающій даже возможности предположить существованіе епископа Антонія, неупоминаемаго лѣтописями. Другой епископъ Ростовскій Лазарь упоминается въ половинѣ XIII в. [4]) какъ мы ужъ замѣтили выше. Изъ другихъ современниковъ, на которыхъ указываетъ преподобный Симонъ въ своемъ посланіи, г. І. Л. признаетъ одного только Князя Георгія, и въ которомъ видитъ Князя Георгія (Юрія) Владиміровича Долгорукова († 1157), съ этимъ еще можно было бы согласиться, еслибы не было другихъ противорѣчій, но никакъ нельзя допустить

---

[1]) Памятн. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 89.

[2]) См. Исторію русской церкви преосвященнаго Макарія. Спб. 1857 г., т. II, стр. 269 и т. III, стр. 254.

[3]) Ibid.

[4]) Житіе Авраамія Ростовскаго, loco citato.

слѣдующаго весьма страннаго объясненія г. І. Л.: „а выраженіе св. Симона о Суздальской Богородицкой церкви „юже самъ создалъ" [1]) показываетъ, что онъ былъ дѣятельнымъ помощникомъ Великаго Князя Юрія, при устроеніи церковныхъ дѣлъ его области, о чемъ упоминаетъ въ своемъ описаніи и отецъ Іоасафъ". [2]) Если бы г. І. Л. потрудился прочесть внимательно все это мѣсто посланія Симона, то разумѣется не рѣшился бы давать столь странное объясненіе весьма простымъ и понятнымъ словамъ этого святителя: „.... и кто не вѣсть мене грѣшнаго епископа Симона и сея соборныя церкви красоты Владимірскія и другія Суздальскія церкви, юже самъ создахъ." [3]) Изъ этихъ словъ весьма ясно, что Симонъ наслаждался великолѣпіемъ двухъ храмовъ соборнаго Владимірскаго и другаго построеннаго имъ самимъ въ Суздали, объ этихъ храмахъ мы имѣемъ и лѣтописныя указанія, [4]) но дѣло въ томъ, что церкви эти построены въ XIII в. и такимъ образомъ никакъ не могли быть созданы Симономъ І-мъ. Есть еще одно весьма важное свидѣтельство, на которое не необратили должнаго вниманія ни іеремонахъ Іоасафъ, ни г. І. Л., а именно: извѣстіе лѣтописи объ отдѣленіи Суздальскаго епископа Іоанна отъ Ростовской епископіи [5]) въ 1214 г. Преосвященный Макарій совершенно справедливо полагаетъ на основаніи этого, что: „первымъ епископомъ Владимірскимъ былъ Симонъ. Съ открытія Владимірской епархіи и отдѣленія отъ Ростовской, епископы Ростовскіе начали называться Ростовскими, Ярославскими и Угличскими, а Владимірскіе—Суздальскими, Владимірскими и Переяславскими." [6]) До этого времени не было епископа Суздальскаго и Владимірскаго.—Намъ кажутся эти указанія достаточными. Предполагаемый епископъ Симонъ І-й не могъ быть авторомъ посланія къ Поликарпу и нельзя объяснять выраженія объ семъ послѣднемъ, встрѣчающееся въ нѣкоторыхъ, далеко не во всѣхъ спискахъ посла-

---

[1]) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 90.

[2]) Голосъ въ защиту и проч., стр. 125.

[3]) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 90

[4]) См. вышеприведенныя цитаты.

[5]) Лѣт. по Лаврент. списку, стр. 416.

[6]) Ист. рус. церк., т. III, стр. 258.

нія: Поликарпу не у сущему архимандриту, какъ это дѣлаетъ г. I. Л. т. е. писано, когда еще Поликарпъ не былъ архимандритомъ, и слѣдовательно ясно, что онъ былъ имъ впослѣдствіи," а гораздо проще: Поликарпу, но не архимандриту, такъ какъ имя архимандрита Поликарпа имѣло нѣкоторую извѣстность, и его можно было считать авторомъ этой статьи; такъ въ спискахъ Патерика Печерскаго редакціи Іосифа Тризны, авторъ этого посланія, Поликарпъ, называется Архимандритомъ Печерскимъ. [1])

Третій изъ составителей житій печерскихъ угодниковъ—Поликарпъ даетъ весьма мало указаній для своей біографіи въ своемъ сочиненіи.—Свое посланіе онъ начинаетъ обращеніемъ къ архимандриту Акиндину, которому пересказываетъ житія, „еже слыша о нихъ отъ епископа Симона Владимірскаго и Суздальскаго", [2]) такимъ образомъ свидѣтельствуетъ о духовной связи съ послѣднимъ, о которой мы уже были вправѣ заключить изъ посланія къ нему преподобнаго Симона.—Кромѣ того онъ еще два раза называетъ себя: въ житіяхъ Агапита и Григорія чудотворца. [3]) Такъ какъ мы уже говорили выше, что епископъ Симонъ жилъ въ XIII в., то и Поликарпъ былъ его современникомъ. О третьей личности современной двумъ предшествующимъ, архимандритѣ Акиндинѣ, мы имѣемъ лѣтописное свидѣтельство подъ 1231 годомъ. [4])

Объ авторѣ четвертой части Патерика или, можетъ быть, двухъ авторахъ двухъ отдѣльныхъ статей: 1-ой) приписываемой Нестору „Сказаніе, что ради прозвася печерскіи монастырь —и 2-ой) „О первыхъ черноризцахъ печерскихъ," кромѣ вышеприведеннаго послѣсловія перваго сказанія, свидѣтельствующаго о постриженіи его автора преподобнымъ Ѳеодосіемъ, мы не имѣемъ никакихъ указаній.—

По всей вѣроятности, слѣдуетъ предположить, что статьи этихъ авторовъ сначала распространились между грамотной Русью отдѣльно

---

[1]) См. Іосифъ Тризна, редакторъ Патерика Печерскаго, статья В. Ундольскаго Чтенія М. Общ. Ист. и Др. 1846 г., кн. 4.

[2]) Памят. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 126.

[3]) Ibid. стр. 135 и 136.

[4]) Лѣтоп. по Лавр. списку, стр. 434.

тели печатнаго Патерика не приняли въ житіе Өеодосія этой вставки. А эти составители, сколько можно судить по прекрасному труду ихъ, были люди отличнаго просвѣщенія. И такъ и ихъ авторитетъ долженъ быть здѣсь принятъ въ уваженіе. Теперь попытаемся, не можемъ ли разгадать причину, побудившую редактора къ этой вставкѣ?"

„Кассіановская редакція сдѣлана въ 1460 году. Въ это время что мы видимъ въ исторіи Южно-Россійской Іерархіи? На престолѣ первосвятительскомъ возсѣдаетъ отщепенецъ Православія, Митрополитъ Григорій, другъ, ученикъ и единомысленникъ Исидора, послѣдователя Флорентійскаго соединенія, между тѣмъ какъ Князья Кіевскіе, хотя вассалы и данники Литвы, но соблюдаютъ Православіе. Не достаточно ли было этой побудительной причины иноку, видѣвшему Православную Церковь, безпрестанно угрожаемую вліяніемъ Католицизма со стороны духовной власти, искать защиты и покровительства своей обители во власти мірской, но державшейся Православія? Такимъ образомъ, списывая въ житіи Өеодосія послѣднее его свиданіе съ Святославомъ, и припоминая изъ Лѣтописи слова его, сказанныя имъ предъ кончиною, онъ далъ имъ такой смыслъ, какой только могъ быть ему внушенъ бѣдственнымъ положеніемъ Церкви Православной, которая, видя въ главѣ духовенства послѣдователя Папизма, простирала уже умоляющія длани свои къ Князьямъ правовѣрнымъ." [1])

III. Черезъ два года послѣ составленія предъидущей редакціи, а именно въ 1462, по всей вѣроятности, тотъ же Касьянъ, но уже не крилошанинъ, а уставщикъ печерскій повелѣлъ написать новый списокъ Патерика. По видимому, этотъ новый списокъ былъ сдѣланъ съ прежней Касьяновской редакціи, но такъ какъ въ немъ были сдѣланы существенныя измѣненія, то и образовалась вторая Касьяновская редакція. Къ этой редакціи принадлежитъ большая

---

[1]) О редакціяхъ Патерика Печерскаго стр. 118—119. Вообще въ этой статьѣ весьма обстоятельно объяснены всѣ вставки и измѣненія въ текстѣ Печерскаго Патерика.

часть, уцѣлѣвшихъ до нашего времени, рукописей Печерскаго Патерика. Къ ней принадлежатъ: изъ собранія Ундольскаго №№ 386, 387 и 388,—Большаковскій списокъ № 417, писанный въ 1634, „Мая въ 12 день сия книга бысть списана въ монастыри Святаго и великаго чюдотворца Николы. Въ корѣльскомъ у моря океяна рукою грѣшнаго"…. (неоконченъ) Императорской Публичной Библіотеки, отдѣленія рукописей графа Толстаго № 196. Два списка изъ древнехранилища Погодина, одинъ румянцевскаго музея № 305. Троицко-Сергіевской лавры № 713, изъ рукописей графа Уварова бывшаго собранія Царскаго №№ 296 и 298 и проч. Почти всѣ рукописи имѣютъ слѣдующую приписку: „Написаны же книги сіа, нарицаемыя Патерикъ Печерскій, и житія и чудеса святыхъ преподобныхъ отецъ Печерскихъ Антоніа и Ѳеодосіа, и всѣхъ преподобныхъ отецъ, а повелѣніемъ смиренаго інока Касіана уставъника Печерскаго въ лѣто 7970 індикта 10 мѣсяца апреля 10 въ суботу святаго и праведнаго Лазаря друга Христова, на память святыхъ мученикъ, Терентіа и Помпліа, і иже с ними в богоспасаемѣмъ градѣ Кіевѣ, въ обители царьстѣй пречистыа Богоматере и преподобныхъ отецъ нашихъ Антоніа и Феодосіа въ Печерскомъ монастырѣ, а дописана бысть въ монастырѣ святаго и великаго святителя и чудотворца Христова Николы Мирь Ликійскыхъ, въ пустынцѣ, при княженьи благовѣрнаго и христолюбиваго князя Сумеона Александровича и при архимандрите Печерскомъ киръ Николѣ, тѣхъ святыхъ молитвами преподобныхъ отецъ Печерскихъ Антоніа и Ѳеодосіа и святыхъ чюдотворецъ Печерскихъ." Приводимъ здѣсь оглавленіе этой редакціи по рукописи Ундольскаго № 386.

1) О созданіи церкви печерской.

2) Слово Нестора мниха обители монастыря печерскаго сказаніе, что ради прозвася печерскии монастырь? (20—25).

3) Житіе Феодосиа.

4) Похвалы преподобному отцу нашему Феодосію игумену печерскому.

5) О святыхъ блаженныхъ черноризцѣхъ печерскихъ, иже в дому пречистыя божія матере, т. е. о первыхъ черноризцахъ печерскихъ изъ лѣтописи.

6) О блаженномъ Нифонтѣ бывшоу епископомъ Новаграда....
Выписка изъ лѣтописи о преставленіи Преподобнаго Нифонта.

7) Посланіе Симона. Первая обличительная часть.

a) Что ради имѣти тщаніе и любовъ къ Антонію и Феодосію.

b) Евстратій постникъ.

c) Никонъ.

d) Кукша.

e) Афонасій.

f) Кн. Николаи.

g) Еразмѣ.

h) Арефа.

i) О Титѣ попѣ и Евагріѣ діѧконѣ.

8) Посланіе Поликарпа:

a) Никита.

b) Лаврентіи.

c) Агапитъ.

d) Григоріи.

e) Иванъ.

f) Моисеи.

g) Прохоръ лебедникъ.

h) Маркъ Печерникъ.

i) Ѳеодоръ и Василіи.

j) Спиридонъ проскурникъ и Антипій иконописецъ.

k) Пименъ.

l) Исакіи печерникъ (часть статьи о первыхъ инокахъ).

9) Посланіе Ѳеодосія къ Изяславу о Латинской вѣрѣ.

10) О преставленіи архимандрита Поликарпа и избраніи Василія попа архимандритомъ Печерскимъ.

По видимому, цѣль расположить статьи въ хронологическомъ порядкѣ описываемыхъ событій, которую мы предполагали въ первой Касьяновской редакціи, во второй Касьяновской становится очевидною, только одно помѣщеніе статьи о созданіи церкви печерской на первомъ мѣстѣ, передъ статьею Нестора „что ради прозвася печерскій монастырь, противорѣчитъ отчасти этой предполагаемой цѣли, хотя событія описываемыя въ этихъ статьяхъ, по большей части

современны. Житіе Исакія, почти во всѣхъ редакціяхъ отдѣляемое отъ статьи о первыхъ инокахъ печерскихъ, и здѣсь помѣщено почему то на самомъ концѣ Патерика. Самый текстъ статей Патерика Печерскаго подвергся еще большимъ измѣненіямъ редактора чѣмъ въ предшествующей редакціи. Въ статьѣ взятой изъ лѣтописи „Что ради прозвася монастырь печерскій" измѣнено начало, прибавкой извѣстія о путешествіи Преподобнаго Антонія на Афонъ еще при Владимірѣ Святомъ; при этомъ же князѣ онъ возвратился въ Кіевъ и поселился въ Варижской пещерѣ, о которой упоминается въ житіи Ѳеодора и Василія, въ посланіи Поликарпа; потомъ, во время княженія Святополка окаяннаго Антоній вторично отправился на Афонъ и уже вторично возвратился въ свое отечество въ княженіе Изяслава. Въ житіи преп. Ѳеодосія, при повѣствованіи объ основаніи церкви, прибавленъ разсказъ о назнаменованіи мѣста огнемъ и росою, взятый изъ посланія Симона. Кромѣ того въ этой редакціи прибавлено еще посланіе Ѳеодосія къ Изяславу о латинской вѣрѣ.

IV. Другія редакціи Патерика печерскаго всѣ вообще отличаются увеличеніемъ объема этого памятника. Первая по древности этого увеличеннаго объема редакція названна преосвященнымъ Макаріемъ Ѳеодосьевскою, на основаніи приписки въ житіи Лаврентія затворника: „Блаженъ сподобивыйся съ тѣми написанъ быти и положенъ быти, съ ними же и мене, Ѳеодосия грѣшнаго да сподобитъ Господь милость въ день судный молитвами ихъ. Аминь." Сохранилась эта редакція въ единственномъ пергаменномъ списки, нынѣ принадлежащемъ С.-Петергбургской духовной академіи, прежде Новгородскому Софійскому собору. Въ этой редакціи сказанія о печерскихъ святыхъ пополнены другими религіозными сказаніями южной Руси и весь матерьялъ раздѣленъ на слѣдующихъ тридцать восемь главъ:

1) Начало Киевьскаго патерика. Слово о томъ, како крестися Ольга, княгини Русская.

2) Слово о томъ, како крестися Володимеръ, возма Корсунь.

3) Слово о томъ отъ чего прозвася Печерскій монастырь.

4) Слово о созданіи преславныя великия церкве пресвятыя Богородица Печерския. Благослови, отче.

5) О Симонѣ и Өеодосіи.

6) О Георгии Симонович(ѣ).

7) Слово о томъ, како придоша мастери отъ Царяграда.

8) Слово о томъ, како писци придоша отъ Царьграда.

9) О Стефанѣ игуменѣ.

10) Слово о священии церкви Печерския.

11) Слово отъ Патерика Печерскаго о томъ, яко нельзѣ Богу ругатися.

12) Слово о Алумпии иконници, прозвитерѣ.

13) Чудо святаго Алумпия.

14) Слово о блаженѣмъ Алумпіи и о нѣкоемъ христолюбци.

15) Слово (о) Онсифорѣ и о прозорствѣ его, да и мы грѣшни покаемся.

16) Слово о Аөонасіи воскресшемъ из мертвыхъ на 2 день.

17) Чюдо святаго Аөонасія.

18) Слово о Николѣ Святоши, сынѣ Давидовѣ, внуцѣ Святославлѣ.

19) Слово о Еразмѣ.

20) Слово о томъ, иже вещь страшна сътворися в манастыри Печерскомъ.

21) Слово о Моисеи Угринѣ, новомъ Иосифѣ.

22) Слово о Пимини, его же Ангели постригоша въ черньци.

23) Слово о Марцѣ о печерницѣ и Феофилѣ черньцѣ, чтеться по разднымъ недѣлямъ.

24) Слово о блаженѣмъ Прохорѣ лободницѣ, Смолнянинѣ.

25) Слово о Григорьи чюдотворцѣ, чтеться въ недѣлю.

26) Слово о Іоаннѣ затворницѣ.

27) Слово о Спиридонѣ проскурницѣ.

28) Слово о Демьянѣ и о Өеодосіи.

29) Слово о Матфеи прозорливомъ.

30) Слово о Өеодорѣ черньцѣ и о Васильи повѣсть дивна.

31) Слово о Агапитѣ лѣчьцѣ, чтеться по разднымъ недѣлямъ.

32) Слово о Никитѣ затворницѣ.

33) Слово о иномъ затворници, въ недѣлю.

34) Слово о Исаакьи великомъ печерницѣ, чтеться въ недѣлю.

35) Слово новосвятою мученику Михаила князя Русскаго и Ѳеодора воеводы перваго въ княжении его, сложено въ кратцѣ на похвалу святома отцемъ Андреемъ.

36) О Кононѣ сухомъ.

37) А се о Кононѣ же.

38) Поученіе Семеона (sic) епископа къ нѣкоему черньцю Печерьскому, — т. е. первая часть посланія Симона.

Всѣ дополненія взяты изъ начальной лѣтописи только одна гл. 35-я о мученикѣ князѣ Михаилѣ и бояринѣ его Ѳеодорѣ сочиненія отца Андрея. [1]) Интересны змѣтки при нѣкоторыхъ главахъ: „чтется въ недѣлю" или „чтется по разднымъ недѣлямъ," показывающія на употребленіе этого сборника въ монастырскомъ обиходѣ. Житія святыхъ въ монастыряхъ читались обыкновенно во время трапезы и по всей вѣроятности этотъ сводъ составленъ для указанной цѣли въ какомъ либо монастырѣ южной Руси. Самые тексты статей этой редакціи Патерика искажены, ничѣмъ не оправдываемыми, сокращеніями и передѣлкой собственныхъ именъ, такъ епископъ Симонъ названъ Симеономъ, Никонъ сухой—Канономъ сухимъ.

V. Еще большимъ объемомъ отличается редакція Іосифа Тризны, архимандрита Кіево-Печерской лавры (1647—1656). Патерикъ этой редакціи извѣстенъ въ одномъ только спискѣ Троицко-Сергіевской лавры, по рукописному каталогу № 714, съ двумя слѣдующими приписками: „Лѣта 7173 (1665) далъ въ домъ живоначальныя Троицы въ Сергіевъ монастырь сію книгу келарь старецъ Симонъ Азарьинъ во вѣки неотъемлемо никому." и „Лѣта 7164 (1656) мѣсяца Февраля сія книга Троицкаго Сергіева монастыря бывшаго келаря Симона Азарьина." Приписки эти идутъ внизу по листамъ, въ видѣ скрѣпа. Списокъ носитъ слѣдующее заглавіе: Патериконъ Кіево-Печерскій, житія и подвизи преподобныхъ отецъ на-

[1]) Преосвященный Макарій называетъ отца Андрея неизвѣстнымъ, о личности его мы ничего не знаемъ, но сказаніе или вѣрнѣе похвальное слово вошло въ первую новгородскую лѣтопись (П. С. Р. Л. т. III, стр. 52) и софійскую (ibid. т. V, стр. 182—186). См. о немъ Филарета Харьковскаго обзоръ русской духовной литературы. Харьковъ 1859 т. I, стр. 92.

шихъ, въ пещерахъ просіявшихъ. Списанъ трудолюбіемъ блаженнаго Нестора русскаго лѣтописца. По времени же паки приложи нѣкіихъ житія святыхъ отецъ печерскихъ боголюбивый епископъ Симонъ Суждальскій и Владимерскій; послѣди же пространнѣе написа и въ едино счини блаженный Поликарпъ, архимандритъ печерскій. Нынѣ же мало пространнѣе отъ лѣтописца русскаго отъ начала въ лѣта Ноева по потопѣ откуду корень изыде преславнаго славянскаго языка ражаю и како израстоша въ немъ вѣтви богоугодныя, сочиненъ и во едино совокупленъ тщаніемъ и повелѣніемъ боголюбиваго архимандрита св. великія, пресвѣтлыя царскія Лавры печерскія киръ Іосифа Тризны." Патерикъ этотъ раздѣленъ на слѣдующія главы:

1. „Начало отъ потопа и раздѣленіе тріехъ сыновъ Ноевыхъ Сима, Хама и Афета, гдѣ кождо особо сѣде, и о благословеніи св. ап. Андрея горъ Кіевскихъ и о созданіи Кіева, и откуду прозвася Русская земля. По потопѣ тріе сынове Ноевы.

2. О пришествіи перваго Великаго Князя Рюрика Великому Новугороду отъ Нѣмецъ.

3. Княженіе Олгово въ Кіевѣ, со Игоремъ Рюриковичемъ и убіеніе кназей Кіевскихъ Аскольда и Дира, и гдѣ положены суть.

4. О крещеніи Словянскяхъ князей: Ростислава, Святополка и Кочела, и о преложеніи книгъ отъ Греческаго на Словенскій языкъ.

5. О смерти перваго князя Кіевскаго Олга, племенника Рюрикова.

6 Сказаніе о волсвѣхъ притчею.

7. Княженіе въ Кіевѣ князя Игоря Рюриковича и убіеніе его отъ Древлянъ.

8. Княженіе въ Кіевѣ Олги, Великія княгини, жены Игоревы, со сыномъ своимъ Святославомъ и како мсти убіеніе мужа своего Игоря, и градъ ихъ Коростинъ хитростію взя и сожже, и дань возложи на Древлянъ.

9. Крещеніе Великія Княгини Олги въ Царѣ-градѣ и о мужествѣ Великого Князя Святослава Игоревича, и како скончашася.

10. Княженіе Великого Князя Ярополка Святославича въ Кіевѣ и убіеніе его.

11. Начала Княженія Великого Князя Ярополка Святославича и о мужествѣ его.

12. О Іоаннѣ христіанинѣ со отцемъ Христа ради убіенныхъ отъ идолослужитель въ Кіевѣ.

13. Прихожденіе отъ различныхъ странъ *пословъ* къ Великому Князю Владимиру, кождо свой законъ и вѣру повѣдающе. Первое Срацыни, Бахмиты, Нѣмцы, Латина, Жидове невѣрніи и богоубійцы.

14. О Христіанстей непорочнѣй вѣрѣ, юже блаженный Кириллъ Философъ богомудреннѣ Великому Князю Владимиру сказа, и запону златотканну страшнаго втораго суда Владычня отъ царей Греческихъ дарова.

15. О пришествіи къ Царюграду пословъ отъ Великого Владимера извѣстнѣе вѣру увѣдати.

16. О взятіи Херсона Великаго града Греческаго и о крещеніи Владимировомъ въ немъ, и о вѣнчаніи со царицею Греческою Анною, и вѣру православную ему предаша.

17. О разрушеніи Кумиръ истуканныхъ въ Кіевѣ, и о крещеніи всея земли Рускія.

18. Блаженный Владимиръ раздѣли княженія 12-мъ сыномъ своимъ.

19. О Залѣскомъ Володимерѣ и разрушеніи идолъ.

20. О Переяславли Русскомъ, иже близъ Кіева на Трубежѣ рѣцѣ, и чесо роди сице именовася.

21. О созданіи церкви Успенія пресвятыя Богородицы десятинныя Великимъ Княземъ Владимиромъ и о завѣтѣ, яже ей за всего княженія своего десятую часть дарова.

22. Великаго Князя Ярослава Владимировича Кіевскаго потверженіе тояжъ десятины.

23. Великого Князя Изяслава Ярославича потверженіе на тояжъ десятины.

24. О церкви Преображенія Господня во Василевѣ, иже на Стугнѣ создано Великимъ Владимеромъ.

25. О еже како прехитриша Бѣлогородцы Печенезскую рать киселомъ съ медомъ.

26. Туровской Епископіи завѣтъ блаженнаго Владимера, и о дѣсятинѣ, даннѣй ей изо всего княженія.

27. О преставленіи Великого Князя Владимера Кіевскаго.

28. Убіеніе Бориса князя Владимеровича Ростовскаго, Святополкомъ.

29. Убіеніе Глѣбово князя Муромскаго сына Владимерова Святополкомъ.

30. О побѣдѣ Ярославли на Святополка.

31. Прихожденіе Болеслава, короля Польскаго на Кіевъ съ Святополкомъ.

32. Бой третій Ярославу со Святополкомъ и о смерти злѣй Святополчѣ.

33. О взысканіи тѣла святаго Глѣба князя Муромского.

34. Княженіе Ярослава Владиміромича въ Кіевѣ.

35. Житіе и жизнь и подвизи преп. отца нашего Антонія, первоначальника въ пещерахъ иноческому житію въ Россіи въ Кіевѣ, составльшаго пресвѣтлую Лавру Печерскую и чесо ради прозвася Печерскій монастырь.

36. Житіе преп. Ѳеодосія, отца нашего, игумена Печерскаго, и о чудесѣхъ его и преставленіи.

37. Нестора мниха мон. Печерскаго о пренесеніи мощей, св. и преп. отца нашего Ѳеодосія архим. и игумена Печерскаго.

38. О покованіи рацѣ преп. отца нашего Ѳеодосія Георгіемъ Симоновичемъ, Княземъ Суждальскимъ.

39. Въ Синодикъ соборнѣ вписаша имя преп. отца нашего Ѳеодосія.

40. Похвала преп. отцу нашему Ѳеодосію архимандритови Печерскому.

41. О самодержствѣ Великого Князя Ярослава Владимеровича Кіевскаго и всея Русіи и о богоугодномъ житіи его и преставленіи.

42. О различныхъ знаменіихъ небесныхъ и о волсвѣхъ явльшихся.

43. О пренесеніи мощей св. муч. Глѣба и Бориса во св. крещеніи нареченныхъ Романа и Давида.

44. О пренесеніи мощей св. муч. Глѣба и Бориса второе отъ древяные церкви въ каменную во княженіе Владимира Мономаха.

45. О созданіи церкви Печерскія, да разумѣютъ вси, яко самого Господа промысломъ и волею и того Пречистые матери молитвами и хотѣніемъ, создася, совершися и освятися боголѣпная, небеси подобная, великая церкви Богородична, архимандрія всея Російскія земли, еже есть Лавра святаго Ѳеодосія.

46. О пришествіи мастеръ писцевъ церковныхъ изъ Царя града, по строенію Божію.

47. О священіи церкви великія Печерскія, и сбывшихся чудесѣхъ въ то время.

48. Житіе преп. Даміяна, презвитера и цѣлебника, различными недуги страждущихъ.

49. О преподобнѣмъ Іереміи прозорливѣмъ, иже помняше крещеніе Російскія земли.

50. О преп. Матѳеи прозорливомъ.

51. Житіе преп. Никона, игумена мон. Печерскаго.

52. О Іоаннѣ и Сергіи, чудо изрядно въ божественной церкви Печерской сбывшееся предъ чудною иконою Богородичною.

53. Житіе преп. отецъ Варлама игумена Печерскаго, посемъ святаго Димитрія мученика, бывшаго игумена мон. Изяславля, иже на Кловѣ, и Ефрема скопца епископа Переславскаго, вкупѣ совозрастшихъ телѣсною свѣтлостію и духовною добродѣтелію.

54. Житіе, иже во св. отца нашего Ісаія чюд., игумена бывшаго мон. св. Димитрія, иже на Кловѣ, послѣди же епископа Ростовскаго Російскаго чудотворца.

55. Извѣщеніе о Ростовскихъ епископѣхъ.

56. Повѣсть о преп. Моѵсеи Угринѣ, пресвятыя чистоты рачителя.

57. О преп. и многотерпѣливѣмъ Іоаннѣ затворницѣ, чистоты рачителя, еяже ради вкопа себе жива въ землю по рамена.

58. О преп. Исакіи затворницѣ.

59. О преп. Никитѣ затворницѣ, иже посемъ бысть епископѣ Новуграду.

60. О преп. Лаврентіи затворницѣ.

61. Житіе преп. отца нашего Алимпія, иконописца и чюд.

62. Житіе преп. и блаж. отца нашего Агапита, безмезднаго врача.

63. Житіе преп. Григорія чюд., списано Пиликарпомъ черноризцемъ, послѣди бысть архимандрита Печерскаго монастыря.

64. О преподобнѣмъ Прохорѣ черноризцѣ Печерскомъ, иже молитвою въ быліи глаголемемъ лобода творяще хлѣбы, и въ пепелу соль.

65. О преп. отцѣ нашемъ Марцѣ печерницѣ, его же повелѣнія мертвіи послушаху.

66. О св. преп. муч. блаж. от. Ѳеодорѣ и Василіи.

67. О плѣненіи Кіева отъ Половцевъ.

68. О преп. и многострадальнѣмъ отцѣ нашемъ Пименѣ, иже ангелы, по Божію строенію, постриженъ бысть во мнишескій чинъ.

69. О преп. Спиридонѣ проскурницѣ и Никодимѣ.

70. О блаж. Евстратіи постницѣ.

71. О смиреннѣмъ и многотерпѣливѣмъ Никонѣ черноризцѣ.

72. О святомъ священномученникѣ Кукши и Пиминѣ постницѣ.

73. О преп. Афанасіи затворницѣ, иже умеръ, и паки въ другій день оживе, и пребысть 12 лѣтъ живъ.

74. Житіе преп. отца нашего Николы Святоши князь Черниговского Давыдовича.

75. О Еразмѣ черноризцѣ, иже испроши имѣніе свое на святые иконы, и тѣхъ ради спасеніе обрѣте.

76. О Ареѳѣ черноризцѣ, емуже татми украденное имѣніе въ милостыню вмѣнися и сего ради спасеся.

77. О блаженнѣмъ Симонѣ, епископѣ Суздальскомъ и Владимерскомъ вократцѣ написася.

78. Посланіе смиреннаго епископа Симона Владимерскаго и Суздальскаго къ Полікарпу, черноризцу Печерскому.

79. Сказаніе о блаж. Онисифорѣ, презвитерѣ, и о братѣ лѣностпо поживишемъ и напрасно умершемъ и возсмердевшемся въ пещерѣ.

80. О двою брату, Титѣ попѣ и Евагріи діаконѣ, имѣвшимъ вражду между собою.

81. О блаж. Нифонтѣ архіеп. Новогородскомъ, како во святѣмъ монастырѣ Печерскомъ Божіимъ откровеніемъ видѣ св. Ѳеодосія таможе и преставися.

82. Посланіе ко архимандриту печерскому господину Акиндину Поликарпа черноризца тогоже монастыря Печерскаго, о святыхъ и блаженныхъ отецъ печерскихъ, еже повѣлѣно бысть ему списати.

83. Повѣсть о великомъ князѣ Владимерѣ Монамаху Всеволодовичю како вѣнчанъ бысть Царскимъ вѣнцемъ и Царь наречеся Російскій.

84. Повѣсть о убіеніи блаженнаго и великаго князя Кіевскаго Игоря Олговича сына Святославля Ярославича сына Владиміра великаго брата Святославля князя Черниговскаго, яко быти ему пятому отъ великаго Владимера.

85. Повѣсть чюдна и памяти достойна, о блаженнѣмъ Кѳнстантинѣ митрополитѣ Кіевскомъ.

86. О ереси Леонтінской.

87. О Ѳеодорѣ, реченномъ лживомъ епископѣ Владимирскомъ съ прикладами.

88. О епископѣ Луцѣ.

89. Чюдо, сотворшееся отъ иконы пресвятыя Богородицы и отъ честнаго и животворящаго Креста во время князя Андрея Боголюбскаго.

90. Убіеніе великого князя Андрея Боголюбскаго, сына Георгія Долгорукаго, сына Владимерова Мономахова сына Всеволожа, сына Ярославова Владимеровича, яко быти ему шестому отъ Великого Владимера.

91. О блаженнѣмъ Поликарпѣ архимандритѣ святыя великія царскія Лавры Печерскія Кіевскія и о преставленіи его.

92. Чюдо, содѣявшееся въ пещерѣ на Святую Пасху.

93. Повѣсть собранна отъ лѣтописца и во едино сочинена.

94. О блаженномъ и великомъ князѣ Владимерѣ Святославичѣ

внуцѣ Игоревѣ, правнуцѣ Рюриковѣ, Самодержцѣ православномъ всея Русскія земли.

95. Мѣс. Іюля во 24 день, убіеніе св. и славныхъ Великом. Романа и Давида, слово похвальное.

96. Мѣс. Маія во 2 день, на принесеніе мощей святую страстотерпцу Хрістову Романа и Давида и о чюдесѣхъ сказаніе.

97. Мученіе достохвалнаго и Великого князя Михаила Черниговскаго и Ѳеодора Болярина его отъ злочестиваго Царя Татарскаго Батыя.

98. Мученіе святыхъ мученикъ новоявленныхъ родомъ изъ Литвы Іоанна, Антонія и Евстаѳія. Литовская жъ имъ имена Круглецъ, Кумецъ и Нежило, мучены жъ быша отъ Олгерда во градѣ Вилнѣ.

99. Родословіе пресвѣтлыхъ великихъ князей росіискихъ самодержцевъ, откуду корень ихъ изыде, и како разпространиша Великую Росію.

100. Краткое родословіе великихъ князей Рускихъ и начало княженія ихъ.

101. Краткое родословіе пресвѣтлыхъ князей Кіевскихъ.

102. О созданіи церквей и монастырей въ богохранимомъ градѣ Кіевѣ, отъ пресвѣтлыхъ великихъ князей Кіевскихъ Самодержцевъ, и гдѣ въ которой положенъ бысть извѣщеніе.

103. Повѣсть о Калкацкомъ жалостномъ побоищи отъ Татаръ князей Рускихъ и о 70 храбрыхъ, и колико единыхъ Кіянъ тамо паде.

104. Повѣсть о плененіи всея земли Русскія отъ Батыя, царя Татарскаго.

105. Повѣсть о убіеніи нечестиваго Батыя царя Татарскаго".

Изъ этого оглавленія достаточно ясно видно, что собственно Патерикъ Печерскій составляетъ только третью часть этого сборника. Большинство другихъ статей взято изъ лѣтописи и часто не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ печерскому монастырю. Въ текстѣ статей собственно Патерика удержаны вставки второй Касьяновской редакціи, такъ житіе Антонія есть не болѣе какъ статья лѣтописи „что ради прозвася печерскій монастырь", съ прибавкой

о двукратномъ путешествіи этого святаго на Аѳонъ. Странно, что уже въ XVII вѣкѣ составленіе Патерика приписывалось архимандриту Поликарпу какъ мы видимъ изъ слѣдующихъ словъ заглавія этой редакціи: „послѣди же пространѣе написа и въ едино счини блаженный Поликарпъ, архимандритъ печерскій."

VI. Къ числу редакцій Патерика Печерскаго увеличеннаго объема слѣдуетъ отнести также довольно рѣдкое изданіе этого памятника на польскомъ языкѣ. Такъ какъ изданіе это никѣмъ не описано, то мы считаемъ не лишнимъ сдѣлать его описаніе. Книга напечатана въ Кіевѣ на довольно хорошей бумагѣ въ четвертую долю листа въ 1635 г. съ многочисленными виньетками, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Патерikon abo żywoty ŚŚ. oyców pieczarskich obszyrnie słowieńskim językiem przez Świętego Nestora zakonnika y latopisca ruskiego przedtym napisany. Teraz zaś z Graeckich, Łacińskich, Słowiańskich y Polskich pisarzów obiaśniony y krócey podany przez Wielebnego w Bogv oyca Silvestra Kossowa, episkopa Mscisławskiego, Orszańskiego y Mohilewskiego. W Kiiowie w drukarni Ś. lawry pieczarskiey. rokv, 1635. На оборотѣ заглавнаго листа гербъ Киселей, изображающій шатеръ съ крестомъ надъ нимъ, съ слѣдующими стихами:

Na sławny kleynot w Sarmatiey Rossiyskiey, starożytnego domv Ich MM. PP. Kisielow.

W polu namiot, a nad nim błyszczy się krzyż święty,
To dom Marsów: to kleynot, z Włodzimierzem wzięty.
Ten znak nosił Swiętoldycz wódz ruski, którego
Ruś Kisielem nazwała od kunsztu sławnego.
Ztąd od wieków z Kiiowem dom Kisielow słynie,
I będzie słynął póki Dniepr w swych brzegach płynie.

RR. P. Epis. Arthoris.

Na tenże.

Pstry ten namiot, y wieże rzędem rozsadzone,
Są to chełmy bitnego Marsa przyrodzone.
Toż w herbie cnych Kisielow teraz się znayduią:
Czy sławy Świętoldyczów przezacnych pilnuią:

Tak iest, ten namiot, te mi powiadaią wieże:
Hemiyski że Mars Marsa w nich ruskiego strzeże.
W. B. Athanazivsza Kałnofoyskiego.

Na tenże.

Kto rozumie dla siebie że Mars ten rostoczył
Namiot, y on wieżami kosztownie otoczył:
Myli się bardzo myli, dawno z nich wyiachał,
Z Bellona w insze kraie na harce zaiachał.
Twey cnocie te Adamie fortece wystawił,
Nie mogł snadź z diamētu, z płotna, z cegły sprawił.
Tegoż.

Na tenże.

Gdy Kisiela ma Polska w bitney Ukrainie,
Ma wieże, namiot nawstręt tatarskiey draninie.
I iak krzeczy, gdyż Polszcze są to cni Kisiele,
Innym strona co baszty, co dumne kasztele.
Tegoż.

Na tenże.

Nie w murach widzę Kisiela schowała,
Ni go w twierdzach lękliwych wypielęgowała.
Baszty abowiem w hełmy, zaś w herby namioty
Pradziadów swych Świętoldycz słusznie wkłada cnoty.
Pole sobie y swoim żołdatom obiera,
Sparto Polsko za twę się gdy całość uciera.
Wychowany piersiami, snadź o wstyd mu idzie,
Nie piersiami swą matkę bronić w każdey bidzie.
Tegoż.

Вся книга раздѣляется на три части. Къ первой части, заключающей въ себѣ 33 статьи, изъ которыхъ 30—описанія житій Святыхъ, а три остальныя трактуютъ о чудесахъ, совершающихся въ Печерской лаврѣ. Въ началѣ два предисловія; первое обращенное къ Киселю, которому посвященъ Патеріkon; другое—православному читателю въ видѣ діалога, содержитъ защиту мощей святыхъ печерскихъ. Въ началѣ предисловія слѣдующее посвященіе:

Swemu wielce msciwemv panv, Jego Msci Panv Adamowi Świentoldyczowi z Brvsiłowa Kisielowi, Podkomorzemv Czerni-

howskiemv, Staroście Nossowskiemv, Pokoiowemv Dworzaninowi Jego Krolew. Mci. Pobożnemv, statecznemv, Wschodniey Cerkwie synowi. Na pokazanie nieomylney świątotliwości Świętych Oyców Pieczarskich, w ciele niesprochniały, od kilkv set lat leżących w pieczarach kiowskich: a na dowod cvdów prawdziwych, które się przy ich reliqviach działy y dzieią. Avtor błogosławieństwa Bożego zdrowia y pomyślności życząc dedykvie. За тѣмъ оба предисловія, и наконецъ житія Святыхъ, въ такомъ порядкѣ:

Żywot Ś. Theodozego Pieczarskiego. Zył tychże czasów których y Święty Antonivs Pieczarski.

Żywot Ś. Antoniego Pieczarskiego. Zebrany z latopisca Słowiańskiego Nestora. W zakonie począł żyć około rokv Pańskiego 1013. Za Xiążąt Ruskich, w Żywocie położonych, y w Annotacyach.

Żywot Ś. Stephana Ihvmena Pieczarskiego. Był Ihumenem Pieczarskim. Roku 1075.

O zbudowaniu Cerkwie Naświętszey Panny Pieczarskiey.

Historya o Świętym Damianie Presbyterv Pieczarskim. Żył za Ihumeństwa Św. Theodozego.

Historya o Ś. Matthevszv.

O Świętym Hieremiaszv Pieczarskim.

Żywot Ś. Barłaama, który był Ihumenem w Monasteru Świętego Demetrivsa. Żył tychże czasów, których y pierwszy śś.

Historya o Świętym Nikonie. Ten żył tychże czasów, których y Antoni Ś.

Żywot Ś Izaaka.

Żywot Ś. Nicety Zatwornika. Który potym był Episkopem Nowogrodzkim.

O Ś. Lawrentym Zatworniku.

Cvdowna powieść o Ś. Janie y Sergivsie, co się z nimi stało przy obrazie Naświętszey Panny Pieczarskiey.

Żywot Ś. Alympivsa, malarza.

Żywot Ś. Agapeta Pieczarskiego, cudownego lekarza. Napisany od Polykarpa Ś. Archimandrycie Pieczarskiemu Akindynowi. Żył około Roku Pańskiego 1084.

Żywot Ś. Grzegorza Cudotworce. Napisany od tegoż Ś. Polykarpa.

Żywot Ś. Jana, wielce cierpiącego.

Żywot Ś. Moyzesza Węgrzyna.

Żywot Ś. Prochora, Zakonnika Pieczarskiego. Żył około Roku Pańskiego, 1113.

Żywot dwoch Świętych Theodora y Bazilego.

Żywot Ś. Pimina Pieczarskiego. Żył około Rokv Pańskiego, 1139.

Żywot Ś. Spiridona Pieczarskiego, który Prossphory piekał. Żył Rokv Pańskiego, 1139 za Pimina Ihvmena Pieczarskiego.

Żywot Ś. Evstratia Pieczarskiego, Postnika.

Żywot Ś. Nikona, Zakonnika Pieczarskiego.

O Ś. Kvkszy y Ś. Piminie Postnikv.

Żywot y Cuda Ś. Athanazego Pieczarskiego. Żył za czasu Ś. Ihvmena Polykarpa.

Żywot S. Mikołaia Swiatosze, Xiążęcia Czernihowskiego. Żył około Roku Pańskiego, 1106.

Żywot Ś. Erasma Pieczarskiego.

Powieść o Zakonnikv Pieczarskim Arecie.

Powieść o dwv Bracie, y Titvsie Presbiterv, y Ewagivsie Diakonie, którzy z sobą gniewali się.

Żywot Ś. Nifonta Pieczarskiego.

O Ś. Onisiphorze, który żył za Ihumena Pieczarskiego Pimina. Y o bracie, który potaiemnie iadał.

Dzieie po śmierci Polykarpa Archimandryty Pieczarskiego: który żył około Roku Pańskiego, 1179.

Cudo w Pieczarskim Monasteru.

O Głowach ŚŚ. Pieczarskich, z których oleiek święty płynie, do czytelnika łaskawego napomnienie.

Этимъ заканчивается первая часть Патерікоn'а.

Во второй части помѣщенъ списокъ русскихъ митрополитовъ въ хронологическомъ порядкѣ, начиная съ крещенія Руси съ 988 г. до Петра Могилы, т. е. до 1632 года:

Chronologia o Prawosławnych Metropolitach Rvskich: począwszy od okrzczenia Rusi aż do dzisieyszego Jaśnie Przewielebnieyszego w Bogv Jego Mości Oyca Piotra Mohiły, Archiepiscopa Metropolita Kiowskiego, Halickiego, y wszystkiey Rvsi: Exarchy Swiętego Thronv Konstantinopolskiego, Archimandryty Pieczarskiego: przywiedziona. На оборотѣ этого заглавнаго листа гербъ Петра Могилы съ слѣдующими стихами:

Na herb Jaśnie Przewielebnieyszego Jego Mości Oyca Piotra Mohiły, Archiepiscopa Metropolita Kiowskiego.

Krzyż, kapelusz, pastorał, na górę się wzbiły,
Nad Nowiną Jelitv mocne wzięli siły,
Szable się nie ostały, spisy, ni ostoie
Pałzuią z woyny widzę Marsie zbroje twoie,
Już ich Metropolita Piotr sobie zhołdował.
Patrzcie tak iest owo Koronę, oliwe
Krvk zwycięztwa mu niesie znaki osobliwe.

За „Chronologią Prawosławnych Metropolitow Ruskich" слѣдуетъ „Reiestr rzeczy przednieyszych, które się w tych Świętych Oyców Pieczarskich Kiowskich Żywotach znayduią.

Изъ этого перечня статей вошедшихъ въ польскій Патерикъ видно уже достаточно ясно, на сколько увеличенъ его объемъ и какую цѣль имѣлъ составитель этой редакціи.—Къ статьямъ собственно Патерика Печерскаго, судя по вставкамъ второй Касьяновской редакціи, имъ прибавлены въ хронологическомъ порядкѣ изъ русскихъ и польскихъ лѣтописей извѣстія, относящіяся до Печерскаго монастыря. На поляхъ въ видѣ цитатъ указаны источники, откуда заимствованы эти извѣстія, а равно почти вездѣ указаны и подтвержденія этихъ источниковъ тѣмъ историческимъ событіямъ, о которыхъ упоминается въ житіяхъ печерскихъ угодниковъ, такъ послѣ житія преподобнаго Θеодосія помѣщена глава „Annotationes onomasticae," составленная изъ извѣстій Стрыйковскаго, Ваповіуса, Бѣльскаго, Длугоша, Меховіуса и Нестора. Наконецъ на поляхъ же сдѣланы еще нѣкоторыя примѣчанія напр. при разсказѣ о томъ, что Θеодосій удалялся на великій постъ изъ монастыря въ пещеру—

примѣчаніе: W lesnikach gdzie Gliniecki byl monaster"; при разсказѣ о томъ что, пришедшіе изъ Цареграда мастера, принесли съ собою образъ прибавлено: Ten nad carskimi drzwiami y teraz iest „и. т. под.

VII. Наконецъ можно назвать также особенной редакціей Патерика Печерскаго списокъ этого памятника, находящійся въ собраніи графа Уварова, прежде Царскаго, по описанію Строева № 300. [1])

Рукопись безъ конца. Заглавіе: Слово святыхъ преподобныхъ отець о Патерицѣ Кіевскомъ и о житіи преподобнаго и богоноснаго Антонія Печерьскаго, преподобнаго Ѳеодосія и инѣхъ мнозѣхъ, и о чудесехъ ихъ, и како ставленъ бысть монастырь Печерски.

1. Несторово (безъ надписи) сказаніе, что ради прозвася Печерскій монастырь.

2. Мѣс. маія 3 день, житіе препод. отца нашего Ѳеодосія, игумена Печерьскаго монастыря, иже въ Кіевѣ.

3. Повѣсть о Варламѣ.

4. О пощеніи преподобныхъ отець.

5. Чюдо о созданіи церкви св. Богородица Печерскія.

6. Чюдо о монастырѣхъ (чит. мастерѣхъ).

7. О писцехъ дивно чюдо.

8. О церкви пресв. Богородица чюдо.

9. О преставленіи св. Ѳеодосія.

10. О князѣ Святошѣ.

11. Слово св. Григорья.

12. Чюдо св. отца Пимина.

13. Чюдо св. отца Моисія Угрина.

14. Чюдо св. отца Никона.

15. Чюдо св. отца Купши, Пимина постника.

16. Чюдо св. отца Агапита лѣчца.

17. Чюдо св. отца Никиты.

18. Чюдо св. отца Лаврентія.

19. Чюдо св. отца Прохора. (только начало).

Остальные извѣстные намъ списки Патерика печерскаго не могутъ назваться особенными редакціями, хотя часто и представляютъ

---

[1]) Рукописи Царскаго, стр. 310.

отличія въ количествѣ и порядкѣ расположенія статей отъ описанныхъ выше. Но мы въ этомъ случаѣ не можемъ согласиться съ преосвященнымъ Макаріемъ, принимающимъ почти каждый изъ списковъ, въ которомъ пропущена хотя одна изъ основныхъ статей Патерика, за особую редакцію: въ такомъ случаѣ можно было насчитать цѣлую массу подобныхъ редакцій.—Хотя, съ другой стороны, мы позволимъ себѣ также не согласиться съ г. Кубаревымъ, дающимъ слишкомъ тѣсное опредѣленіе редакціи и не считающимъ особою редакціею Новгородскаго Софійскаго списка, не смотря на то, что составитель ея видимо задался опредѣленною цѣлью свести въ одно религіозныя сказанія южной Руси. Положимъ, что нѣкоторыя статьи, неимѣющія ни какого отношенія къ печерской обители не умѣстны въ Печерскомъ Патерикѣ, но когда самъ составитель называетъ свой сборникъ Патерикомъ печерскимъ, мы не вправѣ не признать его трудъ болѣе или менѣе удачною редакціею этого памятника. Мы полагаемъ, что если составитель сборника положилъ въ основу своего труда какую либо руководящую идею, если онъ даже и не всегда могъ совладать съ нею —то, во всякомъ случаѣ, мы не имѣемъ права игнорировать его трудъ и умалчивать о немъ при обозрѣніи исторіи обработки сказаннаго матерьяла, но съ другой стороны мы не считаемъ возможнымъ признавать за особенную редакцію какой либо списокъ Касьяновской, потому только, что къ нему прибавлено посланіе митрополита Фотія въ Кіево-печерскій монастырь, или потому, что изъ него совершенно выброшено житіе преподобнаго Θеодосія.—По доступности для всѣхъ печатнаго Патерика, мы считаемъ излишнимъ говорить объ этой редакціи.

Согласно нашему выше выраженному взгляду на Житія Святыхъ какъ на памятники литературные, приступимъ теперь къ критическому разсмотрѣнію статей Патерика Печерскаго. Отъ каждаго литературнаго произведенія мы ожидаемъ изображенія идеаловъ своего времени; идеалы эти есть только воплощеніе стремленій умственной и общественной жизни, поэтому по нимъ мы могли бы вполнѣ ясно судить о нравственномъ и умственномъ состояніи об-

щества, если бы самое изображеніе идеаловъ было совершенно чуждо различныхъ вліяній, которымъ подчиняется авторъ. Существенная задача критика состоитъ именно въ томъ, чтобы опредѣлить степень и характеръ этихъ вліяній. Съ этой точки зрѣнія мы и будемъ разсматривать литературныя произведенія, составляющія предметъ нашего изслѣдованія.

Преподобный Несторъ лично самъ не засталъ уже Θеодосія въ живыхъ, но вступилъ въ монастырь при преемникѣ его Стефанѣ, слѣдовательно слышалъ разсказы о его подвигахъ отъ очевидцевъ, на что онъ указываетъ самъ, называя нѣкоторыхъ изъ нихъ даже по имени. „И се житіе блаженнаго Θеодосіа отца нашего отъ упы връсты доселе, дондеже пріиде в пещеру мати его, сповѣда единому отъ братіи именемъ Θеодору, иже бѣ кѣларь при отцѣ нашемъ Θеодосіи, азъ же отъ него вся си слышавъ, оному исповѣдающу ми, вписахъ на память всѣмъ почитающимъ. [1]) „И сеже еще исповѣда ми единъ отъ братіи, именемъ Ларіонъ" [2]) и въ заключеніе житія:.... „Тѣмже, яко же се любовью обдержимъ, еже къ Святому и великому отцу нашему Θеодосію, покусихся иже отъ грубости сердца моего, *яже о немъ слышахъ*, вписахъ отъ многыхъ малая и проч. [3]) Такимъ образомъ, получивъ біографическій матерьялъ въ разсказахъ очевидцевъ, какъ воспользовался имъ нашъ авторъ? Съ самаго начала житія Θеодосія мы уже видимъ, что его авторъ руководствовался въ формѣ изложенія извѣстными образцами: сказавъ о томъ, что онъ еще раньше написалъ „о житіи и о погубленіи и о чюдесѣхъ Святую блаженную страстотерпцю Бориса и Глѣба", онъ продолжаетъ: „понудихся на другое исповѣданіе пріити, иже выше моея силы, ему же не бѣхъ достоинъ, грубыи сыи и неразумиченъ; къ симъ же яко не бѣхъ ученъ ни коеи хитрости." [4]) Это авторское смиреніе, такъ распространенное въ древне русской литературѣ вообще, что рѣдкій памятникъ ея обходится безъ этого мѣста въ началѣ или въ концѣ, есть подражаніе греческимъ христіанскимъ писателямъ.

---

[1]) Памят. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 13.
[2]) Ibid., стр. 32.
[3]) Ibid., стр. 64.
[4]) Ibid., стр. 1.

Преподобный Палладій въ предисловіи къ Лавсаику говоритъ: „Я и необразованный въ языкѣ, (τῇ γλώττῃ ἀπαίδευτος) и нѣсколько только вкусившій духовнаго знанія и недостойный описывать духовную жизнь святыхъ отцевъ, убоявшись важности порученія (выше Палладій говоритъ, что ему поручилъ Лавсъ описать житія блаженныхъ и святыхъ отцевъ и отшельниковъ, которые жили въ пустыняхъ, для возбужденія ревности въ мужахъ, желающихъ вести небесную жизнь) превышающаго мои силы." [1]) Далѣе, Преподобный Несторъ продолжаетъ: „се же яко же, о братіе вспоминающу ми житіа преподобнаго не суще списано ни отъ кого же, печалью по вся дни одержимъ бѣхъ"…. Это опять одно изъ весьма распространенныхъ общихъ мѣстъ древне русской агіобіографіи, взятое изъ византійской христіанской литературы. Затѣмъ идетъ свидѣтельство о подражаніи преподобнымъ Ѳеодосіемъ Антонію: „Отецъ явися житіемъ подражая святого первоначальника чернеческому образу великаго имени Антонія." Въ нѣкоторыхъ спискахъ къ этому еще прибавлено: „близственне еже своему тезоименнику Ѳеодосію, архимандриту ерусалимскому." [2]) Мы далѣе увидимъ на сколько житія этихъ Святыхъ представляютъ сходство съ житіемъ преподобнаго Ѳеодосія, здѣсь отмѣтимъ только фактъ, что нашему автору было извѣстно навѣрно житіе Антонія египетскаго (если предположимъ, что выше приведенная прибавка нѣкоторыхъ рукописей принадлежитъ позднѣйшему переписчику). Непосредственно затѣмъ слѣдуетъ мѣсто: „Дивно же и се яко же пишеть въ отеческихъ книгахъ, слабу быши послѣднему роду," [3]) указывающее на то, что преподобный Несторъ зналъ вообще литературу отцевъ церкви, вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ свидѣтельствуетъ еще о томъ, что на Руси въ XII вѣкѣ существовало мнѣніе о близкой кончинѣ міра. Вступленіе свое Несторъ оканчиваетъ молитвой: „отче Господа нашего Іисуса Христа

---

[1]) Palladii historia ad Lausum. Prodoemium. ed. Mign., стр. 295. Мы вездѣ будемъ переводить цитаты.

[2]) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 2.

[3]) Ibid.

пріиди на помощь мнѣ и просвѣти очи мои... отверзи устнѣ мои на исповѣданіе чюдесъ твоихъ и на похваленіе твоего угодника....." [1])

Собственно житіе преподобнаго Θеодосія можетъ быть раздѣлено, приведеннымъ выше свидѣтельствомъ о Θеодорѣ келарѣ, на двѣ части, до пришествія матери и до смерти Θеодосія. Первая часть есть передача разсказа келаря Θеодора, слышавшаго ее отъ самаго Θеодосія, а вторая — сводъ разсказовъ другихъ очевидцевъ подвиговъ этого Святаго. Обѣ эти части по характеру своему значительно отличаются одна отъ другой, что уже было замѣчено профессоромъ О. Θ. Миллеромъ." [2]) По всему видно, что келарь Θеодоръ не просто передавалъ тѣ факты дѣтства и отрочества преподобнаго Θеодосія, которые онъ отъ него слышалъ, а, желая изложить подробно его житіе нѣсколько измѣнялъ ихъ, разумѣется невольно, подъ вліяніемъ читанныхъ имъ житій, или же мы должны допустить, что этому вліянію въ значительной степени подчинился въ своемъ изложеніи преподобный Несторъ По крайней мѣрѣ, только этой гипотезой мы можемъ объяснить тѣ противорѣчія, которыми наполнена эта первая часть житія. [3]) Къ противорѣчіямъ этимъ мы сейчасъ возвратимся, а теперь обратимъ вниманіе еще разъ на тѣ общія мѣста житій, которыми воспользовался въ своемъ изложеніи нашъ авторъ: „Родиста же блаженнаго дѣтища сего, таче въ 8-й день принесоша и къ іерею Божію, якоже обычаи есть христіаномъ, да имя нарекуть дѣтищу, прозвутеръ же видѣвъ дѣтище *и сердечныма очима прозря, еже о немъ, яко хощеть измлада Богу датися, Θеодосіемъ того нарицаетъ.*" Эта подробность о пресвитерѣ—провидящемъ будущую жизнь младенца—есть опять часто повторяющееся общее мѣсто нашихъ житій. Такими же точно общими мѣстами необходимо признать и слѣдующіе отрывки: „отроча же кормимъ родителема своима и благодать Бо-

---

[1]) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 3.

[2]) Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности. Спб. 1866. Стр. 246 и слѣд.

[3]) Нѣкоторыя изъ нихъ указаны пр. Миллеромъ. См. предъидущую цитату.

жія съ нимъ бѣ. Духъ Божій измлада вселися въ онь. Кто исповѣсть ми милосердіе Божіе! Се бо избране отъ премудрыхъ философъ ни отъ властелинъ града пастуха и учителя инокомъ" и проч:[1]) или „яко всѣмъ чюдитися премудрости и разума дѣтища"[2]) и: „сіе слышавше мати его и чюдившися премудрости отрока"[3]) и проч. въ различныхъ варьянтахъ Невозможно допустить, чтобы личность кротость и смиреніе котораго составляли отличительныя характеристическія черты, могъ что либо подобное передать о себѣ келарю Ѳеодору. Всѣ эти не столько фактическія, какъ риторическія мѣста —есть не болѣе какъ та стереотипная фраза цѣлой массы нашихъ и западныхъ житій, о которой мы говорили выше.[4]) Изъ той обстановки, въ которой жили родители Ѳеодосія, мы видимъ что они пользовались болѣе чѣмъ совершеннымъ достаткомъ, имѣя села и рабовъ, такъ что выраженіе: „себо избране отъ премудрухъ философъ *ни отъ властенинъ града* пастуха и учителя инокомъ...." въ нашемъ житіи совершенно неумѣстно употребленное общее мѣсто.

Наконецъ общимъ мѣстомъ нашего житія слѣдуетъ также считать и ту довольно длинную рѣчь, которою отвѣчаетъ преподобный Ѳеодосій, на увѣщанія своей матери оставить печеніе просфоръ, наносящее хулу на родъ ея. Введеніе длинныхъ рѣчей, которыя вкладываются въ уста дѣйствующихъ лицъ разсказа—обычная черта византійскихъ писателей. Рѣчи составляютъ давнюю принадлежность повѣствовательной и дидактической Византійской литературы. Какъ византійскіе историки заставляютъ не рѣдко солдатъ говоритъ длинныя рѣчи, расположенныя по всѣмъ риторическимъ правиламъ, точно такъ и византійскіе религіозныя писатели заставляютъ своихъ дѣйствующихъ лицъ произносить при всякомъ удобномъ случаѣ хитросплетенныя рѣчи наставительнаго содержанія, [5]) Этому же под-

---

1) Памятн. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 3.

2) Ibid., стр. 7.

3) Ibid., стр. 4.

4) См. стр. 8.

5) См. Сухомлинова о сочиненіяхъ Кирила Туровскаго въ предисловіи къ т. II рукописей графа А. С. Уварова Спб. 1858.

ражанію византійскимъ писателямъ мы относимъ внесеніе во вторую часть житія Ѳеодосія совершенно безцвѣтнаго поученія къ инокамъ: „Молю вы, братіе, подвигнемся постомъ и молитвами" и проч.,[1]) нисколько не похожаго на его извѣстныя поученія и другія, хотя не столь пространныя рѣчи, которыя влагаются въ уста его въ различныхъ мѣстахъ житія.

Отъ значительнаго пользованія общими мѣстами мы совершенно отдѣляемъ то сходство отдѣльныхъ эпизодовъ въ житіяхъ, о которомъ мы говорили выше. Житіе Ѳеодосія представляетъ намъ очень много отдѣльныхъ эпизодовъ сходныхъ съ греческими житіями. Самое начало или даже вся первая часть по основной мысли своего содержанія—борьбѣ Святого съ родителями изъ за желанія вести подвижнеческую жизнь,—одинъ изъ очень распространенныхъ эпизодовъ сочиненій этого рода. Это благочестивое желаніе обыкновенно заставляетъ Святого переносить ради своей цѣли тѣлесныя муки—и вотъ является суровый типъ родителей, къ которому долженъ быть отнесенъ также типъ матери преподобнаго Ѳеодосія. Понятно, что все сочувствіе автора монаха должно быть на сторонѣ человѣка, желающаго жертвовать даже естественными связями во имя монашества, а при сочувствіи автора къ одной изъ сторонъ, борьбу которыхъ онъ описываетъ, невозможно ожидать безпристрастнаго изображенія другой. Разсматривая изображеніе матери Ѳеодосія, мы не можемъ согласиться вполнѣ, чтобъ „весь этотъ родовитый характеръ матери, при отсутствіи въ нашей тогдашней жизни тѣхъ данныхъ, изъ которыхъ бы можно ему сложиться, долженъ быть взятъ цѣликомъ изъ какихъ нибудь не русскихъ житій."[2]) Не смотря на видимое желаніе автора житія выставить на первомъ планѣ суровость характера этой женщины, такъ горячо любившей своего сына, что для того только чтобы изрѣдка его видѣть, она на старости лѣтъ отказалась отъ удобной жизни, къ которой привыкла, личность эта, по мимо воли автора, производитъ весьма отрадное впечатлѣніе силою материнскаго чувства. Родовитая спѣсь, на ко-

---

1) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 24 и слѣд.
2) Ор. Миллера: Опытъ истор. обозр. рус. словесности, стр. 248.

торую по преимуществу указываетъ пр. Миллеръ какъ на нерусскую черту, по нашему мнѣнію, здѣсь вовсе не означаетъ ея аристократической наклонности;—а просто матери, имѣющей свои села и своихъ рабовъ, казалось неумѣстнымъ, чтобъ сынъ ея ходилъ въ нищенской одеждѣ или чтобъ онъ занимался дѣломъ не соотвѣтствующимъ его богатству, чѣмъ онъ наносилъ, по мнѣнію большинства, безчестіе ея семейству. Разумѣется эти поступки матери и частые побои, которыми она надѣляетъ своего сына, не показываютъ въ ней одного изъ родителей, „въ вѣрѣ христіанстеи живуща и всякимъ благочестіемъ украшена", но послѣдняя фраза есть стереотипная характеристика родителей большинства Святыхъ и по этому не можетъ имѣть реальнаго значенія. Одинъ только эпизодъ житія Ѳеодосія, относящійся до его матери, представляетъ варьянтъ византійскаго житія, на сколько намъ извѣстны сіи послѣднія, а именно—послѣднее свиданіе матери съ сыномъ, уже поступившимъ въ монахи. Въ житіи Ѳеодосія читаемъ: ,,Въ другіи же день прииде паки жена, старецъ же (Антоней) много увѣщаше блаженнаго (Ѳеодосія) изыти. Тогда старецъ ишедъ глагола еи, яко много молихъ, да изыдеть къ тебѣ и не рачить. Она же к тому уже не смиреніемъ начатъ глаголати къ старцу, но съ гнѣвомъ великимъ вопіяше, о нуже старца сего, яко имыи сына моего и скрывъ и въ пещерѣ, не рачитъ ми его явити. Изведи ми, старче, сына моего, да си его вижю, и не трьплю бо жива быти, аще не вижю его, яви ми сына моего да не злѣ умру. Се бо сама ся погублю пред дверми печеры сея, аще не покажеши ми его."[1]) Въ русскомъ переводѣ одного изъ греческихъ скитскихъ патериковъ, въ главѣ объ аввѣ Пименѣ находимъ слѣдующее, весьма сходное съ приведеннымъ отрывкомъ житія Ѳеодосія мѣсто: „Одинъ отецъ разсказывалъ объ аввѣ Пименѣ и братьяхъ его: Когда жили они въ Египтѣ, мать ихъ желала увидѣться съ ними и никакъ не могла. Замѣтивъ, когда они пошли въ церковь, она вышла имъ на встрѣчу. Но увидивъ ее, тѣ бросились назадъ и заперли дверь передъ ея глазами. Мать за дверью громко плакала и кричала имъ: дайте посмотрѣть на васъ, дѣти мои любезныя

---

[1]) Памят. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 12.

Услышавъ это, авва Анувій зашелъ къ аввѣ Пимену и сказалъ: что намъ дѣлать съ этою старицею, плачущею у дверей? Пименъ сталъ у двери и услышавъ, что она горько плачетъ, сказалъ ей: что ты такъ кричишь, старица? Мать, услышавъ голосъ сына, начала рыдать еще громче и кричала сквозь слезы: хочу васъ видѣть, дѣти мои! Что будетъ изъ того, что я посмотрю на васъ? Я уже вся сѣда. Но услышавъ голосъ твой пришла я вся въ смятеніе."[1]) Думаемъ, что впечатлѣніе на читателя образа матери, въ изступленіи плачущей у порога сына своего, вовсе не соотвѣтствовало цѣли агіобіографовъ.

Сочиненіе Нестора вообще представляетъ въ варьянтахъ и даже просто въ копіяхъ множество эпизодовъ византійскихъ житій. Не считая однимъ изъ такихъ эпизодовъ тайное оставленіе родительскаго дома для отшельнической жизни, весьма часто повторяющихся въ житіяхъ, какъ весьма естественный фактъ, мы обращаемъ вниманіе читателя на поводъ, вызывающій въ подвижникѣ окончательное рѣшеніе исполнить свое желаніе оставить міръ: „Таче по времени нѣкоемъ", говоритъ преподобный Несторъ, „слышавъ паки въ святомъ евангеліи Господа глаголюща: аще кто не оставитъ отца и матерь и вслѣдъ менѣ не грядетъ, несть мене достоинъ; и паки: пріидете ко мнѣ вси труждающеися и обремененіи и азъ вы покою; възмѣте яремъ мои на ся и научитеся отъ мене, яко кротокъ есть и смиренъ сердцемъ и обрящете покои душамъ вашимъ. И сіи слышавше богодохновенный Ѳеодосіи, и разжегся божественною любовію и дыша ревніемъ Божіимъ мысляше како или гдѣ постричися и утаитися матери своея?"[2]) Это дѣйствіе какого либо текста слышаннаго въ церкви или самимъ святымъ прочитаннаго, имѣющее рѣшительное вліяніе на святаго, очень часто попадается у агіобіографовъ: Антоній Великій, услышавъ въ церкви слова Спасителя

---

[1]) Достопамятныя сказанія о подвижничествѣ святыхъ и блаженныхъ отцевъ, переводъ съ греческаго. Спб. 1871. Стр. 290 и слѣд. Подъ этимъ заглавіемъ выходитъ уже четвертымъ изданіемъ весьма интересный по содержанію одинъ изъ скитскихъ патериковъ, но къ сожалѣнію переводчики не догадались дать хотя бы краткія свѣдѣнія объ оригиналѣ.

[2]) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 9.

въ евангеліи Матѳея (гл. 19, ст. 21): „Аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое и даждь нищымъ", продалъ свое громадное имѣніе раздѣлилъ бѣднымъ, а самъ удалился въ пустыню. [1]) Ѳеодосій Киновіархъ, прочитавъ повелѣніе Божіе Аврааму оставить страну свою и семейство свое (Бытія гл. 12, ст. 1) принялъ на себя повелѣніе Божіе и удалился въ Іерусалимъ." [2]) Поводъ этотъ къ рѣшительному поступку очень часто, какъ и въ нашемъ житіи, бываетъ совершенно неумѣстенъ.—Такой религіозный юноша „извыкшій вся грамоты", [3]) каждый день ходящій въ церковь [4]), не могъ не знать текстовъ, которые здѣсь какъ бы неожиданно поражаютъ его и заставляютъ исполнить давнишнее намѣреніе.

Вторая часть житія Ѳеодосія, разсказывающая его монастырскую жизнь, не представляетъ тѣхъ противорѣчій и несообразностей какъ первая, за то гораздо болѣе фактовъ подражанія византійскимъ писателямъ. Мы отмѣтимъ главнѣйшія изъ нихъ. При этомъ по возможности будемъ приводить самыя сходныя мѣста, въ виду возможности провѣрки нашихъ соображеній читателемъ, имѣющимъ полное право относиться недовѣрчиво къ изслѣдованіямъ посвященнымъ источникамъ русскихъ литературныхъ произведеній. — „Другоици же оводу сущу многу и комаромъ в нощи, излезъ надъ пещеру и обнаживъ тѣло свое до пояса, сѣдяше прядыи влъну на съплетеніе клобуковъ и псалтырь давыдову поя; отъ множество же овода и комаровъ все тѣло его покровено будяше и ядяху плоть о немъ, пиющи кровь его отецъ же нашь Ѳеодосии пребываше неподвижимъ, ни въставая отъ мѣста того, дондеже годъ будяше заутрени. [5]) О св. Макаріи въ Лавсаикѣ читаемъ: „Однажды этотъ Святой сидѣлъ на развѣтѣ возлѣ своей келіи, на его ногу прилетѣлъ комаръ и началъ пить изъ нея кровь. Когда онъ напился крови, Макарій почувствовавъ боль, раздавилъ его. Но вскорѣ сталъ разкаяваться, полагая

---

[1]) Volstaend. Geil. Lex. 1 т., стр. 253.
[2]) Dictionnaire hagiographique ab. Petin. ed. Migne, т. 2, стр. 1114.
[3]) Памят. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 4.
[4]) Ibid., стр. 6.
[5]) Ibid., стр. 20.

что отомстилъ за самаго себя, и за этотъ грѣхъ осудилъ себя шесть мѣсяцевъ сидѣть нагимъ въ скитскомъ болотѣ, лежащемъ въ глухой пустынѣ. Комары здѣсь по величинѣ равняются осамъ и прокусываютъ кожу даже у кабановъ. Онъ такъ былъ ими искусанъ и изъѣденъ, и тѣло его все покрылось язвами, что нѣкоторые думали, что онъ боленъ проказою. Когда чрезъ шесть мѣсяцевъ возвратился онъ въ свою келію, то только по голосу узнали, что это самъ отецъ Макарій." [1]) Подобному же истязанію подвергалъ свое тѣло и Варлаамъ Хутынскій.

Обыкновенно въ жизни отшельниковъ-монаховъ бываетъ болѣе или менѣе продолжительный періодъ борьбы съ кознями діаволовъ и, чѣмъ выше подвиги Святого, тѣмъ хитрѣе и замысловатѣе прельщеніе бѣсовъ. „Многу же скорбь и мечтаніе, говоритъ преподобный Несторъ, зліи дуси творяху ему (Ѳеодосію) въ пещерѣ тъ, еще и раны наносяще ему, якоже о святѣмъ Антоніи пишется." [2]) Въ самомъ дѣлѣ прельщеніе бѣсовъ преподобнаго Ѳеодосія, „шумомъ отъ множества бѣсовъ, якоже имъ на колесницахъ ѣдущимъ инѣмъ же въ сопѣли сопущимъ и тако всѣмъ кличющимъ, якъ трястися пещеры отъ множества плища злыхъ духовъ", по большей части тѣже какъ и въ выше цитированномъ житіи Антонія; они же повторяются и въ житіи Макарія и во многихъ другихъ, но не представляютъ ничего столь оригинальнаго, какъ нѣкоторые разсказы о бѣсахъ другихъ частей Патерика Печерскаго, о которыхъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Обычай преподобнаго Ѳеодосія обходить по ночамъ „мниховы кѣлія вся, хотя увѣдѣти, коеждо ихъ житіе. Егда слышавъ кого молитвы творяща ти ставъ прославляше о немъ Бога; егда же паки кого слышаше бесѣдующа два или три сшедшася вкупѣ, тогда ту ударивъ своею рукою въ двери и тако отхожаше назнаменовавъ свой приходъ, таже въ утріи день призвавъ я и ту абіе обличаше ихъ, яко же издалеча притчами нагоня, глаголаше къ нимъ".... [3])

---

[1]) Паладія Historia laus., стр. 1051.

[2]) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 22.

[3]) Ibid., стр. 23 и слѣд.

Тоже самое находимъ и у Θеодорита Кирскаго; онъ говоритъ о Св. Публіи: „Приходилъ нечаянно ночью къ двери каждаго и если находилъ кого бодрствующимъ и славословящимъ Бога, то опять уходилъ молча; если же кого заставалъ спящимъ, то рукою ударялъ въ дверь, а словомъ укорялъ его, какъ работающаго тѣлу болѣе надлежащаго".[1]) Этотъ же самый обычай ночнаго обхожденія кѣлій, имѣлъ дальнѣйшихъ подражателей у насъ на Руси, мы находимъ тотъ же епизодъ въ житіи Іосифа Волоцкаго.[2]) Извѣстіе о свѣтѣ сіявшемъ надъ печерскимъ монастыремъ „сущи же темнии сеи ночи" [3]) представляетъ повтореніе подобнаго же факта, разсказаннаго нѣсколько далѣе [4]): „Есть бо яко мала гора, надлежаща надъ монастыремъ тѣмъ и человѣку тому туда въ нощи по неи ѣдущу и ее видѣти тому чюдо:..... нощи бо сущи темнѣ свѣт же пречюденъ токмо надъ монастыремъ блаженнаго, и се, яко же возрѣвъ, видѣ преподобнаго Θеодосія, въ свѣту томъ посредѣ монастыря предъ церквью стояща, руци же на небо воздѣвша, молитву къ Богу прилежно творяща; таче тому зрящу и чюдящуся о томъ и се ино чюдо, явльшеся тому, пламень великъ зило отъ верха церковнаго наиде и аки комара створився; преиде на другіи холмъ, ту тѣмъ концемъ ста, идѣже блаженный отець нашъ Θеодосіи церковь назнаменовавъ.... Сіи же тако пламень, явльшееся тому, яко дуга стоя, единемъ концомъ на вьрху церковнѣмъ, таче и другимъ на нареченномъ мѣстѣ, дондеже тому заѣхавши за гору не видѣти того".... Самъ Несторъ свидѣтельствуетъ, что чудо это есть уже повтореніе бывшаго ранѣе, о которомъ онъ читалъ въ житіи Св. Саввы: „И се же пакы подобно есть рещи, еже яко пишется таково о святѣмъ и велицемъ Савѣ. Се бо въ едину нощь тако тому шедшу ис кѣлія своя и молящуся и се показася ему столпъ огненъ до небеси сущь. Таче потомъ, якоже дошедшу до мѣста того, обрѣте в немъ пещеру, и ту тако мало дніи створи тамо

[1]) Исторія Боголюбцевъ, стр. 78.

[2]) Житіе Іосифа Волоцкаго нап. Саввою еп. Крутицкимъ, изд. Невоструева М. 1865.

[3]) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 24.

[4]) Ibid., стр. 48.

манастырь славенъ". Свѣтъ надъ церковью, монастыремъ или отдѣльною личностью какъ символъ святости, столь сильно распространенный въ христіанской иконографіи, собственно есть символическое изображеніе свѣта истины и вѣры, которыми исполнена извѣстная личность, монастырь и церковь. [1]) Такъ Іоанъ Мосхъ разсказываетъ объ одномъ епископѣ, который изъ смиренія поступилъ въ чернорабочіи, при постройкѣ общественнаго зданія, и былъ узнанъ по огненному столбу отъ него къ небесамъ восходящему.[2]) Во время кончины преподобнаго Ѳеодосія „Благовѣрный же князь Святославъ бѣ недалече отъ монастыря блаженнаго стоя, и се видѣ столпъ огненъ до небеси сущъ надъ монастыремъ тѣмъ."[3]) Присутствіе мощей святыхъ, чудотворныхъ иконъ открывается обыкновенно по свѣту, который отъ нихъ исходитъ.

„И се въ единъ день шедшу великому Ѳеодосію нѣкоего ради орудія къ христолюбцу Изяславу, далече сущу отъ града, таже яко и пришедъ и до вечера умедливши ему орудія ради и повелѣ христолюбецъ нощного ради поспанія ему, на вози и допроводити и до монастыря того. Яко бысть идыи путемъ и возяи его видѣвъ и в такои одежи худа суща, и мнѣвъ яко одинъ отъ убогихъ есть, глагола ему: черноризче, се бо ты по вся дни праздень еси, азъ же труденъ сыи, не могу на конѣ ѣхати, но азъ ти лягу на вози, ты же могыи на конѣ ѣхати, всяди на конь, тоже блаженныи со всякимъ смиреніемъ сяди на конь, оному же легшу на вози, идяше путемъ радуяся и славя Бога, и егда въздремашеся тогда сшедъ съ коня въ скраи коня идяше дондеже утрудяшеся и тако пакы на конь всѣдяше,"...... [4]) Профессоръ Буслаевъ уже указалъ [5]) на то, что этотъ разсказъ представляетъ подражаніе Лимонарю или Синайскому патерику, по рукописи этого памятника графа Уварова. Въ греческомъ текстѣ мѣсто это читается слѣдующимъ образомъ: „Говорилъ

---

[1]) См. объ этомъ Menzel's Christliche Symbolick Rgusbrg. 1854, т. 1 стр. 284.

[2]) Pratum spirituale ed. Coteliertii, стр. 359.

[3]) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 59.

[4]) Ibid., стр. 30.

[5]) Ист. Очерки рус. народной словесности и искуства т. II, стр. 53.

также (одинъ отецъ) о томъ же архіепископѣ Ѳеодотѣ, который такъ былъ кротокъ и смирененъ, что однажды во время пути съ клирикомъ, сидя въ телѣжкѣ, а клирикъ на лошади, онъ сказалъ клирику: раздѣлимъ путь и будемъ мѣняться мѣстами. Клирикъ не соглашался этого сдѣлать; это безчестіе, говорилъ онъ, для патріарха, если клирикъ влезетъ въ телѣжку а патріархъ будетъ сидѣть на лошади. Но дивный Ѳеодотъ не отставалъ и наконецъ убѣдилъ клирика въ томъ, что это не будетъ безчестно, принудилъ сдѣлать по своему." [1])

Особенное покровительство Божіе обителямъ и храмамъ отъ нападенія разбойниковъ и непріятеля взнесеніемъ церкви съ молящими въ ней иноками на воздухъ [2]) или же представленіемъ имъ очень высокой ограды, [3]) не существующей на самомъ дѣлѣ, таинственнымъ ихъ усыпленіемъ, или временною слѣпотою—обычный эпизодъ въ житіяхъ. Въ Лавсаикѣ разсказывается какъ авва Ѳеонъ, помолившись заставилъ сверхъ естественною силою разбойниковъ, пришедшихъ убить его, простоять цѣлую ночь до утра. [4]) Въ Собесѣдованіи Григорія Великаго разсказывается, какъ одинъ благочестивый мужъ Исаакъ чудесною силою заставилъ воровъ, пришедшихъ похитить плоды его сада, проработать въ немъ цѣлую ночь. [5])

Чудеса преподобнаго Ѳеодосія вообще очень близки къ евангельскимъ, и не представляютъ ничего особенно фантастическаго, какъ мы это видимъ въ западныхъ легендахъ и нѣкоторыхъ нашихъ житіяхъ позднѣйшаго времени; напр. Житіи Прокопія Устюжскаго [6]) и др. Большинство чудесъ нашего житія имѣетъ себѣ образцы въ разсказахъ византійскихъ писателей. 1) ,,Се бо во единъ отъ дніи пріиде Келарь къ сему блаженому (Ѳеодосію), глагола, яко

---

[1]) Pratum spirituale, стр. 357.

[2]) Пам. рус. лит. XII и XII вв., стр. 36.

[3]) Ibid., стр. 50.

[4]) Historia Lausiaca, стр. 1134.

[5]) Dialogus Gregorii Magni lib. III, cap. 14.

[6]) Нап. Н. Костомаровымъ Памят. Старин. рус. лит. т. I, стр. 153 подъ заглавіемъ повѣсть о бѣсноватой женѣ Саломоніи.

въ сіи день не имать что предложити на ядь, се бо ни сварити что имамъ; глагола тому блаженныи: иди потерпи мало, моля Бога, нѣколи тъ попечется нами, аще ли же, то да сваривше пшеницу, ти ту смять съ медомъ, представиши на трапезѣ братіи, да ядять; обаче же надѣюся на Бога, иже въ пустынѣ людемъ непокоривымъ хлѣбъ небесныи одожди и источи крастели и тъ намъ днесь мощенъ пищу подати. То слышавъ келарь отъиде, блаженыи моляше Бога о сихъ. И се прежереченыи бояринъ (Іоаннъ), Богу ему возлогшу на умъ, се бо наполнивъ три возы брашна, хлѣбъ, и сыры и рыбы сочиво же и пшено, еще же и медъ, и то пославъ къ блаженному въ монастырь."[1]) Въ житіи Θеодосія Киновіарха совершенно подобный эпизодъ: „Въ одинъ годъ случилось, когда еще у Θеодосія было только двѣнадцать учениковъ, община не имѣла ничего для ѣды въ день Св. пасхи; даже не было хлѣба для св. евхаристіи; нѣкоторые изъ братьевъ стали роптать; но онъ сдѣлалъ имъ выговоръ за маловѣріе, сказавъ: возложите свое упованіе на Бога, онъ бо печется о нуждахъ вашихъ; и нѣсколько времени спустя увидѣли нѣсколькихъ муловъ навьюченныхъ провизіей, присланной въ даръ монастырю." [2])

2) „Пакы же нѣколи въ единъ отъ дніи къ сему же блаженному и преподобному отцу нашему Θеодосію пріиде стареи пекущимъ, гляголя, яко мукы не имамъ: глагола тому блаженыи: иди, съглядаи въ сусѣцѣ, егда како обрящеши въ имъ мало, дондеже пакы Богъ попечется нами. Онъ же, вѣдаше се, яко и помелъ бѣ сусѣцъ тъи, и въ единъ уголъ мало отъ крупъ, яко се съ трои или съ четверы пригорщи, тѣмъ же глаголаше: истину ти вѣщаю, отче, яко азъ самъ пометохъ сусѣкъ тъи, нѣсть въ немъ ничто же, развѣ мало отрубовъ въ угли единомъ, глагола тому отецъ: вѣру ими ми, чадо, яко можетъ есть Богъ отъ тѣхъ малыхъ отрубь наполнити намъ сусѣкъ тъи муки, иже яко же я при Иліи сътвори вдовици онои, умноживъ отъ единыхъ пригорщъ мукы множество, яко же препитатися еи

---

[1]) Пам. рус. лит. XII и XIII. вв., стр 40 и слѣд.

[2]) Dictionnaire hagiografique т. II, стр. 1115.

съ чады своими гладное время, дондеже гобино бысть въ людехъ; се бо нынѣ тоже есть, и мощенъ есть и намъ такоже отъ мала много сотворити, но иди и смотри, еда божіе благоволеніе будетъ на сусѣцѣ томъ. Тоже слышавъ, онъ отьиде, яко вниде въ храмину ту, ти видѣвъ сусѣкъ тъи, иже бѣ первѣе тощь, молитвами преподобнаго отца нашего Θеодосія полнъ сущи муки, яко же пресыпатися еи чрезъ стѣну на землю."[1]) У Іоанна Мосха совершенно тоже разсказывается объ аввѣ Іуліанѣ: „Отцу моему онъ поручилъ надзоръ за хлѣбомъ. Въ одинъ день приходитъ отецъ мой къ аввѣ Іуліану и говоритъ ему: у насъ нѣтъ хлѣба. Старецъ отвѣчалъ: пойди, братъ, и что найдешь, смели, а на завтрашній день Богъ попечется о насъ Онъ же, смутившись его словамъ, потому что зналъ, что ничего не было въ житницѣ, удалился въ свою келью. Когда настала крайняя нужда, старецъ пославъ сказать отцу моему, чтобы онъ тотчасъ пришелъ къ нему. Лишь только вошелъ отецъ мой, старецъ говоритъ ему: братъ Кононъ пойди, и что найдешь, употреби въ пользу братіи. Онъ же разсердившись взялъ ключъ и пошелъ, думая принести одной пыли. Отперши двери, хотѣлъ отворить ихъ, но не могъ, потому что житница полна была хлѣба. Видя сіе, отецъ мой принесъ покаяніе старцу и прославилъ Бога".[2])

3) „Въ единъ же отъ дніи пріиде къ преподобному Θеодосію презвитеръ отъ града, прося вина на службу святыя литургіа. Ту абіе блаженыи призвавъ строителя церковнаго, повелѣ наліати вина юже ношаше викію, и дати ему. Онъ же глагола ему, яко мало имамъ вина, еже токмо довлѣетъ на 3 или на 4 дни святѣи литургіи. Блаженныи же отвѣща ему: излеи все человѣку сему, а нами Богъ да попечется. Онъ же отшедъ и пріобидѣвъ святого повелѣніа, вълія ему въ викію мало вина, оставивъ на утріи день церковнѣи службѣ. Презвитеръ же несъ, еже мало ему вда, и показа блаженому Θеодосію, иже видѣвъ и пакы призвавъ понамаря, глагола ему: иже рѣх ти излеи все и о утрешнемъ дне пенещись; не бо имать оставити Богъ церкви сея въ утрешніи день безъ святыя службы, но

---

[1]) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 46 и слѣд.

[2]) Pratum spirituale, стр. 351.

се и въ си день подасть намъ вина до избытка. Тогда же шедъ понамарь излия все вино презвитерови, и тако отпусти и. И таче по отъяденіи къ вечеру сѣдящимъ имъ, и се, по прореченію блаженаго, привезоша три возы, полны суши 20 корчагъ съ виномъ, ихже посла жена нѣкая, иже бѣ предръжаща въ дому благовѣрнаго князя Всеволода." [1]) Въ одномъ изъ скитскихъ Патериковъ: „Нѣкій старецъ жилъ съ братомъ по правилу общежитія. Старецъ былъ милостивъ. И когда насталъ голодъ, то нѣкоторые начали приходить къ двери его и получать милостыню. Старецъ всѣмъ приходящимъ подавалъ доли хлѣба. Братъ, видя это, говоритъ старцу: дай мнѣ часть мою изъ хлѣбовъ, а ты, какъ хочешь распоряжайся своею частью. Старецъ раздѣлилъ хлѣбъ, и творилъ милостыню изъ своей части. Многіе же, слыша, что старецъ подавалъ всѣмъ, приходили къ нему. Богъ, видя его доброе произволеніе, благословилъ хлѣбы. А братъ, съѣвши свой хлѣбъ, говоритъ старцу: авва! такъ какъ у меня мало хлѣба, то возьми меня опять въ общеніе съ собою. Старецъ сказалъ ему: сдѣлаю какъ ты хочешь,—и опять стали жить вмѣстѣ. Когда же настало доброе время, нуждающіеся опять получать милостыню. И случилось въ одинъ день,—братъ, вошедши, увидѣлъ, что хлѣбы оскудѣли; между тѣмъ пришелъ бѣдный, и старецъ сказалъ брату дать ему хлѣба. И братъ возразилъ: авва! нѣтъ хлѣба. Старецъ говоритъ ему: поди и поищи. Братъ, вошедши, внимательно осмотрѣлъ, и нашелъ хлѣбницу наполненную хлѣбами. Увидѣвъ сіе, онъ устрашился,—и далъ бѣдному. И, познавши вѣру и добродѣтель старца, прославилъ Бога." [2])

Въ Патерикѣ Палладія подобный же разсказъ объ аввѣ Аполосѣ: Незадолго предъ симъ случился голодъ въ Ѳиваидѣ. Жители слышавъ, что жившіе съ Аполосомъ монахи неоднократно уже получали пищу чудеснымъ образомъ, всѣ пошли къ нему съ женами и дѣтьми просить благословенія и пищи. Нимало не опасаясь, что не достанетъ пищи, онъ давалъ всѣмъ приходящимъ по стольку,

---

1) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 41 и слѣд.

2) Древній Патерикъ изложен. по главамъ, стр. 298 и слѣд.

чтобъ каждому доставало на день. Когда же остались только три большія корзины съ хлѣбомъ, а между тѣмъ голодъ усиливался,— онъ велѣлъ принесть и эти корзины, изъ которыхъ монахи въ тотъ самый день хотѣли взять для себя хлѣба, и въ слухъ всѣхъ братій и народа, громко сказалъ: уже ли рука Господня не можетъ наполнить эти корзины? Вотъ что говоритъ Духъ Святый: не оскудѣетъ хлѣбъ въ сихъ корзинахъ, доколѣ всѣ не вкусятъ новаго хлѣба. Ходившіе туда въ самомъ дѣлѣ утверждали, что всѣмъ доставало хлѣба въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ. Тоже самое онъ сдѣлалъ съ масломъ и пшеницею. ... [1])

Эти однородныя въ сущности чудеса таинственнаго явленія хлѣба, вина и масла — неболѣе какъ повторенія разсказовъ византійскихъ Патериковъ, представляющихъ въ свою очередь подражанія сказаніямъ священнаго писанія. [2]) Но вотъ другія нѣсколько отъ нихъ отличныя: 4) „Се бо, приспѣвшу нѣколи празднику успеніа пресвятыя владычица нашея богородица, бѣша же в церкви, творяще праздникъ в тои день, маслу же древяну не сущу на вліянія въ кандила въ тъ день, помысли строитель церковныи въ сѣмени лну избити масло, и, то воліавши въ паникандила, вжещи и; въпросивъ о томъ блаженнаго Өеодосія и оному повелѣвшу тако створити, яко помысли и, егда въсхотѣ льяти в кандила масло то, и се видѣ мышь впадшу в не, мертву плавающу в немъ; таче скоро шедъ, исповѣда блаженному глаголяи, яко всякымъ утвержденіемъ бѣхъ покрылъ съсудъ тъ съ масломъ и не видѣ откуду влѣзе гадъ тъ и утопе. Таже блаженныи, помысливъ, яко Божіе расмотрѣніе есть, похуливъ свое невѣжество, глагола тому: лѣпо было намъ брате надежу имѣти къ Богу, уповающе, яко мощенъ есть подати намъ на потребу, его же хощетъ, а не тако невѣрствовавше створити, его же бѣ не лѣпо; но иди пролеи масло то на землю и мало потръпи, моляще Бога, и тъ имать намъ подати до избытка древянаго масла.

---

[1]) Historia lausiaca, стр. 1144.

[2]) См. объ этомъ съ Мори: Essai sur les legendes, стр. 14, 15 и 29, а также Menzel. Christliche symbolik т. I, стр. 159, т. II, стр. 168 и слѣд. 548 и слѣд.

Таче уже бывшу году вечернему и се нѣкто отъ богатыхъ принесе корчагу велику зило полну масла древянаго."[1]) Совершенно сходно съ этимъ разсказомъ по идеѣ слѣдующее происшествіе, случившееся уже послѣ преподобнаго Θеодосія, во время игуменства Никона: 5) „Пристѣвшимъ же днемъ нѣколи святаго великаго поста, в первую недѣлю таковаго воздержанія, и яко добрымъ подвижникомъ потрудившимся в ту недѣлю, тѣмъ же уставлено бысть преподобнымъ отцемъ нашимъ Θеодосіемъ в пятокъ тоя недѣли, да бываютъ имъ хлѣбы чисты зило, друзіи же отъ нихъ с медомъ и макомъ творены; тоже тако же повелѣвшу великому Никону по обычаю творити келарю, онъ же, преслушаніе творя, сълга, рекіи, яко муки не имамъ на сотвореніе таковыхъ хлѣбъ, но обаче Богъ не презрѣ труда и молитвѣ преподобныхъ своихъ и да пакы не разорится уставленное блаженнымъ Θеодосіемъ. Се бо, по постнои литургіи, идущимъ тѣмъ на постныя ти обѣды, се, отнюду же не бѣ начатися, тоже тако ти привезоша таковыхъ хлѣбъ, еже видѣвши братія прославиша Бога, чюдящися, како присно печется ими, да подая вся имъ, еже на потребу, молитвами преподобнаго имъ отца наставника Θеодосіа. Таже по двою днію, повелѣвшу келарю, да по обычаю и хлѣбы братіи испекутъ въ муцѣ тъ, ея же преже рекъ не имамъ, тоже пекущимъ готовящимъ и тѣсто мѣсящимъ и пакы льющимъ укропъ въ не, и се обрѣтеся ту жаба, якоже ти варенои быти въ тъи водѣ, и тако же то тѣмъ, оскверьни, иже отъ преслушаніа творенное дѣло."[2]) Въ двухъ послѣднихъ чудесахъ кромѣ мысли о промыслѣ Божіемъ, заботящемся о нуждахъ братіи, видно еще убѣжденіе въ томъ, что преслушаніе приказанію игумена и недостаточное упованіе на Бога должно получить наказаніе на землѣ. Въ Патерикахъ намъ извѣстно нѣсколько совершенно подобныхъ разсказовъ. У Григорія Двоеслова о св. Венедиктѣ разсказывается: „Въ то время во всей Кампаніи свирѣпствовалъ голодъ, но св. мужъ раздавалъ бѣднымъ пищу изъ монастыря, такъ что въ житницѣ не осталось почти ничего, кромѣ небольшого стеклянпаго сосуда съ ма-

[1]) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 44 и слѣд.
[2]) Ibid. стр. 43 и слѣд.

сломъ. Тогда одинъ иподіаконъ, по имени Агапитъ, приступилъ съ настойчивою просьбою, чтобы дали ему нѣсколько масла. Св. мужъ, рѣшившій раздать все на землѣ, чтобы сохранить все на небѣ, повелѣлъ дать просителю то небольшое количество масла, которое оставалось. Монахъ, надзиравшій за кладовой, хотя слышалъ приказаніе, но не исполнилъ его. Когда-же спустя немного времени спросили его, исполнилъ ли онъ приказаніе, монахъ отвѣчалъ, что не далъ масла, потому что если бы отдалъ его просителю, ничего бы не осталось для братіи. Тогда разгнѣванный св. Венедиктъ приказалъ другимъ выбросить за окно тотъ стеклянный сосудъ, въ которомъ было немного масла, дабы въ монастырѣ ничего не осталось по причинѣ непослушанія. Такъ и сдѣлано было. А подъ этимъ окномъ находился большой утесъ, усѣянный грудами острыхъ камней. Такимъ образомъ брошенный стеклянный сосудъ упалъ на камни, но онъ остался совершенно невредимъ, какъ будто его вовсе не бросали, такъ что и самъ онъ не разбился и масло не пролилось. Св. мужъ приказалъ поднять сосудъ, и такъ какъ онъ былъ невредимъ, отдалъ просителю. Тогда, собравши братію, обличилъ передъ всѣми непослушнаго монаха въ недовѣрчивости и гордости. Сдѣлавши такое обличеніе, св. Венедиктъ со всѣми братіями сталъ молиться. А въ томъ мѣстѣ, гдѣ молился онъ съ братіями, была пустая, закрытая бочка. Когда же святой мужъ продолжалъ молиться, крышка у бочки стала приподниматься, отъ того, что въ ней оказалось масло и стало внезапно прибывать. Сняли крышку, но прибывающее масло стало литься черезъ края бочки и полилось на полъ, на которомъ стояла она. Какъ только увидѣлъ это рабъ Божій Венедиктъ, тотчасъ прекратилъ молитву и масло перестало литься на полъ. Тогда невѣрующему и непослушному брату онъ далъ новое наставленіе, чтобы тотъ научился имѣть вѣру и смиреніе.[1])

У Іоанна Мосха: „Былъ у насъ обычай собирать въ нашу обитель всѣхъ нищихъ и сиротъ этой страны во св. и великій четвер-

[1]) Dialogus lib. II, cap. 28.

токъ и раздавать имъ по полчетверика пшеницы, по пяти благословенныхъ хлѣбовъ и по пяти фолеровъ (монетъ), по секстарію вина и по полсекстарію меда. За три года предъ симъ былъ неурожай пшеницы, такъ что двѣ мѣры стоили номизму. Когда наступили дни поста, то нѣкоторые изъ отцевъ вздумали предложить своему игумену оставить на извѣстное время обычай раздавать бѣднымъ, чтобы сами братія не нуждались, когда не будетъ пшеницы. Игуменъ сказалъ: Дѣти! не будемъ нарушать того, что благословилъ отецъ нашъ Θеодосій. Вы знаете, что это заповѣдь сего старца, и намъ стыдно не исполнять ее; онъ самъ о насъ заботится. Братія настаивали на своимъ, говоря: намъ нечего давать. Оскорбленный симъ, старецъ сказалъ: ступайте и дѣлайте, какъ хотите. И такъ, вопреки обычаю, они не стали давать милостыню въ великій четвертокъ. Завѣдывающій житницами пошелъ послѣ того въ житницы, и отворивъ дверь, нашелъ что вся пшеница проросла. Потому мы принуждены были бросить ее въ море. Тогда игуменъ сказалъ братіи: кто не хранитъ заповѣди отца своего, тотъ всегда потерпитъ,— пожинайте плоды преслушанія. Вы не хотѣли разстаться съ 50 мѣрами пшеницы, оказать послушаніе отцу нашему Θеодосію и бѣдныхъ братьевъ нашихъ утѣшить,—и вотъ теперь лишились почти 5,000 мѣръ. Дѣти! что мы себѣ принесли пользы? Подлинно, причинили себѣ сугубый вредъ: одинъ, что не исполнили воли отца нашего, другой что не имѣемъ надежды на Бога, а надѣемся на свою житницу. Научимся изъ сего, братія что есть Богъ, который печется о всемъ человѣчествѣ, и что св. Θеодосій невидимо печется о насъ—дѣтяхъ своихъ."[1])

Но кромѣ чудесъ еще нѣкоторые другіе эпизоды житія Θеодосія представляютъ близкое сходство съ византійскими Патериками. Два раза повторенное извѣстіе о томъ, что преподобный Θеодосій не лежалъ на ребрахъ: ,,не бо николиже на ребрахъ своихъ лежалъ, но аще коли ему хотящу опочинути, то сѣдъ на столѣ, и тако мало

---

[1]) Лугъ духовный Іоанна Мосха, русскій переводъ, стр. 82 и слѣд. Въ греческомъ изданіи Котельера, который у насъ теперь подъ рукою этого эпизода нѣтъ.

поспавъ" [1]) и ,,Никто же его николиже видѣ на ребрѣхъ своихъ, ни воду на тѣло взливающа," [2]) повторяетъ разсказъ въ Лавсаикѣ Палладіа объ аввѣ Дороѳеѣ: ,,Богъ мнѣ свидѣтель, что я никогда его протянувшимъ ноги, или лежащимъ на рогожкѣ или подъ одѣяломъ." [3]) Поступокъ преподобнаго Ѳеодосія съ разбойниками весьма напоминаетъ разсказъ объ аввѣ Ѳеонѣ Патерика Палладія: ,,И къ сему же блаженому нѣколи приведоша разбойникы связаны, ихъ же бѣша яли въ единомъ селѣ монастырстемъ, хотящимъ красти. Блаженыи же, видѣвъ я связаны и въ такои скорби суща, сжалиси зило, и прослезився, повелѣ разрѣшити я и дати же ясти и пити, и тако пакы тѣхъ учаше много, еже никако же преобидити, подасть же тѣмъ отъ имѣніа доволно, еже на потребу, и тако тѣхъ съ миромъ отпусти славяще Бога, якоже отоле тѣмъ умилитися и никомуже зла створити, но своими дѣлы довольнымъ быти." [4]) Объ аввѣ Ѳеонѣ: ,,Въ одну ночь, не такъ давно, напали на него разбойники, надѣясь найти у него много золота. Святый помолился и они остались до утра у дверей его недвижимы. Когда же сталъ собираться къ нему народъ и хотѣлъ сжечь ихъ, — святый, вынужденный крайностію, сказалъ народу только слѣдующія слова: отпустите ихъ невредимыми; а если не отпустите,—отъ меня отступитъ благодать исцѣленій. Народъ послушался, ибо никто не дерзалъ прекословить ему; а разбойники тотчасъ пошли въ сосѣдніе монастыри къ монахамъ и, разскаявшись въ прежнихъ дѣлахъ, перемѣнили жизнь свою." [5]) Подобный же этому разсказъ объ безъименномъ молчальникѣ находимъ въ одномъ скитскомъ Патерикѣ: ,,На горѣ Аѳливской жилъ великій молчальникъ. Однажды напали на него разбойники. Старецъ закричалъ. Сосѣди его, услышавъ крикъ, схватили разбойниковъ и отослали къ правителю; сей посадилъ ихъ въ темницу. Но братія опечалились и говорили: разбойники преданы изъ-за насъ.

1) Пам. рус. лит. XII XIII вв., стр. 22.
2) Ibid., 29 и 30.
3) Histor. lausiaca, стр. 1012.
4) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 41.
5) Histor. lausiaca, стр. 1132.

Пошли они къ аввѣ Пимену и разсказали ему о случившемся. Авва написалъ къ старцу такое письмо: „Размысли, откуда произошло первое предательство; тогда увидишь, откуда и второе. Если бы прежде не было въ тебѣ предательства внутренняго, то не сдѣлалъ бы ты и втораго. Выслушавъ это письмо аввы Пимена, старецъ, который былъ славенъ во всей той странѣ и никогда не выходилъ изъ своей кельи, вставъ, пошелъ въ городъ, вывелъ изъ темницы разбойниковъ и предъ всѣми освободилъ ихъ." [1])

Одинъ изъ образцевъ смиренія преподобнаго Ѳеодосія: „Се бо и въ день единъ, идущу тому къ дѣлателемъ, иже бяше церковь зиждущеи, и срѣте и убогая вдовица, яко же отъ судіи обидима, глагола тому блаженому: черноризце, повѣжь ми, аще есть дома игуменъ вашъ; глагола тои блаженыи: что ради потребуеши отъ него, яко тои человѣкъ грѣшенъ есть; глагола тому жена, аще и грѣшенъ есть, не вѣмъ, токмо и се вѣмъ, яко многы избави отъ печали и напасти, и сего ради и азъ пріидохъ, яко да и мнѣ поможеть, обидимѣи сущи безъ правды отъ судіи. Таже блаженыи, увидѣвъ, яко отъ неи сжалиси зило, глагола тои: жено, нынѣ иди въ домъ свои и се егда пріидеть игуменъ нашь, то же азъ възвѣщу ему, еже о тебѣ, то избавитъ тя отъ печали тоя. Тоже слышавше, жена отыде въ домъ свои, и блаженыи же иде къ судіи, еже о неи, глаголавъ тому избави ту отъ насилія того, яко же тому пославшу възвратити тои, имже бѣ обидя ю." [2]) Подобный же совершенно разсказъ находимъ въ Скитскомъ Патерикѣ объ аввѣ Моисеѣ: „Областный правитель слышавъ объ аввѣ Моисеѣ, пришелъ однажды въ Скитъ, чтобы видѣть его. Объ этомъ сказали старцу, онъ всталъ и побѣжалъ къ болоту. Правитель, встрѣтившись съ нимъ говоритъ ему: скажи намъ, старецъ, гдѣ келья аввы Моисея? — Авва отвѣчалъ: чего вы хотите отъ него? Онъ человѣкъ глупый и грѣшный. Правитель, когда пришелъ въ церковь, сказалъ клирикамъ: Я слышалъ

---

[1]) Русскій переводъ одного изъ скитскихъ патериковъ „Достопамятныя сказанія о подвижничествѣ святыхъ и блаженныхъ отцевъ". Спб. 1871, стр. 293 и слѣд.

[2]) Памят. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 56.

о дѣлахъ аввы Моисея и пошелъ посмотрѣть его,—и вотъ встрѣтился съ нами старецъ на дорогѣ въ Египетъ; мы спросили у него—гдѣ келья аввы Моисея? а онъ отвѣчалъ намъ: чего вы хотите отъ него, — онъ человѣкъ глупый и грѣшный. Выслушавъ это клирики опечалились и спросили: Какой по виду этотъ старецъ, который такъ поносилъ святаго? — Имъ отвѣчали: старецъ былъ высокій и черный, въ ветхой одеждѣ. Тогда клирики сказали: это самъ авва Моисей, — онъ сказалъ это на самаго себя потому, что не желалъ встрѣтиться съ вами. Правитель возвратился, получивъ большую пользу." [1])

Думаемъ, что приведенныхъ паралельно изъ житія Ѳеодосія и патериковъ выписокъ вполнѣ достаточно для того, чтобъ судить, насколько сочиненіе Нестора оригинально по своему содержанію. Но, не смотря однако на такое число эпизодовъ, не могущихъ служить для характеристики преподобнаго Ѳеодосія, личность послѣдняго имѣетъ нѣкоторыя типическія черты, дѣлающія ее чрезвычайно симпатичной для читателя. — Почти во всѣхъ житіяхъ начальниковъ и основателей монастырей, какъ русскихъ, такъ и европейскихъ, не смотря на неоднократное засвидѣтельствованіе о кротости и смиреніи этихъ подвижниковъ и подтвержденій этой кротости смиренія разсказами, въ характерѣ ихъ всегда довольно ясно проглядываетъ начальникъ, весьма цѣнящій свою власть; этого мы совершенно не видимъ въ преподобномъ Ѳеодосіи; отношеніе его къ братіи ни сколько не показываетъ сознающаго свое право начальника, а скорѣе равноправнаго брата, тяготящагося этой обязанностію: узнавъ, напримѣръ, что братія по ночамъ, вопреки уставу, сходятся вмѣстѣ и проводятъ время въ разговорахъ, онъ на утро „призвавъ я и обличаше ихъ, *яко же издалеча притчами нагоня*," [2]) какъ бы не желая оскорбить ихъ прямымъ выговоромъ. Вмѣсто приказанія инокамъ исполнить какую либо нужду монастырскую преподобный Ѳеодосій самъ принимался за работу, не считая ея унизительной своему сану. Во всемъ житіи всего одинъ разъ только

---

[1]) Древній Патерикъ, изложенный по главамъ, стр. 161 и слѣд.

[2]) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 23 и слѣд.

Θеодосій является какъ пачальникъ, а именно: однажды Келарь ослушался приказанія преподобнаго и не подалъ въ назначенный имъ день присланныхъ благодѣтелями хлѣбовъ, а оставилъ на другой день. Увидя за трапезой куски этого хлѣба предложенные братіи, Θеодосій приказалъ „единому отъ братіи събрати въ кошь укрухы ты, несше, посреди рѣкы въсыпати, оного же епитемьею утвердивъ, яко же преслушаніе съ творивша," [1]) и такимъ образомъ заявилъ важность послушанія личному приказанію игумена. Одинъ эпизодъ житія, по всей вѣроятности представляетъ вѣрныя біографическія данныя, это разсказъ о печеніи преподобнымъ Θеодосіемъ просфоръ; [2]) по крайней мѣрѣ мы имѣемъ подтвержденіе другихъ источниковъ тому факту, что въ церквахъ XII в. случался недостатокъ въ просфорахъ. Кирикъ спрашиваетъ Св. Нифонта: „одиною просфурью достоитъ ли служити? Аже будеть далече, яко въ селѣ, нѣгдѣ будеть взяти другое просфуры, то достоить. Аже будеть близь торгъ, кдѣ купити, то недостоитъ; аже како кдѣ не будеть, понужи достоить." [3]) Самый вопросъ Кирика могъ родиться только вслѣдствіе обстоятельстъ его возвавшихъ. Подтвержденіемъ печальному положенію церквей можетъ служить также вышеприведенный [4]) разсказъ о священникѣ, обращавшимся въ печерскій монастырь за виномъ для литургіи въ день успѣнія Просвятой Богородицы. Страннымъ только кажется обстоятельство, что недостатокъ просфоръ могъ ощущаться въ городѣ, въ которомъ кромѣ общественныхъ церквей была и домашняя у властелина града.

Въ заключеніе обозрѣнія житія преподобнаго Θеодосія отмѣтимъ двѣ несообразности первой части, бросающіяся въ глаза.

а) Выше уже было говорено о томъ, что нашъ авторъ придавалъ особенное значеніе имени „Θеодосій", приписывая его не случайности, а предвидѣнію крестившаго младенца іерея. Но мы зна-

---

1) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 42 и слѣд.

2) Ibid., стр. 6 и слѣд.

3) Калайдовича памятники россійской словесности XII в., стр. 194.

4) См. стр. 82.

емъ, что по монастырскому уставу при постриженіи въ монахи имя перемѣнялось, и этотъ обычай былъ и въ печерскомъ монастырѣ съ времени его основанія преподобнымъ Антоніемъ, получившимъ это имя при своемъ постриженіи на Аѳонской горѣ, въ мірѣ называвшимся Антипой.[1]) Сынъ боярина Іоанна получилъ при постриженіи имя Варлаама: „Онъ же (Никонъ) по обычаю молитвовавъ, остриже и, въ черныя ризы облече и Варлаамъ имя тому нарече;"[2]) а каженикъ княжескій получилъ имя Ефрема: „Онъ же и того остригъ, обличе въ мнишескую одежду, Ефремъ имя ему нарече."[3]) Весьма естественно предположить, что имя Ѳеодосія было дано нашему преподобному при его постриженіи и что онъ имѣлъ другое мірское имя.

b) Преподобному Ѳеодосію при постриженіи его было болѣе двадцати пяти лѣтъ: Въ житіи прямо говорится, что при смерти его отца ему было тринадцать лѣтъ,[4]) послѣ смерти отца Ѳеодосій началъ заниматься печеніемъ просфоръ и этимъ дѣломъ занимался болѣе двѣнадцати лѣтъ: „Сице же пребысть два надесяте лѣта или боле творя."[5]) Допустивъ даже, что онъ продолжалъ свое занятіе до самаго поступленія въ монастырь, ему все же было двадцать пять лѣтъ—между тѣмъ Несторъ все называетъ его отрокомъ во время и уже по его постриженіи.[6])

Объ общественномъ положеніи родителей преподобнаго Ѳеодосія было говорено выше, здѣсь прибавимъ только небольшое замѣчаніе. Странными кажутся съ перваго взгляда отношенія матери Ѳеодосія къ какому то властелину града. Не смотря на свое богатство, сынъ ея прислуживалъ не только въ домовой церкви властелина, но и за его трапезой.[7]) Такъ какъ мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія предполагать въ этомъ властелинѣ града Князя,

---

[1]) Лѣтописецъ переяславскій, стр. 45.
[2]) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 15.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid., стр. 5.
[5]) Ibid., стр. 7.
[6]) Ibid., стр. 10, 11.
[7]) Ibid., стр. 8.

то должны допустить, что у княжескихъ намѣстниковъ были свои отроки, какихъ мы видимъ у извѣстнаго Свенельда, [1]) и что служба отрокомъ считалась почетною не только при князѣ, но и при его мужахъ.

Сказанія Кіево-Печерскаго Патерика вводятъ насъ въ внутренній бытъ древнѣйшей, еще слагавшейся Руси XI—XIII вѣковъ. Они указываютъ намъ гораздо яснѣе лѣтописей на интересы эпохи. Но такъ какъ христіанское просвѣщеніе въ Кіевской Руси было достояніемъ только весьма немногихъ избранныхъ, передовыхъ людей того отдаленнаго времени и почти исключительно высшаго сословія и князей, и люди низкаго общественнаго положенія рѣдко попадались между иноками кіево-печерскаго монастыря такъ, что пр. Поликарпъ считаетъ нужнымъ замѣтить о преподобномъ Пименѣ: „сеи убо преподобныи Пименъ бяше невѣжа словомъ но не разумомъ, *не отъ града бо пріиде в чернечество но нь отъ ковго села*" *и проч.* [2]) По этому по сказаніямъ этимъ весьма легко прослѣдить отношеніе свѣтской княжеской власти и бояръ къ новой нравственной силѣ монашества, но немного найдемъ данныхъ для исторіи отношенія монашества къ народу и обратно. Намъ извѣстно изъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ, что вначалѣ своего введенія христіанства на Руси, интересы церкви и княжеской власти вполнѣ совпадали въ борьбѣ съ языческой Русью, но впослѣдствіи и весьма скоро особенно тамъ, гдѣ не нужно было дѣйствовать противъ общаго ихъ врага язычества, напр. въ Кіевѣ, обѣ эти силы церковная или монашеская и свѣтская власть могли скоро стать во враждебныя отношенія.

Такимъ образомъ чрезвычайно важно прослѣдить исторію отношенія кіевскихъ князей XI—XIII вв. къ подвижникамъ Печерскаго монастыря. Разборъ этихъ отношеній на столько же важенъ для исторической критики Патерика, какъ историческаго источника, столько и съ точки зрѣнія историка литературы, такъ какъ эти отношенія опредѣляютъ взглядъ и направленіе авторовъ и обстоятель-

---

[1]) О дружинѣ мужей княжескихъ см. Бестужева-Рюмина Русская исторія, т. I, стр. 113.

[2]) Пам. рус. словесности XII и XIII вв., стр. 173.

ства, при которыхъ возникали и развивались южнорусскія легенды. Житіе Θеодосія въ этомъ отношеніи представляетъ весьма интересныя данныя. Въ началѣ его мы видимъ, что В. князь Изяславъ, которому такъ сочувствуетъ нашъ авторъ, весьма недружелюбно относился къ печерскому монастырю, въ тѣхъ случаяхъ, когда интересы послѣдняго заставляли его дѣйствовать, не сообразуясь съ княжескими интересами. Узнавъ о постриженіи сына своего болярина Іоанна и своего каженика: „Увѣдовъ бо князь Изяславъ бывшее о болярин҄ѣ и о кажницѣ его, разгнѣвася зило. Тогда же повелѣ ту, абіе шедше единою отъ нихъ привести, дръзнувша таковая сътворити, они же шедше и великаго Никона приведоша предъ него. Тогда же Князь съ гнѣвомъ възрѣвъ на Никона и глагола ему: ты ли еси остригии болярина бесъ повеленія моего. Никонъ же отвѣща благодатіею Божіею, азъ есмь постригии я, повеленіемъ Царя Небеснаго Іисуса Христа, призвавшаго я на таковъ подвигъ. Князь рече: пойди и увѣщаи и въ домъ свои поити или на заточеніе послю тя и сущая съ тобою а пещеру вашу роскопаю."[1] Антоній съ учениками своими, испугавшись угрозы князя оставили Кіевъ. Узнавъ объ отшествіи иноковъ, жена Изяслава, полька по происхожденію, разсказала ему о бѣдствіяхъ постигшихъ Польшу, „отбѣжавшимъ нѣкоея ради вины чернцемъ."[2] И только благодаря опасенію непріятныхъ для себя послѣдствій, Антоній съ учениками былъ возвращенъ княземъ на свое прежнее мѣсто. Далѣе мы еще увидимъ, что Изяславъ относился враждебно къ Антонію. Совершенно другія были отношенія этого князя къ Θеодосію, какъ ихъ изображаетъ преподобный Несторъ. Несмотря на помѣщенное въ самомъ началѣ житія только что приведенное мѣсто, авторъ нашъ иначе не называетъ Изяслава какъ „христолюбецъ", а иногда „христолюбецъ, иже по истинѣ боголюбецъ Изяславъ"[3] и прямо говоритъ о немъ „Боголюбный князь Изяславъ, иже по истинѣ те-

---

[1]) Пам. рус. словесности XII и XIII вв., стр. 15 и слѣд.

[2]) Объ этомъ обстоятельствѣ мы еще будемъ имѣть случай говорить подробно.

[3]) Ibid., стр. 51.

плы на вѣру, яже ко Господу нашему Iсусу Христу и къ пречистѣй матери его."[1]) Такимъ образомъ чрезъ все житіе Θеодосія проходить апологія Изяславу, какъ вполнѣ христіанскому князю, имѣющему „любовь, яко же речеся непросту къ отцу нашему Θеодосію." Совершенно въ другомъ видѣ изображенъ въ нашемъ сочиненія противникъ Изяслава, князь Святославъ. Понимая весьма хорошо несправедливость захвата стола великокняжескаго у старшаго брата, Θеодосій: „наполнився Святаго Духа, начатъ того обличати, яко неправедно сътворша и не по закону сѣдша на столѣ томъ, яко отца си, брата старѣшнаго прогнавша. Тоже тако обличаше того, овогда епистоліа пиша посылаше тому, овогда же вельможамъ его, приходящимъ къ нему, обличаше того о неправеднемъ прогнаніи брата, веля тамъ повѣдати тому, се же и послѣже вписа къ нему епистолію велику зило, обличая того глаголя: гласъ крови брата твоего вопіетъ на тя Богу, яко Авелева по Каина и инѣхъ многихъ древнихъ гонитель и убоиницъ и братоненавидникъ, приводя и притчами тому вся, яже о немъ, указавъ и тако вписавъ посла. И яко тотъ прочте епистолію ту, розгнѣвася зило, *яко левъ рѣкнувъ на праведника, и удари пятою о землю*, яко же оттолѣ промчися вѣсть, еже на поточеніе осужену быти блаженому."[2]) Но братія упросила Θеодосія оставить и не обличать болѣе этого князя.... Братія же умолила своего игумена поминать Святослава на ектеньяхъ во время литургіи,—Θеодосій уступилъ, но невполнѣ: онъ приказалъ упоминать Святослава послѣ Изяслава [3]) и такимъ образомъ въ молитвахъ монастыря на первомъ мѣстѣ поминалась законная власть, а потомъ уже князь, de facto управляющій страною. Сближеніе князя Святослава съ Θеодосіемъ слѣдовало постепенно и мы видимъ, что наконецъ послѣдній посѣщалъ даже В. К. Святослава. Въ этомъ разсказѣ преподобный Несторъ выставляетъ жизнь нелюбимаго князя въ весьма непривлекательномъ, съ христіанской точки зрѣнія, видѣ: „Въ единъ отъ дніи шедшу тому святому блаженнному и богоносно-

---

[1]) Ibid., стр. 65.
[2]) Ibid., стр. 51 и слѣд.
[3]) Ibid., стр. 54.

му отцу нашему Θеодосію, яко вниде въ храмъ, идѣже бѣ князь сѣдя, и се видѣ многыя играющи предъ нимъ, аввы гоусельныя гласы испоущающи, другіа же органныя гласы поющи, инѣмъ заморныя писки гласящимъ, и тако всѣмъ играющимъ и веселящимся, яко же обычаи есть предъ княземъ. Блаженный же бѣ в краи его сѣдяи долу нича, яко же мало въсклонився рече к тому; то будет ли сице на ономъ свѣтѣ; тоу абіе онъ о словѣ блаженнаго оумилився и мало прослезився повелѣ тѣмъ престати. И оттоле, аще коли приставляше тѣхъ играти, ти слышавше блаженнаго пришедша, то повелѣваше тѣмъ престати отъ таковыя игры."[1])

Между тѣмъ какъ Святославъ по этому же житію является расположенныхъ къ Θеодосію никакъ не менѣе Изяслава. Самъ же авторъ разсказываетъ: „Многажды же пакы, егда възвѣстяхуть тому (Святославу) приходъ блаженнаго, тои же тако шедъ того срѣташе, радуяся, предъ дверми храма, и тако внидоста въ храмъ оба. Се же, яко же веселяшася, глаголаше преподобному: се, отче, истину ти глаголю, яко, аще быша ми възвестили отца моего въставша отъ мертвыхъ, не быхъ ся тако радовалъ, яко о приходѣ твоемъ и не быхъ ся тако того боялъ или сумнѣлъ, яко же преподобныя твоея душа."[2]) Не смотря на то, что Святославъ зналъ какое чувство питаетъ къ нему Θеодосій, онъ первый сдѣлалъ шагъ къ сближенію: „Не по мнозѣхъ же днехъ разумѣвъ благовѣрныи князь то преложеніе блаженаго отъ гнѣва и утишеніе, еже отъ обличеніа того, възрадовася зило, издавна бо жадаше бесѣдовати съ нимъ, духовныхъ словесъ его насытитися. Таче посылаетъ блаженному, аще повелитъ тому пріити въ монастырь свои или ни. Оному же повелѣвшу тому пріити, тоже сіи съ радостію въ ставъ, пріиде съ боляры въ монастырь его."[3]) Святославъ, какъ весьма ясно свидѣтельствуетъ намъ авторъ, сознавалъ ту нравственную силу, которою пользовался Θеодосій и по всему видно желалъ имѣть ее на своей сторонѣ. „Но обаче онъ (Святославъ), аще и велми разгнѣвалъ

---

1) Ibid., стр. 53.
2) Ibid., стр. 53 и слѣд.
3) Ibid., стр. 52 и слѣд.

блаженнаго, но недрѣзну ни единаго же зла и скорбна створити тому, видяше бо моужа преподобна и праведна соуща, яко же и преже многажды его ради завидяаше брату своему, еже такова свѣтилника имать въ области своеи, яко же исповѣдаше, слышавъ отъ того, мнихъ Павелъ, игоуменъ сы отъ единаго манастырь, соущихъ въ области его." [1]) Если теперь сопоставимъ свидѣтельства житія Θеодосія объ отношеніи Князей Изяслава и Святослава къ печерскому монастырю и къ его игумену, увидимъ, что послѣдній несравненно болѣе перваго былъ расположенъ къ монастырю, что доказывалъ постоянно своими дѣйствіями, между тѣмъ какъ христолюбецъ Изяславъ не мало не стѣснился было разогнать печерскихъ монаховъ и не сдѣлалъ этого только, благодаря увѣщаніямъ своей жены, въ свою очередь опасавшейся тѣхъ, непріятныхъ для нея, послѣдствій, какія постигли Польшу при Болеславѣ. Если даже допустить, что Святославъ нуждался въ расположеніи столь популярной личности въ Кіевѣ какъ Θеодосій, чуствуя свою непрочность на велико-княжескомъ столѣ, но и въ этомъ случаѣ Святославъ рисуется въ весьма благопріятномъ свѣтѣ; во время исключительнаго господства матерьяльной, физической силы онъ не только не игнорируетъ нравственной силы монашества, но къ ней прибѣгаетъ за помощью въ своемъ затруднительномъ положеніи и не рѣшается поступить съ нею такъ безцеремонно, какъ это желалъ сдѣлать его предшественникъ, даже тогда, когда Θеодосій открыто дѣйствуетъ противъ его интересовъ.

Каковы должны быть отношенія между княжеской властью и монашествомъ, по мнѣнію нашего автора, явствуетъ изъ слѣдующаго разговора Θеодосія съ Изяславомъ:.... „тому же (Святославу) цѣловавшу блаженаго, таче глаголаше ему: се, отче, не дерзахъ пріити къ тебѣ, помышляя, егда како, гнѣваяся на мя, и не впустиши насъ въ монастырь. Тоже блаженыи отвѣща: что бо, благіи владыко, успѣетъ гнѣвъ нашъ, еже на дръжаву твою; но се намъ

[1]) Ibid.

подобаетъ обличити и глаголати вамъ, еже на спасеніе души, вамъ же лѣпо бы послушати того."[1])

Отношеніе высшаго сословія вообще къ печерскимъ инокамъ изображается такъ: „Тѣмъ же слышаще князи и боляре доброе ихъ (иноковъ) житіе, прихождаху къ великому Ѳеодосію и исповѣдающе ему грѣхи своя, иже и велику пользу пріимше отъ того, отхожаху, тако паки приношахуть ему и отъ имѣніи своихъ на утѣшеніе братіи, на строеніе монастырю, друзіи же и села вдавающе на попеченіе ихъ"[2]) Въ самомъ дѣлѣ въ нашемъ житіи имѣемъ множество свидѣтельствъ о пожертвованіяхъ монастырю печерскому съѣстными припасами и деньгами. Нѣкоторые бояре давали обѣты отправляясь на войну, въ случаѣ благополучнаго съ нея возвращенія сдѣлать пожертвованіе на украшеніе храма Печерскаго, напр. болярипъ Климентъ, пожертвовавшій двѣ гривны злата, золотой вѣнецъ на образъ Божіей Матери и Евангеліе для ея церкви.[3]) Но вмѣстѣ съ тѣмъ члены боярскаго сословія, по примѣру князя Изяслава, часто обращались съ монахами далеко не похристіански, — такъ болярипъ Іоаннъ, узнавъ о постриженіи своего сына: „Тогда убо видѣвъ болярипъ Іоаннъ, яко никоего же имъ зла створи христолюбивыи князь Изяславъ и разжегся на ня гнѣвомъ сына ради своего, и поимъ отроки многи, иде на святое стадо, иже распудивъ я, и вшедъ въ пещеру и имъ сына своего...."[4])

Выше у насъ приведено мѣсто[5]) изъ житія, показывающее, что угнетенные находили въ Ѳеодосіи опору и защиту отъ притѣсненій. Преподобный Ѳеодосій удалившись отъ міра, не отказывался отъ сношеній съ нимъ, когда дѣло шло о томъ чтобъ оказать помощь малымъ людямъ..... ,,братство Ѳеодосьево, совершенно справедливо замѣчаетъ проф. О. Миллеръ, заботилось и объ остальныхъ людяхъ; не жило оно совершенно особнякомъ, спасая только соб-

---

1) Ibid., стр. 53.
2) Ibid., стр. 25.
3) Ibid., стр. 37.
4) Ibid., стр. 16.
5) См. стр. 89.

ственную душу, или только молясь за душу другихъ людей; нѣтъ, Θеодосій хотѣлъ, чтобы и трудами рукъ своихъ оно кормило не только себя, но и убогихъ и странныхъ. Приносили уже и въ его время люди свѣтскіе различные дары въ монастырь; но Θеодосій не хотѣлъ пользоваться этимъ для одной братіи, не складывалъ даровъ въ сокровищницу, не копилъ безполезныхъ богатствъ, а раздавалъ неимущимъ всякаго рода, по слову апостольскому: „лучше давать, нежели принимать."[1]) Какъ относились къ монашеству люди низшаго общественнаго положенія, мы судить не можемъ за неимѣніемъ данныхъ. — Одно указаніе на довѣріе къ одному изъ братій Конону, друга его знаема, принесшаго къ нему на сохраненіе „луконце мало полно суще сребра"—не можетъ еще доказывать довѣріе народа вообще къ монастырю печерскому. Равно какъ смѣемъ думать, нѣсколько сходныхъ разсказовъ о нападеніи разбойниковъ (собственно воровъ) на монастырь не представляютъ вовсе свидѣтельствъ развращенія низшаго класса общества или его враждебнаго отношенія къ монашеству, такъ какъ всѣ эти разсказы, какъ мы доказали выше, представляютъ варьянты подобныхъ же разсказовъ византійскихъ агіобіографовъ.

Таковы были отношенія мірскихъ людей къ знаменитымъ уже подвижникамъ печерскимъ, покрайнѣй мѣрѣ такъ ихъ рисуетъ преподобный Несторъ. По всей вѣроятности, монахъ біографъ не относился безпристрастно къ лицамъ имъ описываемымъ; но мы здѣсь не беремъ на себя труда провѣрять на сколько вѣрны представленныя имъ отношенія, для насъ вполнѣ достаточно прослѣдить, какъ изображали ихъ авторы.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію второй составной части Печерскаго Патерика. Выше[2]) мы уже сопоставили послѣсловія Житія Θеодосія и статьи: „Что ради прозвася печерскіи монастырь", иногда приписываемой также Нестору, въ доказательство того, что статьи эти не могутъ принадлежать одному автору; для подтвержде-

---

[1]) Опытъ истор. обозр. рус. словес., стр. 250.
[2]) См. стр. 29.

нія этой мысли представимъ здѣсь еще нѣсколько такихъ противорѣчій. Въ житіи преподобнаго Ѳеодосія Несторъ говоритъ о введеніи студійскаго устава въ своей обители: „По сихъ же пакы посла (Ѳеодосій) единаго отъ братіи въ Констаньтинъ градъ къ Ефрему скопьцу, да весь уставъ студійскаго монастыря исписавъ пришлетъ ему. Онъ же преподобнаго отца нашего Ѳеодосія повелѣнная ту абіе створи, и весь уставъ монастырьскіи списавъ посла къ нему, и его же пріимъ отець нашъ Ѳеодосии повелѣ честь предъ братіею и оттоле начатъ въ своемъ монастыри вся творити по уставу святаго монастыря студійскаго, яко же и до нынѣ есть ученикомъ его сице свершающимъ."[1]) Между тѣмъ какъ о введеніи устава авторъ разбираемой статьи говоритъ совершенно иначе: „И нача (Ѳеодосій) искати правила чернеческаго и обрѣтеся тогда Михаилъ старецъ монастыря студійскаго, иже бѣ пришелъ изъ Грекъ съ митрополитомъ Георгіемъ, и начатъ у него искати устава старець студійскихъ, и обрѣтъ у него, и исписа, и устави въ монастыри своемъ: Како пѣти пѣніа монастырская и поклоны како дръжати, и чтенія почита и, и стояніе въ церкви, и весь рядъ церковный и на трапези сѣданіе и что ясти въ кія дни, все съ уставленіемъ."[2]) Называя нѣсколько разъ князя Изяслава, нашъ авторъ не прибавляетъ тѣхъ лестныхъ эпитетовъ какъ Несторъ и хотя говоритъ: „Князь же Изяславъ сія (о устройствѣ монастыря) слышавъ, радъ бысть и посла къ нимъ болярина своего, дастъ имъ гору ту,"[3]) но чрезъ нѣсколько строкъ сообщаетъ слѣдующее извѣстіе: „Манастырю же съвершену, игоуменству Варлааму, князь же Изяславъ постави манастырь святаго Дмитріа и выведе Варлаама на игоуменство къ святому Дмитрію, хотя створити свои манастырь выше печерьскаго манастыря, надѣяся на богатство:"[4]) которое показываетъ, что Князю не совсѣмъ было пріятно возникновеніе независимаго отъ его власти учрежденія, пріобрѣтающаго большое вліяніе въ обществѣ.

---

[1]) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 21.
[2]) Ibid., стр. 55.
[3]) Ibid., стр. 54.
[4]) Ibid., стр. 55.

Статья: „что ради прозвася монастырь печерскій" составляетъ отдѣльное цѣлое, не имѣя органической связи съ начальной лѣтописью, [1]) и вмѣстѣ съ слѣдующею въ Патерикѣ: „О первыхъ черноризцахъ печерскихъ и нѣсколькими другими разсказами, несомнѣнно написанными въ печерскомъ монастырѣ, даетъ возможность предположить существованіе въ этомъ монастырѣ особенныхъ монастырскихъ лѣтописей, какъ это предполагаетъ Н. И. Костомаровъ. [2]) Весьма вѣроятно, что статьи эти представляютъ уже вторичную переработку простыхъ монастырскихъ замѣтокъ о братіяхъ и благодѣтеляхъ монастыря, существовавшихъ какъ на западѣ [3]) такъ и впослѣдствіи у насъ въ Московской Россіи [4]) Обычай вести поминанія усопшимъ монахамъ—монастырскія синодики въ печерскомъ монастырѣ существовали, какъ видно, издавна; епископъ Симонъ въ житіи Никона говоритъ: „Сіи убо Никонъ сухіи именуется въ поминаніи вашемъ [5])," а въ житіи Евстратія постника: „и сего ради протостраторъ зовется въ поминаніи вашемъ." [6]) Какъ видно, поминаніе это сохраняло не одни только имена усопшихъ монаховъ, но и нѣкоторыя ихъ характеристическія черты, покрайней мѣрѣ въ прозвищѣ. Эти поминанія могли служить весьма существеннымъ источникомъ для составителей монастырскихъ лѣтописей. Извѣстія о первыхъ черноризцахъ печерскихъ, статьи, подъ этимъ заглавіемъ помѣщаемой въ Печерскомъ Патерикѣ, весьма кратки, за исключеніемъ разсказа объ Исакіи печерскомъ, и по объему и по содержанію напоминающимъ другія житія нашего Патерика Общая характеристика первыхъ черноризцевъ—есть одно изъ весьма часто повторяющих-

---

[1]) См. Бестужева-Рюмина: О составѣ русскихъ лѣтописей до XIV в. Лѣтопись занятій археографической коммиссіи в. IV, стр. 8 и слѣд.

[2]) Лекціи по русской исторіи пр. Н. Костомарова. Спб. 1861, стр. 22, 23, 35 и слѣд.

[3]) См. Zappert: Ueber Verbruenderungsbuecher u. Nekrologien im Mittelalter. Sitzungsberichte der Wiener akademie philos. hist. klasse. 1853, т. 10 и 11.

[4]) См. Некрасова зарожденіе національной литературы и пр., стр. 32 и слѣд.

[5]) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 97.

[6]) Ibid., стр. 94.

ся общихъ мѣстъ различныхъ сборниковъ житій. Слѣдующій за этой характеристикой разсказъ о Дамьянѣ въ существенной своей части представляетъ повтореніе разсказаннаго о немъ уже въ житіи Θеодосія.[1]) О другомъ инокѣ Іереміи сказано еще меньше, указана его прозорливость по отношенію иноковъ, желающихъ оставить монастырь. Разсказъ о Матфеѣ сравнительно съ двумя предшествующими имѣетъ гораздо больше содержанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ содержаніе это, состоящее изъ разсказовъ о козняхъ діяволовъ есть только повтореніе византійскихъ разсказовъ. По нами принятому правилу приведемъ здѣсь эти разсказы вмѣстѣ съ ихъ византійскими образцами. „Единою же стоящу ему въ церкви на мѣстѣ своемъ, и възведъ очи свои, и позрѣ по братіи, иже стоятъ по обѣма странама поюще; и видѣ бѣса, обходяща въ образъ Ляха и в проползѣхъ носяща цвѣтки, иже глаголются лепки. И оходя подлѣ братію, взимали из лона цвѣтокъ и верзаше на кого любо: и аще к кому прилняше цвѣтокъ поющихъ отъ братіи, тои, мало постоявъ и разслабѣвъ сумомъ, вину себѣ притворивъ какову любо, и исхожаше изъ церкви, и шедъ спаше и не возвращашеся на пѣніе; аще ли верзаше на другаго и не прилняше к нему цвѣтокъ то, тъи крѣпко стояше в пѣніи своемъ, дондеже отпояху утренію, тогда пояху кождо в кѣліа своя обычаи."[2]) Въ описаніи живописнаго изображенія Страшнаго Суда, по двумъ рукописнымъ подлинникамъ графа С. Г. Строгонова изложеннаго проф. Θ. Буслаевымъ, находимъ: „Да бѣсъ весь мохнатъ носитъ въ рукѣ цвѣтки красные и кидаетъ на людей: къ кому цвѣтокъ прильнетъ и тотъ стоя на молитвѣ, не слушаетъ пѣнія и чтенія на сонъ склоняется и пустошное молвитъ. А который человѣкъ, молитву къ Богу возноситъ съ прилежаніемъ, стоя въ церкви или гдѣ въ другомъ мѣстѣ и Бога призываетъ и къ тому человѣку цвѣты не прилипаютъ."[3]) Недостойные монаха поступки обыкновенно въ житіяхъ приписываются хитростямъ лукаваго бѣса, приведенные разсказы представляютъ толь-

[1]) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 24.
[2]) Ibid., стр. 78.
[3]) Буслаевъ: Истор. очер. рус. народ. слов. и проч., т. II, стр. 136.

ко образное изображеніе этой мысли, совершенно соотвѣтствующее слѣдующему разсказу одного Скитскаго Патерика: „Когда авва (Аполлосъ) кончилъ молитву, видитъ эѳіопа, стоящаго близъ кельи и пущающаго стрѣлы на старца. Будучи уязвленъ ими, старецъ тотчасъ какъбы отъ упоенія началъ колебаться туда и сюда, и немогши терпѣть пошелъ въ міръ....“[1]) У Іоанна Мосха въ Лугѣ Духовномъ разсказывается объ аввѣ Иринеѣ: „Авва Ириней разсказывалъ намъ, что нѣкоторый старецъ въ скитѣ видѣлъ, какъ дьяволъ раздавалъ братіи кошельки (σκαλιδα). Онъ спросилъ, что это значитъ? Дьяволъ отвѣчалъ: развлеченіе доставляю братіи, чтобы сдѣлать ихъ не столько тщательными къ славословію Бога.“[2]) Эти козни, хитрости бѣсовъ на прельщеніе иноковъ въ христіанской агіобіографіи представляютъ для историка литературы наибольшій интересъ, такъ какъ въ нихъ по преимуществу выражается личное творчество автора, его остроуміе, мало по малу низведшее страшнаго для людей злаго духа до шута средневѣковой мистеріи и народныхъ книгъ.[3]) Въ бросаніи дьяволомъ на людей снотворнаго зелія или цвѣтка можно предполагать общеарійское народное повѣріе, до сихъ поръ сохранившееся въ Малороссіи. Въ одной колыбельной пѣснѣ поется:

Ой спи дитя до обида
Покиль маты з миста прійде
Да прінесе три квиточкы
Ой первую зрослывую
А другую *сонлівую*
А третюю щаслівую.,..[4])

Подобное же повѣріе существовало и у Германцевъ.[5]) Второе видѣніе Матфея.

---

[1]) Древній Патерикъ излож. по главамъ, стр. 84 и слѣд.

[2]) Лугъ Духовный, стр. 53 (русскій переводъ. У Котельера пропущены гл. 52—55).

[3]) Объ этихъ козняхъ дьявола см. G. Roskoff Geschichte des Teufel's, т. II, стр. 148—205 и Menzel's Christliche Symbolik, т. II, стр. 463—478.

[4]) Метлинскій: Народныя южнорусскія пѣсни Кв. 1854, стр. 1.

[5]) Grimm. Deutsche Mythologie, т. II, стр. 1155 (Schlafdorn).

„Единою же идущу ему, и сѣдѣ подъ клепаломъ, хотя опочинуть, бѣ бо келіа подале отъ церкви, видѣ се аки толпа велика идяше отъ вратъ, и възведъ очи свои, и видѣ единого бѣса, сѣдяща на свиніи, а другая около его текуща. И рече имъ старецъ: камо идете; и рече бѣсъ, сѣдяи на свиніи: по Михаля по Тоболковичя. Старецъ же, знаменася крестомъ, идѣ въ келію свою; и яко же бысть свѣтъ, и разумѣ старець видѣніе и рече ученику своему: иди, въпрашаи, есть ли Михаль въ келіи? и рече ему: нѣсть, изыдѣ по заутреніи за ограду монастырскую." Свинья въ легендарной литературѣ Запада была однимъ изъ самыхъ употребительнѣйшихъ символовъ дьявола. Основаніемъ этому символу послужило Евангельское повѣствованіе о бѣсахъ по повелѣнію Спасителя, оставившихъ двухъ бѣсноватыхъ и вселившихся въ стадо свиней (Матѳ. гл. VII, ст. 28 и слѣд.)[1]) Въ Собесѣдованіи Григорія Великаго изображается бѣсъ, ревущій какъ левъ, шипящій какъ змѣя, кричащій какъ оселъ и хрюкающій какъ свинья."[2])

Еще хитрѣе козни дьявола претерпѣлъ инокъ Исакій: „Единою же, по обычаю наставшу вечеру, нача поклонятися, поя псалмы, да иже до полунощи, и яко утруднея, сѣде на сѣдалѣ своемъ. Сѣдящу же ему, по обычаю свѣщу погасившу, и се внезапу свѣтъ въсія въ печерѣ, яко отъ солнца, яко и зракъ человѣку отымати; и поидоста къ нему два юноша прекрасни и блистастася лица ею, акы солнце, и рѣша ему: Исакіе, вѣ есвѣ ангела, а се идетъ къ тебѣ Христосъ съ ангелы. И въставъ Исакіи, и видѣ толпу бѣсовъ и лица ихъ паче солнца, единъ же посредѣ ихъ сіаше паче всѣхъ и отъ лица его луча исхожаху; и глаголаста ему: Исакіе, се есть Христосъ, подъ поклонися ему! Исакыи же не разумѣ бѣсовскаго дѣйства, ни памяти имѣ прекреститися, исшедъ изъ келіа, поклонися акы Христу бѣсовскому дѣйству. Бѣси же кликнуша, и рѣша: нашь еси, Исакіе! введоша его въ келіа и посадиша и, начаша садитеся около его, и бысть полна келіа бѣсовъ и улица печерская. И рече

---

[1]) Alf. Maury Essai sur les legendes etc., стр. 168 и слѣд.
[2]) Dialogus, lib. III, cap. 3.

единъ отъ бѣсовъ, глаголемыи Христосъ: възмете сопѣли и бубны и гусли, и ударяйте, а Исакіи намъ спляшетъ! И удариша въ сопѣли и въ гусли и въ бубны, и начаша имъ играти; и, утомивше его, оле жива суща, и отыдоша поругавшеся ему."[1]) Разсказы о явленіи дьяволовъ въ свѣтломъ ангельскомъ одѣяніи весьма схожіе съ приведеннымъ, встрѣчаются нерѣдко въ Патерикахъ.

Въ Лавсаикѣ Палладія о Валентѣ разсказывается слѣдующее: „Убѣдившись, что Валентъ совершенно введенъ имъ въ обманъ (раньше разсказывалось что дьяволъ творилъ чудеса по повелѣнію этого монаха, чѣмъ заставилъ послѣдняго предаться гордости), дьяволъ принимаетъ на себя видъ Спасителя, и ночью приходитъ къ нему, окруженный тысячами ангеловъ съ зажженными свѣтильниками. Вдругъ появляется огненный кругъ, и въ срединѣ его Валентъ видитъ какъ бы Спасителя. Одинъ изъ демоновъ, въ образѣ Ангела подходитъ къ нему и говоритъ: ты угодилъ Христу своими подвигами и праведною жизнію и онъ пришелъ видѣть тебя. И такъ ничего другаго не дѣлай, и только стань вдали и увидѣвъ его, стоящаго среди своего сонма, пади и поклонись ему. Валентъ вышелъ и, увидѣвъ множество духовъ со свѣтильниками на разстояніи около стадіи, палъ и поклонился антихристу.."[2]) Въ скитскихъ Патерикахъ находится также нѣсколько подобныхъ разсказовъ. Напр.: „Нѣкоему изъ братьевъ явился діаволъ, преобразившись въ ангела свѣта и говоритъ ему: я архангелъ Гавріилъ и посланъ къ тебѣ...."[3]) Или: „Разсказывали о нѣкоемъ старцѣ, когда онъ сидѣлъ въ кельѣ своей и подвизался, то ясно увидѣлъ демоновъ и посмотрѣлъ на нихъ съ презрѣніемъ. Когда же діаволъ увидѣлъ себя уничиженнымъ отъ старца, то пришедши объявилъ о себѣ, говоря: я Христосъ! Старецъ, увидѣвши его, закрылъ глаза свои. Діаволъ же сказалъ ему: зачѣмъ ты закрылъ глаза свои, я Христосъ! Старецъ сказалъ въ отвѣтъ: я здѣсь не хочу видѣть Христа. И дьяволъ услышавши сіе, сталъ невидимъ."[4]) Въ нашемъ разсказѣ прибавлено сравнительно съ раз-

---

[1]) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 79 и слѣд.
[2]) Historia Lausiaca, стр. 1090 и слѣд.
[3]) Древній Патерикъ изложенный по главамъ, стр. 346.
[4]) Ibid., стр. 347.

сказами Скитскаго Патерика истязаніе монаха посредствомъ пляса. Извѣстно какъ враждебно относились первые русскіе проповѣдники къ народнымъ увеселеніямъ—сему „бѣсовскому сказанію, кричанію и пищанію" какъ самое сильное поруганіе монаху, бѣсы заставляютъ его предаться пляскѣ строго осужденной и у мірскихъ людей Мы склонны въ этой прибавкѣ видѣть оригинальную прибавку русскаго монаха, выражающую вообще извѣстный уже взглядъ духовенства на старые языческіе обычаи народа.

Проф. Буслаевъ [1]) указалъ уже на сходство съ разсказомъ Скитскаго Патерика чуда Онисифора, которое въ сущности представляетъ почти повтореніе слѣдующаго чуда Исакія: „Въ едину же нощь, вжегъ пещь в кѣліи в печерѣ, и яко разгорѣся пещь, бѣ бо утла — и нача пламень исходити горѣ оутлизнами, оному же ничѣмъ скважны покрыти имущу, и въступи босыма ногама на пламень, донелѣ изгорѣ пещь, и сниде ничимже врежень. И ина многа повѣдаху о немъ, а иное самъ видѣхъ." [2]) Въ свою очередь представляющимъ варьянтъ разсказу Іоанна Мосха объ аввѣ Георгіи: Св. отецъ нашъ авва Георгій, архимандритъ монастыря св. отца нашего Θеодосія, града Христа Бога нашего, что въ пустынѣ, разсказывалъ намъ мнѣ и брату Софронію софисту, слѣдующее: Со мною жилъ здѣсь братъ, Георгій Каппадокіянинъ, который былъ на служеніи въ Фазалидѣ. Въ одинъ день, когда братья дѣлали хлѣбы, братъ Георгій топилъ печку. Истопивши печь, не нашелъ, чѣмъ вымести ее такъ какъ братья спрятали помело, желая испытать его. Братъ, влѣзши въ печь, вымелъ ее своею одеждою и вышелъ изъ огня невредимъ. Услышавъ объ этомъ, я сдѣлалъ выговоръ братьямъ, что они до того довели брата." [3]) Совершенно другимъ характеромъ отличается слѣдующая сцена, по видимому съ фотографическою точностью срисованная съ натуры: „Единъ же поваръ, — тако же бѣ именемъ тѣмъ же Исакіи, рече посмѣхался: Исакіе, оно, сѣдитъ вранъ чернъ, иди и ими его! Онъ же поклонися до земля и шедъ

---

1) Истор. Очер. Нар. Словесности, т. II, стр. 53 и слѣд.
2) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 82.
3) Pratum spirituale, стр. 389.

ятъ врана и принесе предъ всѣми повары." [1]) Изъ этой сцены видно, что Исакій не возбуждалъ ни малѣйшаго уваженія въ братіи, считавшей его глупымъ человѣкомъ, а не юродивымъ, какимъ онъ „ся творилъ."— Общеизвѣстная насмѣшка „пойди поймай ворону" употребляется обыкновенно въ обращеніи къ недалекимъ людямъ. Весьма также характерестиченъ одинъ изъ видовъ юродства преподобнаго Исакія:..... „и нача (Исакій) събирати к себѣ уныхъ отъ мирскіа чади и покладаше на нихъ чернеческіа порты, да ово отъ игумена Никона раны пріимаше, иногда же отъ родителеи дѣтеи тѣхъ; блаженыи все то тръпяше, примаше раны, и наготу, и студень и нощь." [2]) Исакій, какъ видно, полагалъ, что достаточно возложить чернеческія ризы хотя бы на ребенка, чтобъ сдѣлать его, если не тотъ часъ же монахомъ по сознанію, то все таки считалъ обязательнымъ для ребенка монашескую жизнь впослѣдствіи; также смотрѣли на возложеніе монашеской одежды игуменъ Никонъ и родители дѣтей, мірскіе люди, иначе, если бы они не предавали значенія этому факту не было бы причины раздражаться до того, чтобы колотить юродиваго монаха. Какъ видно игуменъ Никонъ въ управленіи монастыремъ нисколько не походилъ на Ѳеодосія, покрайней мѣрѣ не заслужилъ ни малѣйшаго сочувствія въ авторѣ статей „Что ради прозвася монастырь печерскій" и „О первыхъ инокахъ печерскихъ" Кромѣ только что приведеннаго свидѣтельства о томъ, что онъ билъ своихъ иноковъ, въ многихъ редакціяхъ Печерскаго Патерика [3]) и въ лѣтописи помѣщено слѣдующее мѣсто: „Единою ему (Матфею) стоящу на утрени, возведъ очи, хотя видѣти игумена Никона и видѣ осла на игумени мѣстѣ и разумѣ, яко не усталъ есть игуменъ." [4]) Такимъ образомъ игуменъ Никонъ является жестокимъ человѣкомъ и мало ревностнымъ къ божественной службѣ, ни мало не напоминающимъ кроткаго Ѳеодосія, всегда первымъ являвшагося на богослуженіе. Отношеніе княжеской власти къ монастырю

---

[1]) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 81.
[2]) Ibid., стр. 87 и слѣд.
[3]) Кромѣ обѣихъ Касьяновскихъ.
[4]) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 78 (въ варьянтахъ).

въ разбираемыхъ теперь статьяхъ, совершенно тоже какъ и въ житіи Θеодосія. Изяславъ опять является весьма недружелюбнымъ преподобному Антонію: „Въ тыи же день приключися Изяславу пріити изъ Ляховъ, и нача гнѣватись Изяславъ на Антонія за Всеслава." [1]) Извѣстно, что Кіевляне послѣ бѣгства Изяслава, освободили заключеннаго послѣднимъ въ тюрьму полоцкаго князя Всеслава и возвели его на великокняжескій престолъ. Съ другой стороны Святославъ, въ то время князь Черниговскій покровительствуетъ преподобному Антонію: „и присла Святославъ изъ Чернигова, въ нощи поя Антоніа. Антоніи же пришедъ къ Чернигову, и възлюби мѣсто нарчаемое Болдины горы ископавъ печеру и вселися ту, есть ту монастырь святыя Богородица на Болдиныхъ горахъ и до нынѣ близь Чернигова." [2]) Къ сожалѣнію мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній объ отношеніи преподобнаго Антонія къ Всеславу, хотя зная изъ житія Θеодосія, что иноки иногда принимали участіе въ общественныхъ дѣлахъ напр. „Тогда же великіи Никонъ умершу Ростиславу, князю острова того, умоленъ бысть отъ людеи тѣхъ пріиде къ Святославу князю молити и, да пуститъ имъ своего сына, да сядетъ на столѣ томъ;" [3]) имѣемъ основаніе предположить, что Антоній также принималъ участіе въ возведеніи Всеслава на великокняжескій престолъ или покрайней мѣрѣ признавалъ Всеслава законнымъ княземъ, чѣмъ еще болѣе увеличилъ къ себѣ нерасположеніе подозрительнаго Изяслава. Надобно при этомъ замѣтить, что если предположеніе наше вѣрно, то Антоній является только сторонникомъ вѣча, признающимъ за нимъ право избранія себѣ князя.

Нашъ авторъ рисуетъ намъ въ своемъ сочиненіи Изяслава еще съ болѣе деспотическими чертами характера чѣмъ Несторъ: „Монастырю же съвершену, игуменству Варлааму, князь же Изяславъ постави монастырь святаго Дмитріа и выведе Варлаама на игуменство къ святому Дмитрію, хотя створити свои монастырь выше печерьскаго монастыря, надѣяся на богатство. Мнози бо монастыреве

---

1) Ibid., стр. 80.
2) Ibid.
3) Ibid., стр. 28.

отъ цареи, и отъ бояръ, и отъ богатства поставлени, но не суть таки, якови же поставлени слезами и пощеніемъ и бдѣніемъ: Антоніи бо не имѣ злата, но стяжа слезами и пощеніемъ."[1]) Изяславу хотѣлось, по мнѣнію автора, сдѣлать свой монастырь выше печерскаго—одно уже это показываетъ въ немъ человѣка далеко не столь истинно религіознаго, или „тепла на вѣру", какъ его называетъ преподобный Несторъ, ему, вѣроятно, не очень нравилась та доля независимости дѣйствій, которую изрѣдка выказывали иноки печерскіе, а онъ хотѣлъ полнаго себѣ подчиненія и исключительнаго признанія своей воли.

Данныхъ, выясняющихъ отношенія монаховъ къ другимъ сословіямъ кромѣ князей, разбираемыя статьи не представляютъ вовсе, за исключеніемъ приведеннаго выше мѣста о ранахъ получаемыхъ Исакіемъ отъ родителей дѣтей, на которыхъ онъ возлагалъ чернеческія ризы, показывающаго, что новообращенное общество не высказывало ни малѣйшаго уваженія къ инокамъ, когда видѣло въ ихъ дѣйствіяхъ что либо противорѣчащее его интересамъ.

Третья статья Патерика Печерскаго, посланіе епископа Симона къ Поликарпу во многихъ отношеніяхъ представляетъ отличіе отъ двухъ первыхъ. Сочиненіе это не предназначалось для публики и есть только одно изъ писемъ частнаго характера, если можно такъ выразиться; поэтому самому оно для насъ представляетъ бо̀льшій интересъ, вводя насъ въ обыденную жизнь представителей духовенства XIII вѣка. Авторъ посланія въ лѣтописяхъ называется „учительнымъ и милостивымъ". Значительная начитанность его весьма явственно видна во всемъ сочиненіи: онъ приводитъ мѣста или ссылается не только на книги Ветхаго [2]) и Новаго Завѣта [3]), но и на Патерики,[4]) Іоанна Лѣствичника [5]), Житіе преподобнаго Анто-

---

[1]) Ibid., стр, 75.
[2]) Ibid., стр. 87, 103, 406.
[3]) Ibid., стр. 86.
[4]) Ibid., стр. 87, 107.
[5]) Ibid., стр. 105.

нія [1]) и стараго лѣтописца Ростовскаго [2]) и др. Личныя качества нашего автора обратили на него вниманіе нѣкоторыхъ князей, съ которыми онъ находился въ близкихъ сношеніяхъ, такъ онъ самъ упоминаетъ, что князь Георгій хотѣлъ поставить Поликарпа вторымъ епископомъ „Владиміру и Суздалю, но *азъ ему възбраних*ъ" [3]) и что княгиня Верхуслава, желая поставить того же Поликарпа на одну изъ имѣющихся вакантныхъ епископскихъ каѳедръ, писала къ нему испрашивая его совѣта, говоря ему при этомъ „аще ми и до 100 сребра расточити тебѣ ради и Поликарпа. [4])

Посланіе Симона есть собственно отвѣтъ Поликарпу на его письмо, въ которомъ послѣдній выказалъ Симону черты характера и поведеніе недостойныя монаха. О самомъ письмѣ Поликарпа мы можемъ судить только по тѣмъ незначительнымъ ссылкамъ, которыя приводитъ Симонъ, но этого уже достаточно, чтобы составить о немъ понятіе. Основное обвиненіе его Поликарпу выражается въ словахъ: „ты уже не чернечески живеши и велика страмота обдержитъ мне тебе ради." Это не чернеческое поведеніе далѣе объясняется такъ: Поликарпъ не слѣдовалъ наставленію „работаите Господеви съ страхомъ и съ всякою смиреною мудростью, да не день кротокъ, утро яръ и золъ; в малѣ молчаніе и пакы роптаніе на игумена и на того служебникы," такимъ образомъ явно высказывалъ свое неудовольствіе управленіемъ игумена и хотѣлъ оставить монастырь печерскій. „А еже вписалъ ми," продолжаетъ Симонъ, „еси досаду свою, лютѣ тебѣ, погубилъ еси душу свою! Въспрошаю же тя, чимъ хощешись спастись, аще и постникъ, или трезвитель о всемъ и нищь, и безъ сна пребывая, а досаженія не терпя не узрити спасенія." [5]) Досаженіе, которое терпѣлъ Поликарпъ, происходило отъ него самаго, онъ былъ недоволенъ монастырской пищей и позволялъ себѣ высказывать это неудовольствіе: „Хощеши же часто ис-

---

[1]) Ibid., стр. 90, 99.
[2]) Ibid., стр. 90.
[3]) Ibid., стр. 89.
[4]) Ibid.
[5]) Ibid., стр. 88.

ходити съ кѣлія въ кѣлію, и ту сваживати брата съ братомъ, глаголя неполезная или мнитъ собѣ, рече, сіи игуменъ и сіи икономъ, яко здѣ токмо Богу угодити, индѣ же възможно спастися, а нами что не разумѣють? Сія діавольская наученія, си тощныхъ тебѣ изящества." [1]) Въ примѣръ Поликарпу Симонъ приводитъ отрывокъ изъ какого то Патерика: „Ты же, брате, не днесь похваляя лежащихъ на трапези и оутро на варящаго и на служащаго брата ропщеши, и симъ старѣйшинѣ пакость твориши, и обрящеши мотылу ядѣи, якоже в Патерицѣ писано. Егда яси или пиеши благо, хвали Бога, егда бо видѣ онъ старець хулящихъ брашна мотылу ядущихъ, хвалящихъ медъ ядоуща, яко же бо провидѣ тои же старець различная брашна. И не хули келаря, ибо исчезновеніе себѣ творить хуляи аще оубо ясте или піете, все в славу Божію творите." [2]) И ссылается на самаго себя: „Аще ли же толикъ съборъ боле ста братіи съберется, то коль паче вѣруи, яко ту есть Богъ нашъ, и отъ того божественнаго огня тѣхъ обѣдъ створяется, егоже азъ желаю единыя кроупици паче всего соущаго, иже предо мною обѣда свидѣтел ми есть о томъ Христосъ, ничему же быхъ не причастился иному брашну, развѣ оукруха хлѣба и сочиву, оустроенаго на святую ту братію." [3]).

Особенно сильно укоряетъ Симонъ Поликарпа за то, что послѣдній оставлялъ Печерскій монастырь: „Довольно же ти боуди, брате, твоего круподушія створеное дѣло; тѣм же ти плакатися подобаетъ, да прощенъ будеши, яко оставилъ еси святый честный монастырь печерскіи и святыхъ отецъ Антоніа и Ѳеодосіа и святыхъ черноризецъ, иже с ними, и ялся еси игоуменити у святую безмѣздницу Козмы и Дамьяна" [4]) и опять собирался оставить его: „Попустилъ же еще твоеи волѣ быти, а не игумени, въсхотѣлъ еси паки игумениги у святаго Дмитріа, а не быти принудилъ игуменъ, и князь и азъ". [5]) При этомъ Симонъ высказываетъ весьма сильную привязанность къ Печерскому монастырю. Изъ него вы-

---

[1]) Ibid., стр. 89 и слѣд.
[2]) Ibid., стр. 87.
[3]) Ibid., стр. 86.
[4]) Ibid., стр. 87 и слѣд.

шли многіе епископы, ,,якоже отъ самаго Христа Бога нашего апостолы въ всю вселенную посланы быша". Перечисливъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и сославшись на стараго лѣтописца Ростовскаго, въ которомъ ихъ можно найти до пятидесяти: ,,Разумѣй, брате, продолжаетъ онъ, колика слава и честь монастыря того и стыдивсѧ покаися, и изволи си тихо и безмятежно житіе, к немуже Господь призывалъ тя есть. Азъ быхъ радъ оставилъ свою епископью и работалъ игумену, но вѣси кая вещь обдержитъ мя.... и кто не вѣсть мене грѣшнаго епископа и сія соборныя церкви красоты Влодимерскія и другія Суздальскія церкви, юже самъ създахъ. Колико имѣета градовъ и селъ и десятину собираютъ по всеи земли тои, а тѣмъ всѣмъ владѣетъ наша худость. Си вѣсть, глаголю тебѣ, яко всю сію славу и честь, яко калъ вънѣнилъ быхъ, и аще бы ми сметіемъ валятис в печерскомъ монастыри и попираему быти человѣкы, или единому быти отъ убогихъ предъ враты честныя лавры и створити ся просителю, то лучше бы ми временныя сея чести единъ день в дому Божія Матери, паче тысящи лѣтъ и в неи изволилъ быхъ пребывати, паче нежели жити ми в селѣхъ грѣшничихъ, в вѣкы аминь."[1]) Но впечатлѣніе этой привязанности Симона къ его обители въ значительной степени ослабляется слѣдующимъ непосредственно за этимъ мѣстомъ, разсказомъ: ,,Что ради имѣти тщаніе и любовь къ святому Антонію и Ѳеодосію отцѣмъ печерскимъ," слышанномъ Симономъ ,,отъ самовидецъ", слѣдующаго содержанія: Во время игуменства Пименова былъ въ монастырѣ достойный инокъ Онисифоръ, у котораго былъ духовнымъ сыномъ черноризецъ, совершенно другаго характера ,,постникъ ся являа лъжеюи цѣломудръ ся своря, встаинѣ же ядыи и піа и скверно живыи, препроводи лѣты своя," такъ что этого никто не зналъ. Однажды, будучи совершенно здоровымъ, инокъ этотъ неожиданно умеръ, и отъ тѣла его исходилъ такой смрадъ, что къ нему не возможно было приблизиться, такъ что отпѣваніе его творили, ,,ставше издалеча, нѣціи же заемши ноздри свои." По отпѣваніи покойника положили въ пецерѣ ,,и толми въ смердѣся, яко и безсловеснымъ

[1]) Ibid., стр. 90 и слѣд.

бѣгати тоя пещеры." ,,И явися святыи Антоніи презвитеру Онисифору съ прещеніемъ глаголя: почто се створилъ еси таковаго скверпаго, и нечистаго, и беззаконнаго и многогрѣшнаго здѣ положилъ еси, яко же таковъ не бысть положенъ, гдѣ никто же и осквернилъ мѣсто сіе." Пробудившись Онисифоръ сталъ молить Бога: ,,что ради скрылъ еси отъ мене дѣла человѣка сего" на что явившійся Ангелъ отвѣчалъ: ,,на показаніе всѣмъ съгрѣшающимъ и не кающимся бысть се, да вѣдѣвше покаются." На другую ночь опять Онисофоръ видитъ въ снѣ Антонія, который повелѣваетъ ему: ,,изверзи, рече, его вънъ вскорѣ на снѣдѣніе псомъ, недостоенъ бо есть пребыванія здѣ. Съвѣтъ же сътворше съ игуменомъ, да нужею приведутъ нѣкія и извлекутъ и вонъ, и в воду ввергнутъ." Но чрезъ нѣсколько времени снова явился Онисифору преподобный Антоній, говоря: ,,съмили ми ся душа брата сего, понеже не могу приступити обѣта моего понеже къ вамъ обѣщахся, яко всякъ, положеныи здѣ, помилованъ будетъ, аще и грѣшенъ есть, не суть бо хужши, иже съ мною здѣ въ печерѣ отци, бывшихъ прежде закона и по закону угодившихъ Богу; молихъ ся до Господу Богу моему и пречистои его матери, да ни единъ отъ сего монастыря осуженъ будетъ въ муку, Господь же рече ми: яко слышати ми гласа его: азъ же есмь, рекіи Аврааму, двадесяти ради праведникъ не погублю града сего, то колми паче, тебѣ ради и иже сущихъ съ тобою помилую и спасу грѣшника аще здѣ постигнетъ умерети и въ покои будеть. Сія же слышавъ, Онцифоръ отъ святаго, вся видѣніа слышанна възвести игумену, и всеи братіи, отъ нихъ же азъ застахъ единого, иже исповѣда ми вещь сію о тѣхъ первыхъ святыхъ черноризецъ. Пименъ же игуменъ въ мнозѣ недоумѣніи бывъ о страшнѣи сеи вещи, и съ слезами моляше Бога о спасеніи души братни и бысть ему явленіе нѣкое отъ Бога, тако глаголяще: понеже здѣ мнози грѣшніи сущи положены быша и всѣ прощени быша, ради угодившихъ ми святыхъ, иже въ печерѣ, и сего же окаяннаго душу помиловахъ, Антоніа ради и Ѳеодосію рабу мою и сущихъ съ нима святыхъ черноризецъ молитвою, и се ти знаменіе буди, измѣненіе смрада бо на благовоніе преложися. И, сіе, услышавъ игуменъ, радости исполнися, и съзвавъ всю братію, и сказа имъ явленіе, и иде съ нима къ печерѣ видѣти быв-

шаго и обоняша вси благоуханіе отъ тѣлеси его, злосмрадіе же и вопль никако же слышашеся и вси, насладившеся доброволія, прославиша Бога и святыя его угодникы Антоніа и Өеодосіа о спасеніи братни; и сего ради азъ грѣшный епископъ Симонъ тужу, и скорблю; и плачуся и желаю тамо ми скончаніа, да быхъ точію положенъ былъ въ Божественнои тои персти и малу отраду пріалъ быхъ многыхъ ми грѣховъ, молитвъ ради святыхъ отецъ, о Христѣ Іисусѣ, о Господѣ нашемъ ему же слава нынѣ."[1]) Собственно разсказъ, приводимый епископомъ Симономъ не оригиналенъ и весьма напоминаетъ слѣдующій изъ Собесѣдованія Григорія Великаго о патриціи Валерьянѣ: „Валеріанъ до самой смерти своей велъ разгульную и разсѣянную жизнь и не заботился объ очищеніи отъ своихъ грѣховъ. Въ самую ночь погребенія его блаженный мученикъ Фавстинъ, въ церкви котораго было погребено его тѣло, явился церковному сторожу и сказалъ: иди и скажи епископу, чтобы онъ выбросилъ смрадное тѣло, которое здѣсь положилъ; если же не сдѣлаетъ этого, самъ умретъ въ тридцатый день. Сторожъ побоялся сказать епископу объ этомъ видѣніи, даже и послѣ вторичнаго напоминанія. Въ тридцатый же день епископъ совершенно здоровый и невредимый, легши вечеромъ въ постель, пораженъ былъ внезапною смертью."[2]) Но разсказъ этотъ для насъ не составляетъ главнаго въ этой статьѣ, мы обращаемъ вниманіе на весьма ясно высказанное епископомъ Симономъ заключеніе, выведенное изъ разсказа о томъ, что всякій погребенный въ печерскомъ монастырѣ, будетъ въ царствіи небесномъ—и этимъ обстоятельствомъ Симонъ какъ бы желаетъ объяснить свою привязанность къ печерскому монастырю. Убѣжденіе въ важности для спасенія души мѣста погребенія тѣла и именно благодѣтельнаго значенія въ этомъ отношеніи погребенія въ печерскомъ монастырѣ весьма явствуетъ изъ слѣдующаго мѣста „слова о създаніи церкви печерской" составляющаго заключеніе нашего посланія: „Симоновичъ же Георгии тысячьскыи ко многому подянию вдасть гривну шииную, въ неи же вѣса 100 гривенъ злата,

[1]) Ibid., стр. 91—93.
[2]) Dialogus, lib. 3., cap. 52.

написавъ тако: „се азъ, Георгии сынъ Симоновичь, рабъ святоѣ Богородицы и холопъ святого отца Θеодосія, благословенъ бывъ святою его руку, слышавъ изъ устъ его: прозри! и прозрѣхъ, болѣвъ 3 лѣта очима, не видѣвъ ни блеска солнечнаго, и словомъ его исцѣлѣ, пишю грамоту послѣднему роду своему, да никтоже отлученъ буди дому святѣи Богородици и святаго Θеодосія; аще же и въ послѣднее убожество кто придеть, не мога что дати, да въ церкви селъ тѣхъ положенъ будетъ, вездѣ бо молитва Θеодосиева заступаетъ."[1]) Въ концѣ XVI вѣка составитель второй Касьяновской редакціи слѣдующее къ этому прибавилъ патетическое мѣсто, еще рѣзче выражающее убѣжденіе, что для спасенія души достаточно быть погребеннымъ въ церкви печерсваго монастыря и совершенно справедливо признанное г. Кубаревымъ позднѣйшею вставкой:[2]) „Долженъ есмь похвалити прежде отшедшихъ благовѣрныхъ князій, и христолюбивыхъ боляръ и честныхъ мнихъ. Блаженъ и треблаженъ сподобивыйся въ той (т. е. Печерской церкви или обители) положенъ быти. Велики благодати и милости отъ Господа достоинъ бысть молитвами Святыя Богородица и всѣхъ святыхъ. Блаженъ воистину и треблаженъ сподобивыйся въ той написанъ быти, яко оставленіе грѣховъ пріиметъ и мзды небесныя непогрѣшитъ. Радуйтеся бо, рече, и веселитеся, яко имена ваша написала суть на небесѣхъ. Церкви бо си Богови любльши есть небеси, и Того Рождшія изволи сію содѣлати, яко же обѣщася въ Лахернѣ мастерамъ си, рекше: Иду видѣти церкве, въ ней же хощу жити. Добро убо и зѣло добро съ тою водворитися въ святей ея и божественней церкви. И какая славы я похвалы улучитъ положенный въ той, и написанъ въ не въ животныя книги, еже предъ тоя очима помпнаему были всегда. И еще вы, братіе, приложу слово на утверженіе ваше. Что сего злѣе, еже отъ таковаго свѣта отпасти и тму любити, и себе изметати отъ себя Богонареченныя церкве, еже оставити Богомъ созданную и искати человѣка сотворенныя отъ насилья и грабленія, еже та са-

---

1) Dialogus, lib. 3, стр. 116.

2) О редакціяхъ Патерика Печерскаго Чт. М. Об. Ист. Др. 1858 г., т. III, стр. 108.

ма вопіетъ на создавшаго ю. Се же Зижитель и хитрецъ и художникъ и творецъ, Богъ, иже огнемъ Божества своего попали вещы тлѣнныя, древеса же и горы, путь ровняя дому Матере своея, на преселеніе рабомъ своимъ."

Статьею „что ради имѣти тщаніе и любовь къ святымъ Антонію и Ѳедосію" заканчивается первая часть посланія Симона къ Поликарпу, имѣющая обличительно наставительный характеръ. Статья эта, какъ показано выше, очень часто въ спискахъ Печерскаго Патерика отдѣлялась отъ второй части посланія и ей исключительно присвоивалось заглавіе „Посланіе Симона." Но въ подтвержденіе своихъ обличеній и наставленій нашъ авторъ излагаетъ еще рядъ житій, въ началѣ и концѣ которыхъ весьма часто обращается къ Поликарпу съ своими наставленіями, не представляющими впрочемъ ничего ни для уясненія отношеній автора къ его корреспонденту ни для быта эпохи.

Самый совершенный видъ подвижничества есть мученичество и Симонъ начинаетъ свои разсказы изложеніемъ житій печерскихъ, угодниковъ, претерпѣвшихъ муки Христа ради. Первый изъ нихъ блаженный Евстратій постникъ была распятъ на крестѣ жидами въ Корсунѣ, куда былъ проданъ, попавшись въ плѣнъ. Согласно выводамъ Альфреда Мори, мы изложили выше общія характеристическія черты агіобіографовъ, изъ которыхъ наиболѣе распространенная—стремленіе этихъ писателей приближать изложеніе своихъ житій къ земной жизни Спасителя. Одинъ, впрочемъ рѣже встрѣчающійся, сходный фактъ это распятіе на крестѣ, и хотя по понятіямъ христіанъ мученичество считалось тѣмъ выше, чѣмъ оно ближе приближалось къ страстямъ христовымъ, подражанія и сходства по большей части весьма отдаленны [1]), такъ что житіе Евстратія постника представляетъ въ этомъ отношеніи довольно рѣдкій образецъ. Сходство съ Евангельскимъ разсказомъ замѣчено авторомъ въ самомъ житіи: „Наставшу дни воскресенія Христова, поруганіе створивъ святому Еустратію по писанному въ Евангеліи, иже сътвориша на Господа нашего Іисуса Христа, и поругашеся ему при-

---

[1]) См. Alf. Maury: Essai sur les legendes etc., стр. 23 и слѣд.

гвоздиша его къ кресту и благодаряше Господа на немъ и живъ бысть 15 дніи."[1]) Какъ бы для того, чтобы усилить это сходство къ поруганію и распятію прибавлена еще одна подробность: „Слышавше сіа (предсказаніе святымъ Евстратіемъ скораго возмездія жидамъ за пролитую кровь христіанъ), яко и распятъ сыи поноситъ ему, и веземъ копіе прободе его и тако предасть душу."[2]) Весьма трудно допустить возможность факта распятія христіанина въ христіанской странѣ, даже при томъ условіи, которымъ обставленъ онъ въ нашемъ житіи и нисколько не противорючащемъ исторіи. „Бысть убо сицева вещь, нѣкто отъ жидовъ крестися богатъ сыи и храбръ велми и сего ради пріатъ его царь. По малѣхъ же днехъ сотвори его епарха. Онъ же, получивъ санъ, втаинѣ бываетъ отмѣтникъ Христа и его вѣры, и даетъ дръзновеніе жидомъ по всей области греческаго царства, да коупятъ христіаны в работу себѣ. И обличенъ же бывъ нечестивыи сеи епархъ и оубьенъ бысть по словеси блаженнаго Евстратія, и тоу соущаа жиды, иже оземствоваше в Керсунѣ, имѣнія отъимше, того же жидовина, сдѣявшаго таковая, повѣсиша. Обратися болѣзнь на главу его и на верхъ его неправда сниде."[3].

Второй мученикъ изъ печерскаго монастыря, Никонъ сухой попалъ въ плѣнъ къ Половцамъ. Родственники его хотѣли выкупить изъ плѣна, но онъ самъ воспротивился этому, говоря: „никако же всуе истощите имѣнія вашего, аще бы хотѣлъ Господь свободна мя имѣти, не бы мя предалъ в руци беззаконнымъ симъ и лукавымъ паче всея земля. Узнавши это, господинъ его, приказалъ его страшно мучить; но святой, не смотря на терзаніе своего тѣла, не тѣрялъ бодрость духа и безпрестанно укорялъ Половцевъ, какъ Евстратій жидовъ, грозя имъ карой Божіей. Невидимо для другихъ предсталъ предъ нимъ св. Герасимъ, объявивъ ему „въ 3-й день имаши въ монастыри быти." Когда св. Никонъ сказалъ объ этомъ своему хозяину, послѣдній подозрѣвая, что онъ хочетъ бѣжать „подрѣза ему лыста." Но монахъ былъ перенесенъ таинственной силой въ печер-

---

1) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 94.
2) Ibid.
3) Ibid., стр. 95.

скій монастырь согласно своему предсказанію. Таинственное перенесеніе святыхъ изъ одной мѣстности въ другую въ житіяхъ попадается нерѣдко. Окончаніе житія также весьма обычное: Убѣдившись въ чудѣ, половчинъ мучившій Никона самъ постригается въ печерскомъ монастырѣ. О священномученикахъ Кукшѣ и Пименѣ говорится у Симона весьма кратко т. е. перечисляются только чудеса перваго и прибавляется, что въ тотъ же день скончался съ нимъ и Пименъ.

Затѣмъ слѣдуетъ житіе Аѳанасія затворника „иже умре и пакы въ другіи день оживе и пребысть лѣтъ 12. Житіе это знакомитъ насъ съ монастырскимъ бытомъ, представляя его дурную сторону, показывающую, что идеальное изображеніе монастырской жизни, часто весьма грѣшитъ противъ истины. Св. Аѳанасіи болѣвъ много умеръ; два брата „отерше тѣло его мертво, отидоста, увивше его, яко же подобаетъ мертваго; по прилучаю же пришедше нѣціи и видѣвшіе того умръша, отидоша. Пребысть же мертвыи весь день не погребенъ, бѣ убогъ зело, не имѣя ничтоже мира сего и сего ради не погребенъ бысть. Богатымъ же всякъ тщится послужити въ животѣ и при смерти, да наслѣдить что."[1]) Какъ видно, богатство и въ монастырѣ играло туже роль, какъ въ мірѣ; это обстоятельство вмѣстѣ съ другими подобными фактами показываетъ какъ далека была дѣйствительность отъ того идеальнаго изображенія монастырской жизни, которую мы видимъ въ житіи Ѳеодосія и въ статьѣ о первыхъ инокахъ печерскихъ. Но мы въ другомъ мѣстѣ еще возвратимся къ этому предмету... Послѣ того какъ Аѳанасій оставался два дни непогребеннымъ „въ нощи же явился нѣкто игумену глаголя: человѣкъ Божіи сеи два дни имать непогребенъ, ты же веселишася." Когда на другой день игуменъ со братіею пришли къ умершему увидѣли, что онъ воскресъ и сидить плача. Воскресеніе святыхъ въ европейской агіобіографіи эпизодъ весьма распространенный. Св. Рене[2]) получилъ названіе, отъ того что будучи семи лѣтъ умеръ и воскресъ т. е. родился второй разъ. Для характеристики

---

[1]) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 98.
[2]) См. Alf. Maury: Essai sur les legendes etc., стр. 59.

еп. Симона весьма важны слова, которыя онъ влагаетъ въ уста св. Аѳанасія. Когда удивившіеся братія спрашивала его: „како оживе или что видѣ. Сеи же не отвѣщеваше ничтоже точію: спасетеся. Они же моляхуся ему слышати что отъ него, да и мы, рече, пользуемся; и рече къ нимъ, аще вы рѣку не вѣруете ми; братія же къ нему съ клятвою рѣша, яко сохранимъ все, еже речети намъ; онъ же рече къ нимъ: имѣите послушаніе въ всемъ къ игумену и каитеся на всякъ часъ и молитися Господу Іисусу Христу и пречистой Его Матери, *да скончаете животъ свои здѣ и съ святыми отци погребени быти сподобитеся въ печерѣ, се бо боліи всѣхъ вещеи три сіа вещи суть.*"[1]) Сказавъ это, онъ удалился въ пещеру, заперъ за собою двери и такъ прожилъ еще двѣнадцать лѣтъ. Передъ своею смертью онъ собралъ всю братью „тоже имъ глаголаше, еже исперва, о послушаніи и о покаяніи, глаголя: *блаженъ есть, иже здѣ сподобиыхся положенъ быти*, и се рекъ, почи съ миромъ о Господѣ."[2]) Изъ этого житія ясно можно видѣть, что еп. Симонъ, при выборѣ своихъ разсказовъ руководствовался тѣмъ же убѣжденіемъ, какъ и въ первой части своего посланія. Признавая особенно важнымъ для спасенія души погребеніе въ печерскомъ монастырѣ, нашъ авторъ изложеніемъ житія св. Аѳанасія желаетъ дать подтвержденіе своимъ словамъ, поэтому разсказавъ это житіе онъ обращается къ Поликарпу между прочимъ съ слѣдующими словами: „съвѣтъ же даю благочестіемъ, — утвердися въ святомъ томъ монастырѣ печерскомъ не въсхоти власти игуменства, ни епископства и довлѣетъ ти къ спасенію еже скончати жизнь свою въ немъ."[3])

Житіе преподобнаго Николы Святоши, князя черниговскаго, еще болѣе предъидущаго житія убѣждаютъ насъ въ томъ, что монастырскій бытъ существенно отличался отъ того изображенія, которое мы видимъ въ первыхъ двухъ частяхъ Печерскаго Патерика. Одинъ изъ князей черниговскихъ Николай, попявъ тщету міра, постригся въ монахи въ печерскомъ монастырѣ. Самъ желалъ впол-

---

[1]) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 98 и слѣд.
[2]) Ibid., стр. 99.
[3]) Ibid., стр. 100.

нѣ подчиниться требованіямъ монастырскаго устава и „пребысть же въ поварнѣ три лѣта, работая на братію и своима рукома дрова сѣчаше на потребу сочиву; многажды же съ брега на своея раму носяше дрова; и его же едва остависта брата его Изяславъ и Володиміръ отъ таковаго дѣла."[1]) Такимъ образомъ постриженіе въ монахи не исключало до нѣкоторой степени привилегіи высокаго рожденія. Интересно также, что благочестивые князья Изяславъ и Владиміръ видѣли какъ бы уничиженіе своего рода въ тѣхъ тяжелыхъ физическихъ трудахъ, которые предпринималъ Никола въ качествѣ монастырскаго послушника. Тоже самое находилъ и врачъ князя Николы, чрезвычайно къ нему привязанный и смотрѣвшій на иноческіе подвиги съ свойственной медику матерьялистической точки зрѣнія, такъ что типъ Петра лѣчьца, родомъ Сурянина, выражаясь современнымъ литературнымъ языкомъ, строго выдерженъ въ началѣ нашего житія. Этотъ врачъ приходилъ часто къ блаженному Николѣ и, видя его за такими трудами старался убѣдить его оставить монашескую жизнь: „Княже достоитъ ти смотрѣти о своемъ здравіи, и не тако погубити плоть свою многимъ трудомъ и въздержаніемъ, иже иногда изнемогшу ти, не мощи имаши понести наложеннаго ти ярема, его же еси изволилъ Бога ради, не хощетъ бо Богъ чрезъ силу поста или труда, но точію сердца чиста и сокрушена, ниже обыклъ еси тои ноужи, юже твориши, работая яко нужныи рабъ, но и благочестивая твоя братія, Изяславъ и Володимеръ, велику укоризну имѣета себѣ твоею нищетою, како отъ таковыя чти и славы въ послѣднее убожество пріиде, еже уморяти тѣло свое и датися въ недугъ неподобныя пища.... дивлюся утробнеи ти влазѣ, еже иногда отягченѣ бывши отъ сладкія пища, нынѣ же убо суровое зеліе и сухіи хлѣбъ пріемлюща терпить; блюди да нѣкогда недугъ отвсюду собрався, неимущу ти крѣпости, скоро живота гонзнеши, мнѣ же немогущу ти помощи, и оставиши плачь неутѣшимъ братома своима; се и боляра твои, служившеи тебѣ, мняще, ся иногда велицiи быти и славніи тебе ради, и нынѣ же лишени твоея любве, желитвы дому

---

[1]) Ibid., стр. 100.

велія створше, и сѣдятъ въ нихъ въ мнозѣ унынiи, ты же не имаши главы подклонити, на сметьищѣ семъ сѣдя; *мнятъ тя, яко изумѣвшися.* Кіи убо мнязь се сътвори или блаженыи отецъ твои Давидъ, или дѣдъ твои Святославъ, или кто въ болярехъ се створи, или сего пути вжела, развѣ Варлама игумена здѣ, аще мене преслушаеши преже суда судъ пріимеши."[1]) На это князь Никола отвѣчаетъ ему безсодержательной рѣчью, на тему о будущей жизни. Что же касается до разстройства и возстановленія здоровья, то нашъ авторъ въ обличеніе медицины разсказываетъ слѣдующее: „и егда убо разболяшеся сіи блаженыи и видѣвъ же его лѣчецъ приготовляетъ зеліа на потребу врачеваніа, якъ же недугъ когда бяше, или огненное жженіе или теплота кручинная, и преже пришествіа его здравъ бываше князь, никако же дадыи себѣ врачевати, и се многажды створиша. Нѣкогда же тому Петрови разболѣвшуся, посла къ нему Святоша рече: аще не пьеши зеліа скоро исцѣлѣеши, аще ли же мене преслушаешися, много имаши пострадати. Онъ же, хытръ ся творя и болѣзни гонзнути хотя, мало живота не погрѣши, растворенія вкусивъ, молитвою же святаго исцѣлѣ. Пакы же ему разболѣвшуся нарочитое посылаетъ тому святыи глаголя, яко въ 3-й день исцѣлѣеши, аще ся не врачюеши. Послушавь же сего, Сурянинъ въ 3 день исцѣлѣ, по словеси блаженнаго."[2]) Такимъ образомъ человѣческая мудрость была уничтожена! Какъ обыкновенно бываетъ въ нашихъ житіяхъ, сомнѣвающійся въ чудесахъ надѣющійся на свою свѣтскую мудрость, по обличеніи ея постригается въ монахи, такъ случилось и съ Петромъ Сурянином. „Призвавъ же его святыи глагола ему, веля ему пострицися, по трехъ бо мѣсяцѣхъ, рече, отхожу свѣта сего. Се же рече, назнаменуя ему смерть. Сурянинъ же разумѣвъ хотящая ему быти, сіи же Петръ падъ предъ ногама его съ слезами глаголя."[3]) За тѣмъ слѣдуетъ плачь или причитаніе, которымъ Петръ лѣчецъ оплакиваетъ близкую смерть любимаго своего князя. Странно одно,—что, какъ видно изъ только что приведенныхъ словъ,

---

[1]) Ibid., стр. 101 и слѣд.
[2]) Ibid., стр. 102 и слѣд.
[3]) Ibid., стр. 103.

еп. Симонъ желалъ показать, что Петръ устрашился скорой своей смерти, между тѣмъ какъ слѣдующія слова и въ особенности обстоятельства его смерти показываютъ въ немъ горячую привязанность и опасеніе за жизнь князя. „Увы мнѣ, господине мои и добродѣтелюмои, и драгіи мои животе, кто призритъ на странствіе мое? и кто напитаетъ много чадъ требующихъ? и кто заступитъ обидимыхъ? кто помилуетъ нищихъ? не рѣхъ ли ти, о княже, оставити имаше плачь неутѣшимъ братома си? не рѣхъ ли ти, о княже, не таколи мя словомъ божіимъ исцѣли и силою, яко же твоею молитвою? гдѣ нынѣ отходиши, пастырю добрыи повѣжь ми, рабу своему, язву ту смертную, да аще азъ тя неизврачюю, да будеть глава моя за главу твою и душа моя за душу твою; не молча отиди отъ мене, по яви ми, господине, откуду ти се есть таковая вѣсть, да дамъ животъ свои за тя, аще же извѣстилъ ти есть Господь о томъ, моли его, да азъ умру за тя; аще ли же оставляеши мя, то гдѣ сяду и плачюся своего лишенія, на сметьищѣ ли семь или въ вратѣхъ, идѣже пребываеши? что ли имамъ наслѣдствовати твоего имѣніа, самому ти нагу сущу, но и отходящу ти всѣхъ, въ исплатаныхъ рубищахъ положенъ будеши, даруи ми твою молитву, яко же древле Ilia Елисѣеви милоть, да раздражу глубину сердечную и приду въ мѣста раиская, крова дивна дому Божіа! Вѣси же и звѣрь по възшествіи солнца събравшись на ложехь своихъ лягуть, ибо птица обрѣте себѣ храмину и горлица гнѣздо себѣ, идѣже положи птенца своя, ты же 6 лѣтъ имаши въ монастыре, и мѣста твоего не опознахъ."[1]) Отрывокъ этотъ представляетъ одинъ изъ образцовъ литературной обработки народныхъ причитаній, которыя иногда попадаются въ нашихъ житіяхъ и другихъ древнерусскихъ памятникахъ, [2]) напр. лѣтописяхъ. „Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ г. Е. Барсовъ, что всѣ эти искуственные образцы, отражая въ себѣ только нѣкоторыя черты народности, далеко не отвѣчаютъ полному содержанію и характеру изстаринныхъ, народныхъ плачей. Чѣмъ дальше ко временамъ древности, тѣмъ больше отражали они

---

[1]) Ibid., стр. 103.

[2]) См. Е. Барсова Причитанья сѣвернаго края М. 1872 г., ч. 1, ст. V и слѣд.

поэтическихъ элементовъ и тѣмъ полнѣе и прямѣе выражалось въ нихъ языческое міросозерцаніе. Вотъ почему, безъ сомнѣнія, древне-русская церковь вооружалась противъ подобныхъ народныхъ плачей. Прежде всего мы видимъ, что противъ нихъ возставали церковные проповѣдники. Въ старинныхъ сборникахъ мы не рѣдко встрѣчаемъ поученія „о еже не много плакати по умершихъ." Объясняя надгробные и надмогильные вопли отсутствіемъ вѣры въ безсмертіе души, проповѣдники старались остановить ихъ возбужденіемъ упованія въ воскресенье мертвыхъ. „Многъ въ васъ мятежь и плачь о умершихъ", взывалъ одинъ изъ нихъ къ своимъ слушателямъ, и многажды васъ молихъ о семъ и еще глагомо съ похваленіемъ примати чадъ вашихъ и сердоболь умертвіе.... Не раздираемъ ризъ своихъ, но паче душу смиримъ, не бьемся въ перъси, да не уподобимся Елиномъ и не терзаемъ власъ главы нашея, не многи дни плачемъ, да невѣровати начнемъ воскресенію и языкомъ не изрѣчемъ хулы, да не мертвымъ не сотворимъ пакости, на себѣ."[1]) Въ окончаніе этого житія еще болѣе высказывается любовь Петра Сурянина къ своему князю. „Исходя же съ нимъ въ печеру, ископавъ гробъ себѣ, и рече Сурянину: кто паче насъ възлюбитъ гробъ! Сіи Сурянинъ же рече: видѣ, яко аще кто хощеть, но ты живи еще а меня здѣ положи. Блаженыи же рече: буди тебѣ, яко же хощеши. И тако остригся, пребысть, плачася день и нощь, не престая за 3 мѣсяца. Блаженыи же, утѣшая его, глаголаше: брате Петре, хощеши ли да поиму тя съ собою. Онъ же съ плачемъ рече: хощу да меня пустиши преже, и азъ за тя умру, ты же моли за мя; и рече къ нему блаженыи: дрързаи чадо, готовъ буди въ 3-й бо день отидеши.... и тако пакы причастився Божественныхъ и животворящихъ тайнъ безсмертныхъ и возлегъ на одрѣ, опрятався и простеръ нозѣ, предасть душу въ руцѣ Господеви."[2]) По смерти князя Святоши, Изяславъ взялъ къ себѣ нѣкоторыя изъ его вещей въ томъ числѣ и власяницу. „Во всяку же рать сію власяницу на себѣ имаше и тако безъ вреда бывше. Согрѣшившу же ему нѣкогда, не смѣ

[1]) Ibid., стр. VII и слѣд.
[2]) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 104.

взяти ея на себѣ и тако убьенъ бысть в рати и заповѣда въ тъи положити ся." Житіе Святоши оканчивается обращеніемъ къ Поликарпу, въ которомъ Симонъ выставляетъ ему этого князя въ образецъ для подраженія.

Житіе Еразма, слѣдуемое за Святошинымъ въ посланіи Симона, по его же словамъ помѣщено съ слѣдующею цѣлью: „Да се вѣдыи, брате, не мни, всуе истративъ, еже имѣ, яко все предъ Богомъ изочтено есть и до мѣдницы. Чаи отъ Бога милости труда ради твоего, двои двери доспѣлъ еси тои святои велицѣи церкви святыя Богородица печерскіа, и тако отверзетъ ти двери милости своея; ибо іереи вопіютъ о таковыхъ всегда о тои церкви: Господи, освяти любящия благолѣпіе дому твоего и тыя прослави божественною силою твоею."[1]) Самый же разсказъ заключается въ томъ, что черноризецъ Еразмъ растративъ все свое на украшеніе иконъ, началъ сожалѣть о немъ и раскаяваться въ своемъ поступкѣ. Сильно заболѣвъ, онъ уже приблизился къ смерти, какъ вдругъ всталъ совершенно здоровымъ и разсказалъ братіи, что ему явились святые Антоній и Ѳеодосій, говоря: „молихомся къ Богу и дарова ти время къ покаянію; и се видѣхъ святую Богородицу, имущу на руку сына своего Христа Бога нашего, и вси Святіи съ нею и глагола ми: Еразмъ, понеже мы украси церковь мою и иконами възвеличи, и азъ тя прославлю въ царствіи сына моего но вставъ, покаися и пріими ангельскіи образъ, и въ 3-и день поиму тя чиста къ себе, възлюбшаго благолѣпіе дому моего."[2])

Изъ слѣдующаго житія черноризца Ареѳы „ему же татми украденное инѣніе въ милостыню вменися и сего ради спасеся:" видимъ, что достаточно отказаться отъ мірскихъ благъ, на какое бы они не шли употребленіе, чтобъ наслѣдовать спасеніе. Этотъ черноризецъ Ареѳа „много богатство имы въ кѣліи своеи и никогда же не пода ни единыя цаты убогому, ниже хлѣба и толико бѣ скупъ и немилосердъ, яко самому ся гладомъ уморяти."[3]) Въ словахъ этихъ

---

[1]) Ibid., стр. 107.
[2]) Ibid., стр. 106.
[3]) Ibid., стр. 107.

мы видимъ подтвержденіе сказаннаго выше, что идеальное изображеніе иноковъ весьма отступало отъ дѣйствительности: какъ видно, монахи хранили по кельямъ личное имущество и съѣстные припасы. У этого Ареѳы воры украли все его имущество; это такъ его сильно огорчило, что онъ „хотя самъ ся погубити и тяжу велику воздвиже на неповинныя и много мучивъ безъ правды." Но вдругъ Ареѳа впадаетъ въ болѣзнь, во время которой видитъ въ видѣніи „ангельское пришествіе и бѣсовъ плѣнъ". Видѣніе это произвело на инока такое сильное впечатлѣніе, что онъ совершенно перемѣнился и беспрестанно подобно Іову хвалилъ Бога, повторяя: „Господь далъ, Господъ взялъ, яко Господеви годѣ, тако и бысть, буди имя Господне благословенно во вѣки." Въ дополненіе къ этому разсказу Симонъ ссылается еще на какой то Патерикъ, въ которомъ разсказывается о старцѣ, молившемся Богу „да пріидутъ на ня разбойницы и вся его възмутъ."

Какъ примѣръ тяжкаго наказанія за вражду къ брату, (какъ мы видѣли выше, Поликарпъ сердился на своего игумена и „на того служебники.") Симонъ приводитъ разсказъ о Титѣ попѣ и Евагріѣ дьяконѣ. Эти иноки сначала были въ большей дружбѣ, но потомъ такъ возненавидѣли другъ друга, что стали избѣгать одинъ другаго, „егдаже стояще Евагріи въ церкви, идущу же Титови съ кадильницею, отбѣгаше Евагріи темьяна, егда же не бѣгаше, то преминоваше его Титъ, не покадивъ." Вражда ихъ продолжалась долгое время. Однажды Титъ заболѣлъ и въ болѣзни сталъ плакать и звать Евагрія, прося у него прощенія, но Евагрій не хотѣлъ и слышать о примиреніи, такъ что старцы силою привлекли его къ одру больнаго. Послѣдній увидѣвъ брата склонился къ его ногамъ и молилъ о прощеніи, но тотъ немилостивый, не захотѣлъ простить его предъ всѣми сказавъ, „николи же хощу съ нимъ прощеніа имѣти, ни въ сіи вѣкъ ни въ будущіи" и, вырвавшись изъ рукъ старцевъ, упалъ, когда его подняли, то нашли мертвимъ и уже окоченѣвшимъ, такъ что не могли ни закрыть устъ, ни сложить рукъ и похоронили его „отверсты имуща уста и очи и руци растяжени." Когда спросили Тита, какимъ образомъ онъ вдругъ выздоровѣлъ, то онъ отвѣчалъ: „видѣхъ ангелы отступиша отъ мене, плачющеся о души моеи, бѣси же радуются

о гнѣвѣ моемъ, и тогда началъ молити брата, да проститъ мя; егда же приведосте его ко мнѣ, и видѣ ангела немилостива, держаща пламенное оружіе, и егда же не прости мя, ударивъ его, и падеся мертвъ, мнѣ же подастъ руку и въ стави мя."[1]) Разсказъ о Титѣ священикѣ и Евагріи дьяконѣ по сюжету напоминаетъ житіе мученика Никифора Названный мученикъ связанъ былъ тѣсною дружбою съ однимъ священникомъ Саприціемъ (Sapricius); но чрезъ нѣсколько времени они поссорились между собою. Во время этой ссоры Саприцій какъ христіанинъ былъ заключенъ въ темницу и присужденъ къ смертной казни. Узнавъ объ этомъ Никифоръ почувствовалъ разкаяніе и при посредствѣ третьяго лица сталъ просить у Саприція прощенія, но тотъ безжалостно отвергъ его просьбу. Огорченный этимъ Никифоръ, когда врага его вели на смертную казнь палъ предъ нимъна дорогѣ, прося у него прощенія, но послѣдній и тутъ не смягчился сердцемъ и не простилъ брата. „Но тутъ милость Божія оставила священника и онъ публично заявилъ свою готовность принести жертву языческимъ божествамъ." Судья освободилъ тотъ же часъ Соприція, а вмѣсто его приказалъ казнить Никифора, публично заявившаго себя христіаниномъ. Такимъ образомъ послѣдній удостоился получить вѣнецъ мученика.[2])

Видѣнный Титомъ попомъ „ангелъ немилостивъ"—есть обычное изображеніе смерти грѣшника въ русскихъ духовныхъ стихахъ:

Сослалъ къ нему Господь грозныхъ ангеловъ
Страшныихъ, грозныихъ, *немилостивыихъ*
По его душу по богачеву.

Въ одномъ илюстрированномъ изображеніи смерти грѣшника представленъ ангелъ, вышибающій древкомъ копія грѣшную душу, въ видѣ чернаго человѣчка изходящую изъ устъ умирающаго.[3]) Изображеніе это составляетъ часть картины страшнаго суда, написанной по такъ называемому иконописному подлиннику, перенесенно-

---

[1]) Ibid, стр. 110.

[2]) Vollstaendiges Heiligen Lexikon т. IV, стр. 530.

[3]) Буслаева Историч. Очерки Рус. Нар. Словесно., т. II, стр. 152 и слѣд.

му къ намъ изъ Византіи, слѣдовательно и представленіе смерти также византійскаго происхожденія.

Въ заключеніе своего посланія Симонъ помѣщаетъ: „Слово о созданіи церкви, разумѣють вси, яко самаго Господа промысломъ и волею и его пречистыя матере и молитвою и хотѣніемъ създася и съвершися богородичина печерская, архимандритія всея рускіа земля, еже есть лавра святаго и великаго отца нашего Ѳеодосіа," къ разсмотрѣнію котораго мы и переходимъ.

Самые ранніе памятники нашей письменности XI в. или даже X (насколько можно ихъ отнести къ этому вѣку на основаніи исторической и филологической критики) представляютъ намъ уже смѣсь разнородныхъ элементовъ до христіанскаго и христіанскаго, своего національнаго и чуждаго иноземнаго, православнаго восточнаго, византійскаго и западнаго.

Уже нашъ первый лѣтописецъ, кромѣ книгъ священнаго писанія пользовался Византійскими хронографами и излагаетъ исторію ветхаго завѣта не по Библіи, а по апокрифической книгѣ Палеѣ, въ которую внесено множество баснословныхъ апокрифическихъ разсказовъ, различнаго происхожденія. Уже философы греческіе, по сказанію лѣтописца, поучая Владиміра Святаго въ христіанской вѣрѣ, вмѣстѣ съ истиннымъ ученіемъ церкви, сообщали ему апокрифическія басни напр. о томъ какъ Адамъ и Ева долгое время оставляли трупъ Авеля при себѣ непогребеннымъ, не зная, что съ нимъ дѣлать и какъ научились они его похоронить отъ двухъ птичекъ, изъ которыхъ одна умерла, а другая выкопала яму и положивъ въ нее умершую засыпала ее землею. Въ той же легендѣ объ испытаніи вѣроисповѣданій Владиміромъ и его старцами—боярами встрѣчаемъ не только указаніе на вліяніе западнаго латинства на древнюю Русь, но и стараніе Византіи возбудить антипатію къ этому вліянію: „Не преимай же ученьи отъ Латынъ, ихъже учень разъвращено" и т. д. говорится въ исповѣданіи вѣры, преподанномъ Св. Владиміру въ Корсунѣ.[1]) Изъ этого надобно думать, что вопросъ объ отношеніи новообращенной въ христіанство Руси къ Во-

---

[1]) Лѣт. по Лавр. списку стр. 112.

стоку и Западу еще не былъ окончательно опредѣленъ и интересовалъ грамотныхъ русскихъ; чему серьезнымъ подтвержденіемъ служатъ, на первыхъ же порахъ появившіяся въ русской литературѣ, посланія объ опреснокахъ, о латинской вѣрѣ и т. д.—эти энергическія противодѣйствія латинству митр. Леонтія, Георгія, Іоанна II, Ѳеодосія и Никифора, въ которыхъ эти древнѣйшіе писатели по пунктамъ разбираютъ латинское невѣріе, иногда даже приписывая латынямъ обычаи, которыхъ у нихъ не было;—или такія явныя указанія о латинскихъ попахъ на Руси, какія мы находимъ въ вопросахъ Кирика Св. Нифонту:[1]) „а оже се носили къ *Варяжьскому* попу дѣти на молитву" указываютъ намъ что вмѣстѣ съ христіанствомъ внесена была на Русь идея о связи ея не только въ Востокомъ, но и Западомъ.

Проводниками западнаго вліянія древнія сказанія признаютъ Варяговъ. Это между прочимъ подтверждается заключительнымъ рассказомъ посланія препод. Симона къ Поликарпу объ основаніи церкви печерской. Вотъ въ краткихъ словахъ содержаніе этого сказанія:

Въ землѣ варяжской былъ князь Африканъ братъ Якуна слѣпаго, который съ полкомъ своимъ сражался съ Ярославомъ противъ лютаго Мстислава. У Африкана было два сына Фріандъ и Шимонъ. По смерти брата Африкана Якунъ изгналъ обоихъ сыновей его, а своихъ племянниковъ изъ ихъ области, что весьма часто случалось между Норманами. Изгнанный Шимонъ пришелъ въ Россію къ Ярославу, который принялъ его съ честью и отдалъ его сыну своему Всеволоду, чтобы тотъ былъ у него первымъ старѣйшиною. И Шимонъ принялъ великую власть у Всеволода. Шимонъ этотъ имѣлъ великую любовь къ печерскому монастырю, тогда только что получившему свое начало. Когда въ княженіе Изяслава Половцы напали на русскую землю, противъ нихъ пошли Князья Ярославичи Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ съ Шимономъ. Послѣднему передъ битвою Антоній далъ благо-

---

[1]) Памят. Россійс. словесн. XII в. ст. 202.

словеніе и прорекъ, что многіе будутъ убиты, но что онъ, Шимонъ будетъ спасенъ и потомъ погребенъ въ церкви, которую самъ построитъ. Такъ и случилось: Русскіе были побѣждены Половцами, воеводы ихъ были побиты и самъ Шимонъ поверженъ на землю. Тогда возрѣвъ на небо, онъ увидѣлъ великую церковь, которую видѣлъ и прежде на морѣ, когда ѣхалъ на Русь, онъ сталъ молиться и мгновенно изъятъ былъ нѣкоею силою изъ среди труповъ. Послѣ того Шимонъ пришелъ къ Антонію и разсказалъ слѣдующее о своемъ видѣніи, которое было ему на пути изъ Варягъ въ Русскую землю: Отецъ мой Африканъ, говоритъ Шимонъ, сдѣлалъ огромный крестъ около десяти локтей и на немъ преображено подобіе Христово „написаніемъ вапнымъ, якоже Латыня чтутъ" и воздовалъ ему великую честь и возложилъ поясъ о чреслахъ его, имѣвшій пятьдесятъ гривенъ золотыхъ, и возложилъ на изображеніе Христово золотой вѣнецъ. Когда же выгналъ меня дядя мой Якупъ изъ моей области, я взялъ поясъ съ Іисуса и вѣнецъ съ главы его, и слышалъ голосъ того образа который, обратившись ко мнѣ, сказалъ: не возлагай вѣнца сего на свою главу, но неси на уготованное ему мѣсто, гдѣ созиждется церковь моей матери отъ преподобнаго и тому въ руки отдай, да завѣситъ надъ жертвеникомъ. Потомъ поплылъ я на кораблѣ и возстала буря, грозившая всѣмъ намъ гибелью, тогда вспомнилъ я о поясѣ, о которомъ было мнѣ сказано отъ Іисуса Христа и сталъ вопіять: Господи прости меня, потому что я теперь погибаю отъ этого пояса, который я снялъ съ твоего образа. И вотъ увидѣлъ я въ высотѣ церковь и думалъ въ себѣ, что это за церковь, и былъ на то гласъ свыше „это та церковь которая будетъ создана отъ преподобнаго во имя Божіей Матери какъ ты видишь той же величиною и высотою размѣрить тѣмъ золотымъ поясомъ на двадцать поясовъ въ ширину, а тридцать въ долготу (во длинну), а высоту стѣны съ верхомъ пятьдесятъ; въ этой церкви ты будешь положенъ и тотъ же часъ прекратилась буря. Послѣ этого преподобный Антоній началъ строить храмъ, чтобы исполнить приказаніе данное Шимону въ чудномъ видѣніи.

Изъ этого сказанія о варягѣ Шимонѣ ясно, что первая идея о построеніи храма печерскаго принадлежитъ западнымъ выход-

цамъ, составлявшимъ княжескую дружину. Важнѣйшія святыни вновь сооруженнаго храма, поясъ и вѣнецъ Христовъ принесены были изъ Варяжской земли, самое изображеніе Христа чудесно повѣдавшее о сооруженіи Кіево-Печерскаго храма было сдѣлаго варягомъ „яко же латыня чтутъ" и осталось въ землѣ Варяжской, и судя по сказанію, въ самомъ дѣлѣ, изображеніе это было скульптурное, по обычаю западному, но въ стилѣ древнехристіанскомъ: потому что распятый Спаситель обратился къ Шимону и съ нимъ говорилъ, изъ чего можно предположить, что Спаситель былъ изображенъ съ открытыми глазами, какъ это дѣлалось въ скульптурныхъ и живописныхъ изображеніяхъ древнехристіанскаго стиля, гдѣ Спаситель изображался живымъ, а не усопшимъ. Точно также по древнѣйшему стилю изображался онъ въ царской коронѣ, которую по всей вѣроятности и взялъ съ собою Шимонъ. Что же касается до пояса, то по древнему стилю Христосъ изображался не весь обнаженный, а отъ пояса завѣшенной пеленою, которая вѣроятно и придерживалась золотымъ поясомъ, также увезенномъ съ вѣнцемъ—короною Шимономъ.

Храмъ долженъ былъ быть сооруженъ не во имя Іисуса Христа, а во имя Божей Матери. Въ этой же легендѣ Патерика печерскаго, но далѣе Богоматерь сама говоритъ мастерамъ, [1] что мѣру для сооруженія церкви она сама послала—поясъ сына своего Ісуса Христа. Легенда о построеніи церквей въ размѣрѣ поясомъ весьма распространена на западѣ и въ особенности въ нѣмецкихъ преданіяхъ въ самыхъ разнообразныхъ варьянтахъ. Это измѣреніе поясомъ принадлежитъ къ древнѣйшимъ эпическимъ формамъ, состоящимъ въ связи съ символическимъ знакомъ завладѣнія землею. Извѣстнымъ образомъ измѣренное пространство земли идетъ во владѣніе того, кому дано право на измѣреніе. [2]) Наконецъ сказаніе ясно гово-

---

[1]) Ibid., стр. CXVIII.

[2]) Объ измѣреніи поясомъ см. Grimm's: Deutsche Rechts altertuemer 2 ausg. стр. 155 и слѣд. У Дюканжа примѣры пояса какъ символа собственности. Glossarium Mediae et infimae latinitatis P. 1843, t. III, pag. 887. Investitura per corrigiam.

ритъ, что Шимонъ даже и въ то время, какъ передавалъ Антонію свое видѣніе, еще оставался въ латинской вѣрѣ, и уже только Θеодосій обратилъ его въ православіе.

Не смотря на позднюю редакцію этого сказанія, основаніе его, выражающее убѣжденія древней Руси, не оставляютъ сомнѣваться въ томъ, что преданіе о построеніи Кіево-Печерской церкви ясноуказываетъ на вліяніе запада, но въ дальнѣйшемъ ходѣ это не православное, западное сказаніе начало подчиняется византійскому и соединяется съ нимъ. Въ этомъ самомъ противоположеніи двухъ началъ и въ подчиненіи одного другому видно уже непремѣнное присутствіе обоихъ въ древнѣйшемъ преданіи. Идея церкви была создана и самое предпріятіе задумано Варягомъ; исполненіе же дѣла взяла на себя Византія. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ Шимонъ отдалъ преподобному Антонію чудесный поясъ и вѣнецъ, въ Византіи сама Богородица во Влахернѣ повелѣла четыремъ греческимъ мастерамъ идти въ Кіевъ и соорудить тамъ церковь по мѣрѣ, которую она дала уже въ поясѣ сына своего Іисуса Христа; сверхъ сего Богородица вручила имъ мощи святыхъ, для положенія въ основаніе церкви и свою богородичину икону, которая должна быть поставлена мѣстною въ сооруженномъ храмѣ, такимъ образомъ въ латинской святыни поясу и вѣнцу были присоединены византійскія святыни,—св. мощи и икона Бога-Матери. Самое построеніе храма сопровождалось чудесами, представляющими варьянты подобныхъ же чудесъ западной церкви. Но остановимся на украшеніи церкви живописью и мозаикой (мусіей). Чрезъ десять лѣтъ послѣ пришествія мастеровъ изъ Византіи, при игуменѣ Никонѣ, уже давно почившіе, преподобные Антоній и Θеодосій чудесно явились въ Цареградѣ иконописцамъ, послали ихъ украшать Кіево-Печерскій храмъ и дали имъ на то золота и серебра. Иконописцы отправились и приплывъ въ Каневъ, увидѣли церковь „на высотѣ" и спросили бывшихъ съ ними: какая это церковь они имъ отвѣчали печерская, которую вы должны расписывать, мастерамъ показалась эта церковь болѣе той, которую они подрядились расписать и разсердившись писцы хотѣли возвратиться назадъ, но вдругъ поднялась буря и сама лодка ихъ ничѣмъ не управляемая шла вверхъ противъ теченія, „нѣкоею высшею силою", пока не при-

чалила подъ Кіево-Печерскимъ монастыремъ. Воздавъ Господу Богу, Богородицѣ и угодникамъ ихъ Антонію и Θеодосію благодареніе за великія чудеса, мастера принялись за работу. Далѣе заслуживаетъ вниманія одинъ эпизодъ, представляющій варьянтъ, встрѣчающагося во множествѣ западныхъ легендъ эпизода. Когда византійскіе мастера украшали мозаикой алтарь, тогда образъ Богородицы изобразился самъ собою на надлежащемъ мѣстѣ, и всѣ иконописцы видѣли это дивное и страшное чудо; и когда они взглянули на образъ, то онъ освѣтился ярче солнца, такъ что они не могли смотрѣть на него и пали ницъ, потомъ, когда взглянули на него пять увидѣли великое чудо: изъ устъ образа пресвятой Богородицы вылетылъ бѣлый голубь, и полетѣлъ вверхъ къ образу Спасителя и тамъ скрылся, потомъ вылетѣлъ изъ устъ образа Спасителя, леталъ по всему храму и подлеталъ къ каждому изъ изображеній святыхъ, кому садился на руки, кому на голову; потомъ спустился внизъ и сѣлъ за чудотворною мѣстною иконою богоматери; тогда люди, бывшіе внизу, хотѣли поймать голубя и приставили лѣстницу, но ни за иконою, ни за пеленой голубя не нашли. Потомъ изъ устъ иконы, что въ алтарѣ, показался снова голубь и полетѣлъ вверхъ къ Спасителеву образу, тогда стоявшіе внизу стали кричать мастерамъ работающимъ вверху: „словите его" и тѣ протягивали свои руки, желая поймать его, но голубь опять влетѣлъ въ уста Спасителя и потомъ возсіялъ свѣтъ ярче солнца, бывшіе въ храмѣ пали ницъ, поклонились и возблагодарили Господа, такъ какъ сподобились видѣть дѣйствіе Св. Духа, пребывающаго въ той церкви печерской.

Большинство эпизодовъ сказанія о созданіи церкви печерской, какъ мы уже замѣтили выше, представляютъ варьянты западныхъ сказаній. Вотъ небольшой разсказъ изъ исторіи крестовыхъ походовъ, напоминающій одинъ изъ нашихъ: графъ Робертъ Іерусалимскій (comte Robert de Jerusalem) возвращаясь съ своими товарищами изъ святой земли, везъ съ собою на кораблѣ многія религіозныя драгоцѣнности и между прочимъ крестъ вырѣзанный изъ „честныхъ древъ". На пути ихъ застигнула страшная буря, такъ что путешественники не надѣялись спасти своей жизни; тогда графъ Робертъ далъ обѣщаніе пожертвовать всю эту святыню въ первую цер-

ковь, которую онъ увидитъ; вдругъ буря утихла и возсіявшій солнечный лучъ освятилъ крышу церкви святой Вальбурги въ Фурнѣ. [1])

О таинственномъ явленіи иконъ или чудесномъ ихъ изображеніе, однимъ словомъ, о такъ называемыхъ нерукотворенныхъ образахъ, существуетъ цѣлая легендарная литература. Къ сожалѣнію всѣ сборники подобныхъ легендъ составлены не съ научной цѣлію и представляютъ только пересказъ содержаніе легендъ безъ всякихъ примѣчаній, необходимыхъ для научнаго пользованія ими напр. не указано времени составленія легендъ, какой литературѣ онѣ принадлежатъ и проч.; но не смотря на это, мы не можемъ не обратить вниманія на множество сходныхъ разсказовъ составленныхъ для чтенія благочестивыхъ христіанъ. [2]) Наконецъ чудесное назнамѣнованіе мѣста для постройки церкви росою и огнемъ повторяетъ только ветхозавѣтныя сказанія о сведеніи съ неба росы Гедеономъ (Кн. суд. исраш. гл. VI, ст. 37 и 38) и огня Иліей (четвер. кн. цаст. гл. I, ст. 10—16) какъ вообще весьма не рѣдко повторяются ветхозавѣтныя чудеса въ западныхъ легендахъ. [3])

Проф. Буслаевъ уже замѣтилъ: „что это Кіево-Печерское сказаніе составилось и образовалось въ интересахъ дома и княжескаго рода Всеволода Ярославича Переяславскаго и Мономаховичей. Это явствуетъ изъ слѣдующаго:

1) Самъ Шимонъ еще до своего обращенія въ православіе, служилъ у Всеволода Переяславскаго, которому былъ отданъ самимъ Ярославомъ.

2) Сынъ Всеволода, Владиміръ Мономахъ, еще въ юныхъ лѣтахъ, самъ былъ свидѣтелемъ дивному чуду, какъ огонь спалъ съ неба и какъ выгорѣла та яма, гдѣ основаніе Кіево-Печерской церкви было положено мѣрою золотаго пояса.

---

[1]) См. J. de-Smet. Manuel historique du culte de la Tres-sainte Vierge. Brges 1861, стр. 17.

[2]) См. напр. I. Collin de Plancy Biblioteque des legendes. Legendes des saintes images и Legendes de la sainte Vierge P. 1864.

[3]) A. Maury: Essai sur les legendes etc., стр. 28 и слѣд.

3) Тотъ же Владиміръ Мономахъ, привезенный въ Кіевъ отцемъ его изъ Переяславля, будучи боленъ, возложилъ на себя тотъ чудный золотой поясъ Спасителя и тѣмъ былъ исцѣленъ.

Потомъ, 4) Тотъ же Владиміръ, взявъ мѣру Кіево-Печерской церкви, и въ своемъ княженіи, въ Ростовѣ, создалъ церковь, во всемъ сходную съ Печерскою. Наконецъ,

5) Сынъ Владиміра Георгій, слѣдуя фамильному преданію, слыша отъ своего отца о чудесахъ Кіево-Печерскаго храма, въ ту же мѣру соорудилъ храмъ и въ своемъ княженіи, въ городѣ Суздалѣ.[1])

Выше мы уже указали на ту привязанность къ церкви печерской, которую выказалъ варягъ Симонъ и его сынъ Георгій, но даже ближайшіе послѣднему люди совершенно иначе относились къ церкви печерской и святынямъ этого монастыря. Весьма характеристиченъ въ этомъ отношеніи слѣдующій разсказъ о „покованіи" гроба преподобнаго Ѳеодосія. Георгій Симоновичъ, находясь въ Суздальской области, захотѣлъ оковать гробъ преподобнаго Ѳеодосія и поручилъ одному изъ своихъ бояръ, по имени Василію, отвезти для этой цѣли въ Кіевъ 500 гривенъ серебра и 50 золота. „Приемъ же убо, Василь неволею емлеться въ путь; проклиная же животъ свои и день роженія своего, глаголаше къ собѣ: что мыслить старѣишина нашь, только богатство губити; кая мьзда сего ради будетъ, еже мерьтваго гробъ оковати; но якоже тупе добы, туне же и повержено! люте же мнѣ единому преслушатись! во что домъ мой оставляю, и кого ради путь сии горкыи шествоую: отъ кого ли честь приму! къ князю есмь не посланъ, ни къ иному велможи; что ли реку или възглаголю къ онои корьстѣ каменои! Кто отвѣтъ дасть ми! кто не посмѣеться моему безумному приходу! Си глаголаше и ина множае сихъ къ сущимъ съ нимъ."[2]) Въ наказаніе за эти рѣчи Василь во время пути испытывалъ постоянныя неудачи, кони его пали, одежда и деньги были украдены, но онъ все не переставалъ роптать,

---

[1]) Буслаевъ: Истор. Очер. рус. нар. слов., т. II, стр. 109.

[2]) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 114 и слѣд.

а на покрытіе издержекъ на пути взялъ пятую часть золота и серебра изъ предназначеннаго на окованіе раки. Прибывши въ Черниговъ, бояринъ Василь упалъ съ лошади и разбился до такой степени, что не могъ двигать руками и ногами; но, когда ему явился во снѣ предподобный Θеодосій, говоря: „инако же можеши исцѣлѣти, аще ся не покаяши и не возложать на раку мою и здравъ будеши и потеряное злато и сребро цѣло обращеши,“ и когда Василь, увѣровавъ видѣнію, исполнилъ повеленіе преподобнаго Θеодосія, то немедленно выздоровѣлъ, а растраченное золото и серебро оказалось цѣло.

Отецъ Георгія Симонъ просилъ Θеодосія дать ему письменное свидѣтельство въ томъ, что послѣдній будетъ молиться о немъ, какъ онъ молится о своихъ черноризцахъ. „Принуженъ же бывъ любве его ради, и пишетъ же, глаголя тако: въ имя Отца и Сына и святаго Духа,“ иже и донынѣ влагаютъ умершимъ въ руку таковую молитву. И оттолѣ утвердися таковое написаніе полагати умершимъ; прежде бо сего имъ не сътворитъ сицевы вещи въ Руси.“[1]) На сколько мы могли доискаться, въ греческой церкви нѣтъ обычая полагать въ руки умершимъ разрѣшительную молитву, если обычай этотъ особенность русской церкви, то приведенное мѣсто весьма важно для исторіи нашихъ церковныхъ обрядовъ.

„Философія, отвергающая земное стяжаніе, говоритъ Н. И. Костомаровъ, облеклась въ сказаніе объ Іоаннѣ и Сергіѣ въ Патерикѣ.“ Іоаннъ и Сергій заключили между собою духовное братство, древнее побратинство, осѣненное теперь церковнымъ освященіемъ, и Іоаннъ оставилъ сыну своему, Захару, наслѣдство, которое поручилъ названному брату; названный братъ счелъ лучше самому чужимъ достояніемъ воспользоваться и не отдалъ Захару, когда онъ требовалъ отцовскаго достоянія, не отдалъ даже и тогда, когда Захаръ просилъ не болѣе половины, даже трети. Тогда Захаръ призвалъ его къ клятвѣ предъ иконою Богородицы въ Печерскомъ монастырѣ. Обманщикъ не могъ приблизиться къ иконѣ и принужденъ былъ сознаться въ своей винѣ. Лучшаго конца повѣсть не

---

[1]) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 113 и слѣд.

представляетъ намъ, кромѣ того, что Захаръ все злато и серебро свое пожертвовалъ на монастырь, и онъ и его обиратель постриглись въ монастырѣ."[1]) Къ этому, мы считаемъ нелишнимъ прибавить еще замѣчаніе о клятвѣ предъ иконою пресвятой Богородицы. Въ числѣ самыхъ обыкновенныхъ чудесъ, какъ европейской, такъ и нашей легендарной литературы, всего чаще повторяется разсказъ о чудесномъ обличеніи преступника присягою предъ какою либо святынею. Такъ какъ въ числѣ различныхъ родовъ суда Божьяго, существовавшихъ у Славянъ и Германцевъ, упоминается испытаніе посредствомъ принятія святыхъ Тайнъ (Der Probe des Heiligen Abendmals) въ особенности для монаховъ и духовенства, то эта чисто христіанская форма, безъ всякаго сомнѣнія языческаго учрежденія, даетъ возможность предположить и въ этихъ фактахъ клятвы предъ святынею, одну изъ позднѣйшихъ охристіанизированныхъ формъ Божьяго суда, замѣненныхъ впослѣдствіи однообразною для всѣхъ христіанъ формою присяги предъ крестомъ и Евангеліемъ.

Посланіе Поликарпу къ Акиндину состоитъ изъ изложенія житій съ весьма краткими обращеніями автора къ послѣднему. Приступъ поставленія составленъ по обычаю византійскихъ агіобіографовъ, точно въ томъ же смиренномъ духѣ какъ начинаетъ Несторъ житіе Ѳеодосія: „Въспросилъ мя еси нѣкогда, обращается Поликарпъ къ Акиндину, веляше сказати отъ тѣхъ черноризецъ содѣанная. Свѣдыи мою грудость и неизящное права иже всегда съ страхомъ въ всякои повѣсти бесѣдуя предъ тобою" или „да слышитъ твое благоразуміе моего младоуміа и несъвершенна смысла." Житіе Никиты затворника въ главной части своего содержанія, явленіи бѣса въ образѣ ангела представляетъ повтореніе житія Исакія печерника, такъ что все, что было сказано о послѣднемъ, можетъ быть въ цѣлости повторено о немъ. Одна подробность весьма интересна для характеристики отношенія нашего автора къ книжной учености. Явившійся въ образѣ ангела бѣсъ научилъ Никиту книгамъ Ветхаго

[1]) Черты народной южно-русской исторіи. Истор. моногр. и изслѣд. т. I, стр. 109.

завѣта. „Не можаше никто же стязатися съ нимъ книгами ветхаго закона; весь бо изъ устъ имѣаше: бытіе, исходъ, левита, числа, судіи, царства, и вся пророчества по чину, и вся книгы жидовскіа свѣдяше добре; евангеліа же и апостола, яже въ благодати преданыя намъ святыя книгы на утверженіе наше и на исправленіе сихъ, николи же восхотѣ видѣти и слышати, ни почитати, ни иному дасть собесѣдовати къ себѣ и бысть разумно всѣмъ отъ сего, яко прелщенъ есть отъ врага, и сего не тръпяше преподобніи ти отци."[1]) По составившемуся нѣкогда иному понятію о знаніи, замѣчаетъ объ этомъ житіи Н. И. Костомаровъ, вмѣстѣ съ нимъ соединялось вѣрованіе въ пророчество, знать, быть мудрымъ значило вмѣстѣ—дѣлать чудеса, говорить то, чего другой не скажетъ, однимъ словомъ, дѣлать то, чего другой никто не можетъ сдѣлать и для чего нельзя придумать обыкновеннымъ образомъ.[2]) Никита съ помощью бѣса сталъ пророчествовать „и отъ сего прослу, затворникъ, яко пророкъ есть и велми послушаху его князи и боляре." Когда же братья собравшись изгнали изъ него бѣса, Никита явился совершеннымъ невѣждою, такъ что „отци едва научиша его грамотѣ."

Въ Патерикахъ вообще не придается особеннаго значенія учености и знанію: „Авва, я изучилъ Ветхій и Новый Завѣтъ наизустъ, говорилъ нѣкогда одинъ братъ старцу. Старецъ въ отвѣтъ сказалъ ему: ты наполнилъ воздухъ словами."[3]) Хотя въ Лавсаикѣ Палладія помѣщенъ разсказъ объ аввѣ Орѣ, въ которомъ знаніе священнаго писанія является даромъ благодати Божіей. „Онъ былъ совсѣмъ неграмотный, но когда вышелъ изъ пустыни въ населенное мѣсто, ему дана была Богомъ такая благодать, что онъ наизустъ зналъ священное писаніе. Когда братія подавали ему Библію, онъ тотчасъ начиналъ читать, какъ грамотный. Вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ онъ другую благодать, а именно власть изгонять бѣсовъ."[4])

---

[1]) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 128, и слѣд.

[2]) Черты народной южнорусской исторіи. Истор. моногр. и изслѣд., т. I, стр. 121.

[3]) Древній Патерикъ и проч., стр. 237.

[4]) Historia Lausiaca, стр. 1027.

Въ слѣдующемъ житіи Лаврентія затворника высказано тоже нерасположеніе къ знанію. Въ печерскій монастырь приведенъ былъ одинъ бѣсноватый; въ числѣ различныхъ его „бѣснованій" приводится, что онъ „нача глаголати жидовскы, потомъ латынскы, то же греческы и, спроста рещи, всеми языки, ихъ же ни коли же слышалъ, яко боятися и водящимъ его измѣненію речемъ и разногласію, и преже вшествія въ монастырь исцѣлѣ и добро нача смыслити."[1]) Такимъ образомъ вмѣстѣ съ изгнаніемъ изъ него бѣса исчезло въ немъ знаніе языковъ, какъ у Исакія знаніе Ветхаго завѣта.

Наконецъ въ обличеніе этой свѣтской мудрости написанъ весь разсказъ объ Агапитѣ безмездномъ врачѣ. По сюжету разсказъ этотъ весьма напоминаетъ, выше разобранный, эпизодъ житія Николы святоши о лѣкарѣ его Петрѣ Сурянинѣ. „Сіи блаженыи Агапитъ помогаше болнымъ, и егда кто отъ братіи разболяшеся, и тако остави кѣлію свою, и прихожаше къ болящему брату, и служаше ему, не бѣ бо ничто же крадомо въ кѣліи его, подымая же и полагая его, и на свою руку износя его, и подавая ему отъ своея яди, еже варяше зеліе и тако здравъ бываше больныи молитвою его; аще ли продлъжаше ея недугъ его, аще Богу благоволящу, да вѣру и молитву раба своего да умножить, сіи же блаженыи Агапитъ пребываше неотступно моля Бога зань непрестанно, дондеже Господь здравіе подасть болящему, молитвъ ради его; и сего ради прозванъ бысть лѣчець."[2]) Въ тоже время жилъ въ Кіевѣ искусный врачъ „Арменинъ родомъ и вѣрою," который осмотрѣвъ больнаго обыкновенно безошибочно предсказывалъ, когда онъ долженъ умереть. Однажды заболѣлъ приближенный князя Всеволода, Армянинъ „его въ нечаяніе введе," между тѣмъ Агапитъ далъ ему „зеліе, еже самъ ядяше," и тотъ выздоровѣлъ. Уязвленный завистью Армянинъ послалъ къ Агапиту осужденнаго на смерть, велѣвъ ему дать отраву; но блаженный далъ тому „монастырскія яди" и отрава осталась безъ дѣйствія. Еще болѣе этимъ разсерженный, лѣкарь подговорилъ своихъ единовѣрцевъ отравить монаха, но ядъ не

---

[1]) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 130.
[2]) Ibid., стр. 131.

причинялъ блаженному ни малѣйшаго вреда. Случилось заболѣть князю Владиміру Мономаху, который тогда княжилъ въ Черниговѣ; лѣчилъ его нашъ Армянинъ, но болѣзнь получала все болѣе и болѣе опасный характеръ, такъ что князя считали уже близкимъ къ смерти. Въ такомъ положеніи посылаетъ онъ къ Ивану печерскому игумену, чтобъ прислалъ къ нему Агапита. Но послѣдній, на приказаніе игумена отправляться въ Черниговъ, отвѣчалъ: „аще къ князю иду, тъ и къ всѣмъ иду, не буди мнѣ славы ради человѣческія предъ монастырская врата изыти и преступнику ми быти обѣта своего, еже обѣщахся предъ Богомъ, быти ми в монастырѣ и до послѣдняго издыханія, аще ли изгониши мя, иду въ ину сторону и потомъ възвращуся, дондеже вещь си минеть."[1]) Игуменъ упросилъ его, если не можетъ итти самъ, чтобъ покрайней мѣрѣ далъ зелія. Агапитъ исполнилъ желаніе игумена и Мономахъ выздоровѣлъ. По выздоровленіи, князь пришелъ въ монастырь печерскій, желая видѣть монаха исцѣлившаго его; но Агапитъ не желая мірской славы, скрылся. Владиміръ Мономахъ послалъ ему много даровъ;—Агапитъ не хотѣлъ ихъ принять, но тогда принесшій дары бояринъ предложилъ ему раздать присланное нищимъ, онъ согласился, прибавивъ ему: „рци же к пославшему тя, все, еже имѣлъ еси чюжа бяху, тебѣ же отхожащу немогущу взяти ничто же съ собою, нынѣ же раздаи все требующимъ, еже имаше, яко сего ради избавитъ тя Господь отъ смерти; азъ же ничто же ти быхъ успѣлъ, не мози ослушатися мене, да не тоже постражеши."[2]) Весьма интересно своею наивностью слѣдующее мѣсто: „князь же не смѣ преслушатися старца, но все имѣніе свое раздасть нищимъ, по словеси блаженаго." Когда заболѣлъ Агапитъ, Армянинъ посѣтилъ его, сталъ бесѣдовать съ нимъ „о врачевнѣи хытрости" и изъ разговора увидѣлъ, что тотъ ничего не знаетъ въ медицинѣ. Осмотрѣвъ же больнаго, сказалъ присутствующимъ, что онъ въ третій день долженъ умереть Услышавъ слова эти, Агапитъ сталъ укорять Армянина, говоря: „смерть ми подавая, а помощи ми неможеши, аще си худогъ, то даи же живот, аще ли симъ не владѣеши, то почто мя укоряеши, осуждая въ 3-ій день умрети ми, мнѣ

---

[1]) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 132.
[2]) Ibid., стр. 133.

же извѣстилъ Господь въ 3-ій мѣсяцъ умрети."[3]) Въ это время къ блаженному принесли больнаго изъ Кіева, Агапитъ всталъ совершенно здоровымъ, взялъ зеліе, „яже самъ ѣдяше," показалъ лѣчьцу, говоря, вотъ зеліе, которымъ я лѣчу. Армянинъ, посмотрѣвъ на зеліе, замѣтилъ, что оно ему неизвѣстно, но что оно, вѣроятно изъ Александріи. Агапитъ посмѣялся его невѣжеству и сталъ извиняться, что не имѣетъ чѣмъ его угостить. Армянинъ отвѣчалъ: „нынѣ, отче, 4 дни постимся сего мѣсяца." Тогда блаженный спросилъ его, кто онъ и какой вѣры, и узнавъ, что онъ Армянинъ, закричалъ: „то како, почто смѣлъ еси внити и осквернити кѣлію мою и дръжати за грѣшную мою руку, изыди отъ мене иновѣрче и нечестиве. Осрамленъ же бывъ Армянинъ и отъиде." Когда предсказаніе блаженнаго исполнилось и онъ умеръ, Армянинъ пришелъ въ монастырь и постригся, разсказавъ братіи, что ему явился Агапитъ, требуя отъ него исполненія обѣщанія постричься, если исполнится предсказаніе послѣдняго и онъ умретъ въ назначенный имъ срокъ.

Въ византійскихъ Патерикахъ совершенно не видимъ этого недовѣрія и униженія врачебной науки, напротивъ въ Собесѣдованіи Григорія Великаго помѣщенъ разсказъ, въ которомъ говорится между прочимъ: „Одинъ монахъ, по имени Іустъ, хорошо зналъ врачебную науку; онъ обыкновенно услуживалъ мнѣ, когда я жилъ въ монастырѣ, и внимательно лѣчилъ меня въ постоянныхъ моихъ болѣзняхъ. Когда же онъ самъ заболѣлъ и приблизился къ смерти, то ему прислуживалъ въ болѣзни родный братъ, по имени Копіозъ, который теперь добываетъ себѣ содержаніе врачебной же наукой",[1]) который показываетъ, что занятіе врачеваніемъ нисколько не вредитъ дѣлу спасенія души. Принимая во вниманіе то крайнее различіе среды, изъ которой выходили византійскіе и италійскіе монахи и наши, мы склоны думать, что это недовѣріе къ медицинѣ— черта русскаго монашества. О неблаговолѣніи печерскихъ иноковъ къ иновѣрцамъ, которое замѣчаемъ въ этомъ житіи, указано уже Н. И. Костомаровымъ.[2])

---

[3]) Ibid., стр. 134.
[1]) Dialogus, lib. 4, cap. 55.
[2]) Черты народ южнорус. ист. Историч. моногр. и проч., стр. 121.

Нѣкоторые эпизоды житія Григорія чудотворца, которое слѣдуетъ въ нашемъ Патерикѣ за житіемъ Агапита, представляютъ самые близкіе варіянты разсказовъ византійскихъ житій. Однажды пришли воры желая обокрасть Григорія въ то время, когда онъ стоялъ на молитвѣ. „Помоли же ся и о сихъ пришедшихъ красти: Боже, даи же сонъ рабомъ твоимъ, яко утрудишася, всуе врагу угождающе. И спаша 5 дніи и 5 нощеи, дондеже блаженыи призвавъ братію, възбуди ихъ глаголя: доколѣ стрежете всуе, покрасти мя хотяще, уже отъидете в домы своя. Вставше не можаху отъити, бѣша изнемогли отъ глада. Блаженныи же давъ имъ ясти и отпусти ихъ. И се увѣдавъ градскіи властелинъ и повелѣ мучити татіе тіи. Стуже си Григоріи, яко его ради предани суть, и шедъ дасть книгы властелину, татіе же отпусти, прочая же книгы продавъ, раздасть убогымъ, рекъ такъ: да не в бѣду впадуть, хотяше красти я, рече бо Господь: не скрываите себѣ съкровища на земли, идѣже татіе подкопають и крадуть; скрывайте же себѣ съкровища на небесѣхъ, идѣже ни тля тлитъ, ни татіе крадуть, идѣже бо, рече, съкровища ваша, ту и сердца ваша. Татіе же покаяшася, чюдеси ради бывшаго на нихъ, и къ тому не възвратишася на первая дѣла своя, пришедше же въ Печерскіи монастырь, вдашеся на работу братіи.[1])" Разсказъ этотъ въ первой своей части весьма близокъ къ эпизодамъ житія Ѳеодосія, о которыхъ мы говорили выше[2]), представляющимъ въ свою очередь подражанія византійскимъ Патерикамъ. Непосредственно слѣдующій за приведеннымъ эпизодъ житія Григорія представляетъ почти копію отрывка житія Ѳеона. „Имѣяши же сіи блаженыи малъ оградецъ, идѣ же зеліе сѣяше въ кѣліи и древа плодовита. И на се паки пріидоша татіе и егда взяша бремена своя и стояше 2 дни неподвижимы и угнетаеми бремени."[3]) Въ Лавсаикѣ, въ выше приведенномъ отрывкѣ объ аввѣ Ѳеонѣ, находимъ слѣдующее: „Въ одну ночь не такъ давно напали на него разбойники, надѣясь найти у него много золота. Святой помолился и они оставались до утра

[1]) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 137.
[2]) См. стр. 80 и 88—89.
[3]) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 137.

у дверей его недвижимы."[1]) Окончаніе обоихъ разсказовъ также одно и тоже, и Григорій и Өеонъ заставляютъ воровъ постричься въ монахи и работать на братію. Третій эпизодъ житія Григорія несравненно болѣе оригиналенъ: ,,Иногда же пакы пріидоша тріе нѣціи хотяще искусити сего блаженаго, и два отъ нихъ молита святаго ложно глаголюще: сіи другъ нашъ есть, и осуженъ есть на смерть, молимже тя, потщися избавити его, и дажь ему чимъ искупити ся отъ смерти. Григоріи же въсплакався жалостію провидѣ о немъ, яко приснѣ конецъ житію его и рече: лютѣ человѣку тому, яко приспѣ день погибели его. Они же рекоша: ты же, отче, аще что даси, то сіи не умретъ, се же глаголаху, хотяще нѣчто у него взяти, да раздѣлять себѣ. Григоріи же рече: и азъ дамъ, а сіи умреть, и въпроси ихъ, коею смертію осуженъ есть; они же рѣша: на древѣ повѣшенъ хощетъ быти. Блаженыи же рече имъ: добрѣ судисте ему, за утро бо сіи повѣсится, и пакы вниде въ погребъ идѣже молитву творяше, да не какъ умъ ему слышить земная что, ниже очію его видитъ что суетныхъ: и оттуду изнесъ, оставшая книгы, дасть имъ рекъ: аще не годно будеть възвратите ми. Они же, вземше книги, начаша смѣятися глаголюше: продавше сіе и раздѣлимъ себѣ! Видѣвше же древеса плодовита и рѣша себѣ: пріидемъ въ сію нощь и объемлемъ плодъ ихъ. Наставши же нощи, пріидоша сіи тріе и запроша мниха въ погребѣ, идѣже бѣ моляся; единъ же, его же рѣша на древи висѣти, възлѣзъ горѣ, нача торгати яблока и яся за вѣтвь, она же отломшися, а си два устрашишася отбѣгоша; сіи же летя, ятся ризою за другую вѣтвь, и неимѣя помощи, удавися ожереліемъ. Григоріи бо запрътъ бѣ, и не обрѣтеся пріити къ сущеи братіи въ церковь."[2]) Наконецъ еще важнѣе для насъ послѣдній разсказъ этого житія: ,,Нѣкакова вещь монастырская приключися князю Ростиславу, отъ паденія животнаго осквернену быти съсуду, и сего ради сіи преподобныи Григоріи сниде къ Днѣпру по воду; въ тои же часъ приспѣ князь Ростиславъ Всеволодовичъ, хотя ити въ Печерскій монастыръ молитвы ради и благослове-

---

[1]) Historia Lausiaca стр. 1132.

[2]) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 138 и слѣд.

нія, бѣ бо иды противу ратнымъ Половцемъ съ братомъ своимъ Владиміромъ. Видѣвше же отроци его старца сего, начаша ругатися ему, метающе словеса срамная. Разумѣвъ же мнихъ всѣхъ при смерти суща и нача глаголати имъ: о чада, егда бѣ треби умиленіе имѣти и мнози молитвы искати отъ всѣхъ, тогда же вы паче зло творите, яже Богови не угодна суть, но плачетеся своея погибели, и каитеся своихъ съгрѣшеніи, да поне отраду пріимити въ страшныи день, уже бо вы постиже судъ, яко вси вы въ водѣ умрете и съ княземъ вашимъ. Князь же, страха Божія не имѣя, ни на сердцѣ себѣ положи сего преподобнаго словесъ, мнѣвъ его пустошь глаголаща; яже пророчествоваше о немъ, рече: мнѣ повѣдаеши смерть отъ воды, умѣющу бродити посредѣ ея; и тогда разгнѣвався князь повелѣ связати ему руци и нози и камень на выи его обѣсить и ввврещи въ воду и тако потопленъ бысть."[1]) Объ отношеніи князя Ростислава къ монахамъ мы скажемъ впослѣдствіи, здѣсь замѣтимъ только, какъ различно смотрѣли на одно и тоже лицо, по всей вѣроятности, современные авторы. О князѣ Ростиславѣ говоритъ также и авторъ Слова о пълку Игоревѣ и, между тѣмъ какъ Поликарпъ представлаетъ его такимъ жестокимъ и безчеловѣчнымъ, авторъ Слова вспоминаетъ о немъ въ такихъ словахъ: „Не тако ли, рече, рѣка Стугна, худу струю имѣя, пожръщи чужи ручьи и стругы ростре на кусту, уношу князю Ростиславу затвори Днѣпрь? Темнѣ березѣ плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ, уныша цвѣты жалобою и древо с тугою къ землѣ преклонилось."[2]) По видимому смерть князя Ростислава вызвала общее о немъ сожалѣніе. Въ лѣтописи о его гибели разсказывается такъ: „Потомъ поступиша (Половцы) на Володимера и бысть брань люта; побѣже и Володимеръ с Ростиславомъ к рѣцѣ Стугнѣ и вбреде Володимеръ с Ростиславомъ и нача утопати Ростиславъ предъ очима Володимера и хотѣ похватити брата своего, и мало не утопе самъ; и утопе Ростиславъ, сынъ Всеволожь. Володимеръ же пребредъ рѣку с малою дружиною, мнози бо падоша отъ полка его, и боляре его

---

[1]) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 139 и слѣд.

[2]) Слово о пълку Игоревѣ изд. Тихонравова, м. 1866 г., стр. 12.

ту падоша и перешедъ на ону сторону Днѣпра, плакася по братѣ, своемъ.... Ростислава же искавше обрѣтоша въ рѣцѣ вземше принесоша и Киеву, и плакася по немъ мати его, и вси людье пожалиша си по немь повелику, уности его ради:"[1]) По всей вѣроятности приключеніе кн. Ростислава съ нашимъ инокомъ равно оставалось неизвѣстнымъ какъ автору слова, такъ и лѣтописцу. Еще первый могъ не придавать особеннаго значенія возмутительному поступку легкомысленнаго юноши, такъ какъ въ немъ самомъ, судя по его произведенію, христіанство и его ученіе далеко не составляло основы убѣжденій; но воззрѣнія лѣтописца, вообще почти тождественныя съ взглядами агіобіографовъ, не допускаютъ возможности предположить столь снисходительное отношеніе къ поступку, который такъ характеризуетъ Поликарпъ: „Ростиславъ же утопе съ всѣми вои своими по словеси блаженаго Григорія: имже судомъ судите, судитеся вамъ и въ нюже мѣру мѣрите възмѣрится вамъ."[2]).

Житіе Ивана Затворника все состоитъ изъ одного разсказа о преслѣдованіи этого святаго дьяволомъ. Сначала дьяволъ преслѣдовалъ его внушеніемъ блудныхъ помысловъ, но онъ обратился съ молитвою къ преподобному Антонію „и слышахъ его глаголюща ко мнѣ: Іоаннѣ, Іоаннѣ, подобаетъ ти здѣ затворитись, и невидѣніемъ и молчаніемъ брань упразнится и Господь поможетъ ти молитвами преподобныхъ своихъ." Иванъ заперся въ пещерѣ, но когда уединеніе не помогало, онъ сталъ желѣзомъ и постомъ удручать тѣло свое и наконецъ закопалъ себя въ яму, „яко толико имѣти свободни руци и главу. Бѣсъ желалъ помѣшать Ивану такъ истощать свое тѣло: „но и къ сему врагъ діаволъ страхъ ми творя, хотя мя оттуду отгнати, и ощутихъ его зло дѣйство, нози бо мои, иже въ ямѣ, изъ дну възгорѣвшася, яко и жиламъ скорчитися и костемъ троскотати. Уже пламени досязащу утробы моея, и удове мои изгорѣша; азъ же забыхъ лютую ту болѣзнь, а порадовахся душею, якот а ми чиста съ блюдена есть отъ таковыя скверны, и се неволихъ изгорѣти

---

[1]) Лѣт. по Лавр. списку, стр. 213.

[1]) Различіе взглядовъ на Ростислава указано проф. Тихонравовымъ Слово о пълку Игоревѣ, стр. 67 и слѣд.

въ огнѣ томъ, Бога ради зило, нежели изыти ми изъ ямы тоя, и се видѣхъ змiа страшна и люта зило, всего мя пожрети хотяща и дышуща пламенемъ и искрыми пожигая мя, и се въ многы дни творя ми, хотя мя прогнати". [1]) Въ Лавсаикѣ Палладiя совершенно такимъ же образомъ преслѣдовалъ бѣсъ авву Мойсея: „На этого блаженнаго Мойсея (такъ слѣдуетъ называть его теперь) возстали демоны распутства, увлекая его къ прежней развратной жизни. И вотъ пошелъ онъ къ Исидору великому, который жилъ въ скиту и разсказалъ ему о своей борьбѣ съ блудными помыслами. Святой отвѣчалъ ему: не смущайся братъ, бѣсы сначала только нападаютъ на тебя, желая возвратить къ прежнимъ привычкамъ". Съ этого времени рабъ Христовъ Мойсей удалился въ уединенiе и, заключившись въ кельѣ, сталъ подвизаться въ воздержанiи отъ пищи и кромѣ двѣнадцати унцiй сухаго хлѣба, не ѣлъ ничего другаго, весьма много трудясь и совершая ежедневно по пятидесяти молитвъ. Но какъ онъ ни удручалъ своего тѣла, все еще похоть иногда тревожили его, особенно во снѣ. Тогда онъ пошелъ къ одному монаху самому опытному изъ святыхъ мужей и спросилъ его: что мнѣ дѣлать авва? Сновидѣнiя смущаютъ мою душу. „Такъ какъ онъ по прежней привычкѣ услаждался ими и т. д.". Старецъ совѣтуетъ Мойсею усилить трудъ. „Послѣ всего этого онъ положилъ изнурять себя другимъ еще способомъ. Выходя по ночамъ, сей противоборникъ сатаны (различно онъ ратовалъ противъ него) обходилъ кельи тѣхъ монаховъ, которые, состарѣвшись въ трудахъ подвижничества, уже не въ силахъ были носить воду для себя, бралъ ихъ водоносы и наполнялъ ихъ водою, такъ что они этого и не знали. А воду въ тѣхъ мѣстахъ берутъ далеко, одни за двѣ версты, другiе за пять, иные за полверсты. Демонъ, не могши выносить терпѣнiе ратоборца, подстерегалъ его и, въ одну изъ такихъ ночей, когда Моисей занимался этимъ дѣломъ,—лишь только онъ наклонился въ колодезь, чтобы наполнить водоносъ одного монаха, такъ ударилъ его по бедрамъ палицею, что онъ упалъ тутъ замертво, совершенно непонимая, что такое съ нимъ случилось и кѣмъ это сдѣ-

[1]) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 143.

лано."[1]) Въ томъ же Патерикѣ разсказывается о Макаріи великомъ, котораго демонъ старался отклонить отъ подвиговъ: „Проведши такъ два дня и двѣ ночи, говоритъ онъ, я до того раздражилъ демона, что онъ сдѣлался пламенемъ огненнымъ и сожегъ все, что было у меня въ кельѣ; самая рогожа, на которой я стоялъ, объята была огнемъ, и мнѣ представлялось, что я весь горю."[2])

Житіе Мойсея Угрина переноситъ насъ въ Польшу. Святой этотъ былъ родной братъ отрока Георгія „на него же святыи Борисъ възложи гривну злату, его же убиша съ святымъ Борисомъ на Альтѣ и главу его отрѣзоша, златыя ради гривны," когда Святополкъ приходилъ съ Болеславомъ на Кіевъ, то въ числѣ другихъ плѣнниковъ увелъ съ собою и этого блаженнаго. Одна молодая полька вдова, увидѣвъ молодого и красиваго плѣнника, „уязвиси в сердцѣ вжделѣніемъ" и стала уговаривать его вступить съ нею въ бракъ. Но Мойсей отвѣчалъ ей: „такіи мужъ поимъ жену и покорився еи, и изъ рая изгнанъ бысть, Самсонъ силою паче всѣхъ преспѣвъ и ратными отдолевъ, послѣди же женою преданъ бысть иноплеменникомъ; Соломонъ премудрости глубину постигъ, женѣ повинувся идоломъ поклонися; Иродъ многи побѣды створивъ, женѣ ся поработивъ предтечю Іоанна усѣкну, то, какъ азъ, свободь сы, рабъ ся створю женѣ, ея же отъ роженіа не познахъ."[3]) Слова эти взяты изъ весьма распространенныхъ въ древней Руси поученій или притчей о женской злобѣ; такъ паралельно съ греческимъ текстомъ напечатанный акад. Сухомлиновымъ, по рукописи Императорской Публичной библіотеки, изъ Златоструя XVI в., славянскій переводъ подложнаго слова Іоанна Златоуста: „Иже во святыхъ отца нашего Іоанна Златоустаго о женахъ злыхъ и самовластныхъ и язычныхъ и богобоиныхъ"[4]) представляетъ много сходнаго съ нашимъ отрывкомъ, напр. „Женою Адама изъ породы изверже; женою кроткаго Давида на убіеніе Оу-

[1]) Historia Lausiaca, стр. 1066.

[2]) Ibid., стр. 1057.

[3]) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 145.

[4]) О псевдонимахъ въ древней русской словесности Извѣст. II отд. А. Н., т. IV, стр. 125 и слѣд.

ріино сотвори; женою премудраго Соломона на преступленіе совратити; женою добляго Самьсона остригъ ослѣпи, женою цѣломудреннаго Іосифа связавъ въ темници затвори; женою всего міра свѣтилника Іоанна усѣкну. Что же глаголю о человѣцѣхъ: женою бо ангелы съ горы долу сверже." Тѣ же самые примѣры приводитъ отецъ, увѣщающій сына беречься женщинъ, въ „притчѣ о женской злобѣ."[1]) Понятно, что слова Моисея не могли убѣдить влюбленную женщину. Она купила Моисея и всѣми способами старалась склонить его удовлетворить ея страсти. Юноша постригся тайно въ монахи и выдержалъ характеръ до конца, не смотря на муки и на увѣщанія короля Болеслава. Разсерженная полька приказала оскопить его. „Богъ же створи отмщеніе рабомъ своимь вскорѣ Въ едину убо нощь Болеславъ напрасно умре; и бысть мятежъ великъ во всеи Лядскои землѣ и въставше людіе избиша епископы своя и боляры своя, яже и в лѣтописцы повѣдаетъ тогдаи сію жену убиша."[2]) Послѣднее мѣсто дословно сходно съ лѣтописнымъ извѣстіемъ подъ 1030 годомъ: „Все же время умре Болеславъ Великыи в Лясѣхъ, и бысть мятежъ в земли Лядьскѣ, вставше людье избиша епископы, и попы, и бояры своя, и бысть в нихъ мятежъ."[3]) По всей вѣроятности Поликарпъ имѣлъ въ виду это лѣтописное свидѣтельство и ссылается на начальную русскую лѣтопись, хотя ему могли быть извѣстны и польскія лѣтописи, въ которыхъ объ этомъ событіи разсказывается весьма сходно съ нашими.[4])

Житіе Прохора основано все на народномъ убѣжденіи, что растеніе лебеда (atriplex) можетъ служить суррагатомъ ржи или

---

[1]) См. Костомарова: Памятники старинной русской литературы в. II. стр. 461—470.

[2]) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 40 и слѣд.

[3]) Лѣтоп. по Лаврен. списку, стр. 146.

[4]) Напр. у Мартина Галла, Lib. I, cap. XIX. Insuper etiam a fide catholica deviantes, quod sine voce lacrimabili dicere non valemus, adversus episcopos et sacerdotes Dei seditionem inceperunt, eorumque quosdam gladio quasi dignios peremerunt, quosdam vero quasi morte dignos viliori lapidibus obruerunt. Ad extremum autem tam ab extraneis quam ab indigenis ad tantam Polonio desalationem est reducta, quod ex toto paene divitiis et hominibus est exacta.

пшеницы, что изъ нея можно печь хлѣбы. Это народно убѣжденіе выразилось въ пословицахъ великорусскихъ: „Не то бѣда, что во ржи лебеда, а то бѣда, какъ ни ржи ни лебеды;"[1]) и малорусскихъ: „Якъ е лобода, такъ и не біда"[2]) Въ одной малороссійской чумацкой пѣсни поется:

Отамане, батьку наш!
Порадь же ти тепер нас:
Що будемо робити
Чимъ воликів кормити?
А ще, хлопці, не біда—
Есть у полі лобода:
Косіть, хлопцы, лободу
Забувайте сю біду.[3])

„Сеи же убо бывъ черноризецъ вдасть себѣ в послушаніе, яко хлѣба себе лишивъ, събираетъ убо лебеду и своима рукама стирая, хлѣбъ себѣ створяше и симъ питашеся и се приготавляше до года, и въ преидущее лѣто тоже приготовляше, яко доволну быти ему безъ хлѣба весь животъ свои. И видѣ Господь терпѣніе его и великое въздръжаніе, преложи ему горесть ону на сладость и по печали бысть ему радость... И сего ради прозвася Лебедникъ, ибо николиже хлѣбы вкуси развѣ просфиры и овоща никакова же ни питіа, но точію лебеду и воду."[4]) Кромѣ того этотъ черноризецъ Прохоръ превращалъ пепелъ въ соль: „Блаженный же тогда Прохоръ, имѣя кѣлію свою, и сбирая множество пепелу отъ всѣхъ кѣліи, не вѣдущу сего никомуже, и се раздаваше приходящимъ и всѣмъ бываше чиста соль молитвами его, и елика раздаваше, толико паче множашись, и ничто же взимая, но туне всѣмъ подаваше, елико кто хотяше. И нетокмо монастырю довольно быти, но и мирская чада къ нему приходяше обильно взимаху на потребу домомъ своимъ. И бысть видѣти

---

[1]) Толковый Словарь живаго великорусскаго языка В. Даля, ч. II, стр. 844.

[2]) Номисъ: Украинскія приказки, присловья. Спб. 1864. стр. 145.

[3]) И. Рудченка: Чумацкія народныя пѣсни. К. 1874, стр. 171.

[4]) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 152.

тръжице упражняемо монастырь же полнъ приходящимъ на пріатіе соли."[1]) При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что, какъ хлѣбъ изъ лебеды, такъ и соль изъ пепла становились неудобными для употребленія въ пищу, если ихъ брали тайно у Прохора, безъ его благословенія. Сильные міра сего во время голода желали воспользоваться для себя чудотворною силою святаго Прохора;—но объ этомъ скажемъ ниже.

Житіе Марка печерника, слѣдующее за разсказомъ о Прохорѣ Лебедникѣ, начинается вступленіемъ написаннымъ по обычаю византійскихъ агіографовъ, но интереснымъ для насъ указаніемъ на начитанность Поликарпа: „Древныхъ убо святыхъ подражающе, мы грѣшніи, писанію, еже они изъяснища и многимъ трудомъ взыскаше въ пустыняхъ и горахъ и пропастехъ земныхъ, инѣхъ убо сами видѣвше, инѣхъ же слышавше житіа и чюдеса и дѣла богоугодная преподобныхъ мужъ написаша, инѣхъ же слышавше преже инѣхъ бывшихъ житія же и словеса и дѣянія, еже есть патерикъ в томъ сложше сказаша о нихъ. Они отци, еже ми почитающе наслажаемся духовныхъ тѣхъ словесъ, азъ же недостоиныи ни разума истины не достигъ и ничтожъ отъ тѣхъ таковаго видѣхъ, но слышанію послѣдуя, еже ми сказа преподобныи епископъ Симонъ и сіа написахъ твоему отчеству; и нѣсмь николиже отходилъ святыхъ мѣстъ, ни Іерусалима видѣхъ, ни Синаискіа горы, не быхъ что приложилъ к повѣсти, якоже обычаи имуть хитрословесници симъ краситися, мнѣ же да не будетъ похвалитися, но токмо о святѣмъ семъ монастырѣ Печерскомъ и в немъ бывшихъ святыхъ черноризецъ и тѣ житіемъ и чюдесы, ихже поминаю радуяся, желаю бо и азъ грѣшный святыхъ тѣхъ отецъ молитвы."[2]) Въ вступленіи этомъ самъ авторъ говоритъ о томъ, что онъ подражалъ въ своемъ писаніи древнимъ Святымъ, при чемъ ссылается на Патерикъ, и хотя Поликарпъ замѣчаетъ различіе своего простаго изложенія отъ украшеннаго стиля хитрословесниковъ; но самое это вступленіе доказываетъ уже, что онъ самъ не былъ чуждъ вліянія послѣднихъ. Маркъ

---

[1]) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 154.
[2]) Ibid., стр. 107 и слѣд.

печерникъ посвятилъ свои труды на погребеніе умершей братіи. Однажды онъ выкопалъ слишкомъ узкую могилу, такъ что, когда положили въ нее покойника, „не можаху мертваго опрятати, ни масла нань въліати." Братіа стали укорять Марка, но онъ обратился къ покойнику и сказалъ ему: ,,ибо мѣсто сіе тѣсно, самъ, брате, покрѣпись и пріими масло възліи на ся" и мертвый исполнилъ повелѣніе преподобнаго. Въ другой разъ онъ выкопалъ могилу для двухъ иноковъ, жившихъ въ большой дружбѣ между собою и желавшихъ быть погребенными въ одной могилѣ. Когда могила была готова, младшій инокъ умеръ, въ то время когда старшій Феофилъ былъ въ отсутствіи, его похоронили на ,,вышнемъ мѣстѣ." ,,По времени же мнозѣ Феофилъ, увѣдавъже о брате сжалисн зило, и поимъ нѣкіа съ собою, иде въ печеру, хотя видѣти умершаго, гдѣ на коемъ мѣстѣ положенъ бысть. Видѣвъ же его положена на вышнемъ мѣстѣ, и негодоваше и ропташе много на Марка, глаголя: почто положилъ еси здѣ, яко азъ старѣишіи его есть, ты же положи его на моемъ мѣстѣ. Печерникъ же, мужъ смиренъ сыи, кланяся тому глаголяше: прости мя, брате, съгрѣшихъ къ тебѣ, и си рекъ, глагола умершему: брате, въстани и даи же мѣсто не умершему, самъ же лязи на нижнемъ мѣстѣ, предъ всѣми пришедшими. И бысть видѣти чюдо грозно и ужасти полно."[1]) Разсказы эти весьма напоминаютъ слѣдующій отрывокъ Собесѣдованія Григорія Великаго: ,,старецъ скончался и былъ погребенъ въ могилѣ, которую приготовилъ пресвитеръ для себя. Немедленно, послѣ сего, началъ ослабѣвать въ тѣлесныхъ силахъ и пресвитеръ и, по усиленіи этой слабости, вскорѣ скончался. Когда братія принесли тѣло пресвитера для погребенія въ могилѣ, приготовленной имъ въ прежнее время, и раскопали ее: всѣ присутствовавшіе увидѣли, что въ ней не было мѣста для погребенія пресвитера, ибо прежде погребенное въ ней тѣло монастырскаго настоятеля занимало все мѣсто. Между тѣмъ какъ братія, принесши тѣло пресвитера, были въ затрудненіи, какъ похоронить его въ этой могилѣ, одинъ изъ нихъ воскликнулъ: отче, какъ же ты говорилъ, что могила вмѣститъ васъ обоихъ? Послѣ этого воззванія, предъ глазами

1) Пам. рус. лит. XII и XII вв., стр. 140.

всѣхъ, тѣло прежде погребеннаго настоятеля, лежавшее навзничь, обратилось на бокъ и дало въ могилѣ просторъ для погребенія тѣла пресвитера. Такимъ образомъ старецъ, какъ предсказалъ при жизни, что могила вмѣститъ ихъ обоихъ, такъ и исполнилъ это по смерти."[1])

Названному Ѳеофилу Маркъ предсказалъ скорую кончину. Съ этого времени онъ предался плачу и, много лѣтъ ожидая кончины, мучился безпрестаннымъ ожиданіемъ смерти—и когда умиралъ, то ангелъ показалъ ему сосудъ съ благовоннымъ муромъ, въ которое превратились его слезы; однако превратившихся въ муро было гораздо болѣе изъ случайно упавшихъ на землю и оставшихся на платкѣ, чѣмъ тѣхъ, которыя святой плача, имѣлъ терпѣніе собирать въ сосудъ, который подставлялъ всегда какъ собирался плакать. На слезы и грусть смотрѣли, какъ на нѣчто священное.[2]) Въ Лѣствицѣ Іоанна Лѣствичника, который нѣсколько разъ цитируется Поликарпомъ цѣлая глава посвящена доказательству пользы плача.[3]) Непонятнымъ въ житіи становится обычай Феофила собирать падающія слезы въ особенный сосудъ. Не имѣетъ ли этотъ сосудъ чего либо общаго съ извѣстными ,,lacrimaria" или ,,lacrimatoria," значеніе которыхъ до сихъ поръ не разъяснено?

Въ житіи Ѳеодора и Василія на сцену опять являются бѣсы. Этотъ Ѳеодоръ роздалъ все свое имѣніе нищимъ, но вскорѣ сталъ сожалѣть о своемъ имуществѣ Василій усовѣстилъ брата и съ этого времени ,,возросте велика любовь межу има." Однажды Василій отосланъ былъ игуменомъ по монастырскому дѣлу, въ это время бѣсъ принялъ его видъ и едва не убѣдилъ Ѳеодора оставить совсѣмъ монастырь, захвативъ съ собою кладъ, который онъ указалъ ему. Но пришедшій Василій обличилъ козни дьявольскія. Съ того времени Ѳеодоръ пріобрѣлъ надъ бѣсами такую власть, что своими заклинаніями заставилъ ихъ работать на пользу монастыря. Столь

---

1) Dialogus, lib. III, cap. 23.

2) Костомаровъ: Черты народной южно русской исторіи, стр. 107.

3) Іоанна игумена Синайскія горы Лѣствица М. 1873. Слово 6-е о родостворномъ плачѣ.

униженный бѣсъ рѣшился отомстить нашему иноку, онъ опять принялъ видъ Василія и, явившись къ болярину князя Мстислава Святополчича, передалъ ему, что Ѳеодоръ въ пещерѣ своей хранитъ драгоцѣнный кладъ. Князь приказалъ привести къ себѣ Ѳеодора и сначала лаской спросилъ его объ этомъ кладѣ. Инокъ отвѣчалъ: „въ житіи святого Антоніа повѣдается, Варяжскіи поклажаи есть, понеже съсуди латинскіи суть и сего ради Варяжская печера зовется и до нынѣ; злата же и сребра бесчисленно множество," но не хотѣлъ указать мѣста, гдѣ все это скрыто. Мстиславъ разсердился и приказалъ пытать Ѳеодора и вмѣстѣ съ тѣмъ призвать Василія на очную ставку съ Ѳеодоромъ. Василій объявилъ князю, что все это бѣсовскія козни, „меня бо не видѣлъ еси, никогда же исходи изъ печеры своея 15 лѣтъ." Всѣ присутствующіе засвидѣтельствовали: „при насъ сеи глаголалъ князю." Василіи отвѣчалъ „васъ бѣсъ прелстилъ есть! нѣсмь вѣдалъ князя и васъ." „Разгнѣвавъ же ся князь, и повелѣ его бити безъ милости. Нетръпѣвъ бо обличеніа, и шуменъ бывъ отъ вина, и възъярився вземъ стрѣлу, уязви Василія. И егда застрѣли его, Василіи же, вземъ стрѣлу отъ утробы своея, верже ю къ князю и рече: сею стрѣлою самъ уязвенъ будеши, еже сбыся. И повелѣ князь разно затворити ею, да утрѣ мучить ею злѣ. И въ ту нощь оба скончаста ся о Господѣ..... Не по многехъ же днехъ самъ Мстиславъ застрѣленъ бысть въ Володимерѣ на забралѣхъ, по пророченію Василеву, бьяся съ Давидомъ Игоревичемъ. И тогда, познавъ стрѣлу свою, еюже застрѣли Василія, и рече: се умираю днесь преподобныхъ ради Василія и Ѳеодора, да сбудется реченное Господомъ: всякъ, взимаяи ножь, ножемъ умираетъ! понеже беззаконно убивъ, и самъ беззаконно убьенъ бысть."[1]) Въ одномъ изъ скитскихъ патериковъ помѣщенъ сходный съ нашимъ разсказъ объ аввѣ Милисіи: однажды два царскіе сына, братья по плоти, выѣхали по обыкновенію своему на охоту, растянули сѣти на пространствѣ около 40 миль,—и ловили все, что ни попадалось въ нихъ, и убивали копьями. Въ сѣти попался также и старецъ съ обоими учениками своими. Узнавъ, что старецъ

---

[1]) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 177.

христіанинъ, царевичи хотѣли заставить его принести жертву солнцу. Когда онъ не соглашался на это, они стали мучить его и учениковъ его, и принуждали ихъ принести жертву. Послѣ многихъ мученій, обезглавили двухъ братій, а старца, послѣ многихъ же мученій въ продолженіе нѣсколькихъ дней, наконецъ поставили на средину между собою, какъ это бываетъ на охотѣ и пускали въ него стрѣлы, одинъ сзади а другой спереди. Тогда старецъ сказалъ имъ: поелику вы оба вмѣстѣ рѣшились проливать кровь неповинную, то завтра мгновенно, въ этотъ самый часъ, мать ваша лишится любви вашей вы сами своими стрѣлами прольете кровь другъ друга. Они не обратили вниманія на слова старца, и вышли на другой день на охоту. Во время ловли убѣжала изъ сѣтей одна лань: они сѣли на коней и поскакали догонять ее, и пустивъ въ нее стрѣлы, вонзили ихъ другъ другу въ сердце и умерли по слову старца.“ [1])

Житіе Спиридона проскурника повторяетъ намъ только эпизоды житія Ѳеодосія и Исакія, о которыхъ мы уже говорили, поэтому мы здѣсь не будемъ повторять сказаннаго. Объ одномъ эпизодѣ житія Алимпія также уже было говорено: а именно вышеприведенный разсказъ о голубѣ, вылетѣвшемъ изъ устъ иконы пресвятой Богородицы, составляетъ отрывокъ этого житія. [2]) Другой эпизодъ подтверждаетъ выше высказанное мнѣніе объ оборотной сторонѣ монастырскаго быта. Одинъ христолюбецъ пожелалъ имѣть иконы для своей церкви и чрезъ своихъ знакомыхъ монаховъ заказалъ ихъ Алимпію, который учился иконописанію у греческихъ живописцевъ, пришедшихъ изъ Византіи расписывать печерскую церковь; монахи нѣсколько разъ брали деньги у христолюбца, говоря, что все это требуетъ Алимпій. Когда же, наконецъ заказчикъ пожелалъ видѣть иконы, для него приготовленныя, монахи объявили: „яко Алимпіи, поимавъ злато и сребро и с лихвою, и не хощетъ писати иконъ твоихъ“. Христолюбецъ обратился съ жалобою на Алимпія къ игумену Никону и въ подтвержденіе того, что иконописецъ не исполнилъ работы, за которую взялъ деньги ,представилъ еще совершенно чи-

[1]) Древній Патерикъ изложенный по главамъ, стр. 140 и слѣд.
[2]) См. стр. 132.

стыя доски. Алимпію было не трудно оправдаться и иноки были изгнаны изъ монастыря. На доскахъ же чудесною силою явились „иконы написаны зило хитрѣ". Точно также, когда въ другой разъ Алимпій; взявшись написать икону къ празднику успенія Божіей Матери, заболѣлъ, заказавшій икону весьма былъ огорченъ, что икона не поспѣетъ къ празднику и высказалъ свое неудовольствіе Алимпію. „По отшествіи уже его, вниде нѣкто юноша свѣтелъ и, взять вапницу, нача писать икону. Алимпіи же, мнѣвъ, яко разгнѣва ся на нь господинъ иконы и писца иного прислалъ есть—понеже исперва акы человѣкъ бяше—но скорость дѣла сего бесплотна показа, овогда бо златомъ покладываше икону, овогда же на камени вапы творяше и и всѣмъ писаше; и въ три часа икону написа и рече: о колугере! еда что недостаточно или чимъ грѣшихъ? Преподобный же рече: добрѣ створилъ еси! Богъ поможе тебѣ зило хытро написати сію икону: се тобою сдѣлалъ ю есть!"[1]) Въ послѣдниихъ чудесахъ видимъ повтореніе тѣхъ весьма распространенныхъ мотивовъ легендарной литературы, о которыхъ уже было говорено выше. [2])

Страданіе и болѣзни принимались за благополучіе въ аскетической литературѣ. Въ житіи св. Синклитіи читаемъ: „Когда болѣзнь тяготитъ насъ, не надобно скорбѣть, что отъ боли и язвъ мы не можемъ воспѣвать Псалмы устами. Ибо болѣзни и раны служатъ къ истребленію похотей; а постъ и земные поклоны предписаны намъ для побѣжденія страстей. Если же и болѣзни исторгаютъ сіи страсти, то не о чемъ заботиться. Великій подвигъ терпѣливо переносить болѣзни и среди нихъ возсылать благодарственныя пѣсни Богу. Мы лишимся очей. Не будемъ печалиться; внутренними очами мы можемъ созерцать славу Божію. Лишились слуха. Будемъ благодарить за то, что вовсе не будемъ слушать пустыхъ рѣчей. Не дѣйствуютъ руки. Но у насъ есть внутреннія длани, готовыя на брань со врагами. Все тѣло страждетъ болѣзнію, но чрезъ сіе умножается здравіе внутренняго человѣка." [3]) Пименъ

---

1) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 179 и слѣд.

2) См. стр. 133.

3) Казанскаго: Исторія Православнаго монашества на Востокѣ М. 1854 г. ч. I, стр. 282.

многострадательный родился и выросъ въ тяжской болѣзни. Онъ постоянно просилъ родителей своихъ позволенія постричься, но тѣ не разрѣшали ему этого сдѣлать, такъ какъ онъ былъ у нихъ единственный сынъ. Родители принесли его въ печерскій монастырь и просили старцевъ молиться о его здрявіи. „Много же преподобніи ти отци потрудившесь, и ничтоже ползоваше его: сего бо молитва преодолѣваше всѣхъ, ибо не прошаше здравіа, но приложеніа болѣзни, да не како, здравъ бывъ, и исторженъ будетъ родителема своима отъ монастыря, и не погрѣшитъ мысли своея." [1]) Однажды ночью когда, онъ лежалъ въ монастырѣ къ нему вошли „акы скопцы свѣтлы" и постригли его въ монахи. По постриженіи Пименъ не излечился, какъ онъ самъ говорилъ больному, котораго онъ исцѣлилъ: „Богъ же, иже тебе мною исцѣливыи отъ недуга твоего, тои можетъ и мене вставити отъ одра сего и неимощь мою исцѣлити: но не хоцу! претръпѣвыи бо до конца, рече Господь, тои спасется; уне ми есть в жизни сеи всему съгнити, да тамо плоть моя будетъ безъ истлѣніа и смрада, но обоняніе тамо же благоуханіа неизреченно."[2]) Только передъ смертью своею исцѣлился многосрадательный Пименъ. Онъ самъ взялъ одръ свой и вынесъ его къ пещерѣ, въ которой никогда прежде не бывалъ, назначилъ себѣ въ ней мѣсто для погребенія и, причастившись св. тайнъ, умеръ. Житіемъ этимъ оканчивается посланіе Поликарпа и Патерикъ Печерскій.

Изъ посланія Симона къ Поликарпу мы видѣли, что послѣдній былъ недоволенъ монашескимъ бытомъ и управленіемъ печерскаго монастыря. Какъ и слѣдовало ожидать, въ его собственномъ посланіи должна была отразиться мрачная сторона жизни монашеской. Въ монастырѣ случались покражи однимъ монахомъ у другого и весьма неблаговидное плутовство „Нѣкто отъ братія украдъ хлѣбы" у святого Прохора Лебедника;[3]) два монаха плутовскимъ образомъ выманивали деньги у одного христолюбца, и, когда иконы изобразились чудесною силою сами, они не постыдились увѣрять всѣхъ, что

[1]) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 191.
[2]) Ibid., стр. 184.
[3]) Ibid., стр. 153.

это они написали иконы и требовать за них вознагражденіе.[1]) Въ монахахъ исчезло то смиреніе, которому подавалъ собою примѣръ преподобный Ѳеодосій. Феофилъ узнавъ, что младшій братъ погребенъ на старшемъ мѣстѣ въ ихъ общей могилѣ, сталъ укорять за это Марка гробокопателя, видя въ этомъ униженіе своего старѣйшинства.[2]) Приставленные для услугъ къ больному Пимену многострадательному „многажды бо оставивше его гладна и жадна на два дни или на 3."[3]) Въ томъ же житіи Пимена говорится объ одномъ монахѣ, который хотѣлъ постричься въ схиму, „и небрегомъ бысть отъ братіи, пищиты ради."[4]) Многое въ поведеніи монаховъ можетъ быть отнесено небреженію игумена, на котораго въ своемъ посланіи жаловался Поликарпъ. Выше мы уже отмѣтили фактъ изъ посланія Симона, что игумену неизвѣстно было, что дѣлается въ монастырѣ, въ житіи Пимена видимъ подтвержденіе этому. Больные оставались по три дня безъ призрѣнія и это оставалось невѣдому игумену.

Отношенія свѣтскихъ людей къ монастырю въ нашемъ посланіи рисуются намъ также въ весьма прискорбномъ видѣ. Князь Ростиславъ съ отроками утопилъ безъ всякаго серіознаго повода Григорія чудотворца, а за то только, что князю показались неумѣстными и непріятными правоученія послѣдняго. В. К. Святополка нашъ авторъ рисуетъ слѣдующимъ образомъ. Услышавъ, что инокъ Прохоръ раздаетъ даромъ соль бѣднымъ „и всташа вси продающія соль и пріидоша въ Святополку и навадиша на мниха, глоголюще, яко Прохоръ черноризецъ, иже есть в Печерскомъ манастыри, отъятъ отъ насъ богатство много, мы же обнищахомъ. Князь же хотя имъ угодити, двое же помыслихъ в себѣ, да сущую молву в нихъ упразнить, себѣ же богатство приобрящетъ, сію мысль имѣя въ умѣ своемъ съвѣщавъ въ своими съвѣтникы цѣну много соли, да отъемь у мниха продавець еи будеть. Тогда кромолникомъ тѣмъ обѣще-

[1]) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 175 и слѣд.
[2]) Ibid, стр. 140.
[3]) Ibid., стр. 183.
[4]) Ibid., стр, 185.

вается глаголя: васъ ради пограблю чернца, скрыя в себѣ мысли пріобрѣтенія богатства, симже хотя мало угодити имъ, паче много имъ спону творя. Зависъ бо не вѣсть предпочитати еже полезное сътворити. Посылаетъ же князь да възмутъ соль у мниха всю."[1]) Нѣсколько строкъ далѣе объ этомъ же князѣ говорится: „Его же (игумена) емъ Святополкъ въ Туровъ заточи, аще бы Владимеръ Мономахъ на сего не возсталъ; его же убоятся Святополкъ въстаніа на ся, скоро възврати съ честію игумена въ Печерскій монастырь." Такъ что Владиміръ Мономахъ является защитникомъ игумена отъ преслѣдованія Святополка. Выше мы уже привели мѣсто[2]) изъ житія Θеодора и Василія, въ которомъ разсказывается о изтязаніи княземъ Мстиславомъ Святолчичемъ этихъ монаховъ, съ цѣлію выпытать у нихъ указаніе о варяжскомъ кладѣ.

Въ житіи Θеодосія мы видѣли разсказъ, изъ котораго ясно, что достаточно было ходатайства этого лица предъ судомъ, чтобы оправдать обижаемую личность. Въ посланіи Поликарпа отношенія монаховъ къ суду совершенно иныя. Въ житіи Григорія разсказывается, что градской судья, узнавъ о разбойникахъ, которые приходили къ этому монаху съ цѣлью грабежа: „и повелѣ мучити тати тіи. Стуже си Григоріи, яко его ради предани суть, и шедъ дасть книгы властелину, татіе же отпусти." Въ житіи Θеодора и Василія расказывается, что одинъ изъ этихъ святыхъ заставилъ бѣсовъ перетаскать бревна съ Днѣпра на гору въ монастырь. „Наимити же извозници въздвигоша крамолу на блаженаго, просяще наима своего, глаголюще тако: не вѣмы, коею kознію сему древу повелѣлъ еси на горѣ быти. Неправедныи же судія мзду взять отъ тѣхъ и повелѣ имъ на приподобнемъ мзду взяти, тако рекъ: да помогутъ ти бѣси и платити, иже тебѣ служать! не поминая на ся осуженіа Божіа, еже не праведно судяи самъ осуженъ будетъ."[3]) Такъ недовѣрчиво относился судья къ словамъ монаха.

---

[1]) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 155.
[2]) См. стр. 152.
[3]) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 170.

Остается еще сказать нѣсколько словъ объ изложеніи Поликарпа. Обладая едва ли еще не большею начитанностью, чѣмъ всѣ другіе авторы статей Патерика, о чемъ мы можемъ заключить изъ частныхъ его ссылокъ на „лѣтописецъ блаженнаго Нестора,"[1]) житіе Антонія,[2]) житіе Θеодосія,[3]) Патерики,[4]) Іоанна Лѣствичника[5]) и въ особенности на книги ветхаго и новаго завѣта, нашъ авторъ въ значительной степени подчинился византійскому вліянію въ своемъ изложеніи. Мы уже указали выше на тотъ обычный въ византійской литературѣ пріемъ смиренія и опасенія за свое невѣжество въ виду важности предпринятаго труда, который очень часто попадается у Поликарпа. Авторъ нашъ весьма пристрастенъ и къ другому пріему византійскихъ религіозныхъ писателей къ сопоставленію своихъ разсказовъ съ эпизодами Священнаго писанія напр: „якоже бо Господь, прокаженнаго исцѣливъ, и повелѣ ему показати ся священникомъ, принести даръ за очищеніе его, сице убо и сеи святыи бѣгая величанія—якоже и Христосъ, слѣпаго исцѣливъ, и не ту абіе прозрѣ, но повелѣ ему ити къ Силуами купели измытися, такоже и сыи блаженыи—преже вапы украси образъ, смердящій невѣріа ради, чистъ же творитъ со служителемъ Божіемъ да и ти обещници съ нимъ будутъ чюдеси; водою же того омывъ, не токмо тѣлесныхъ проказъ очисти, но и душевныхъ"[6]) или разсказавъ о другомъ изцѣленіи больнаго преподобнымъ прибавляетъ: „Се бо новыи намъ Іелисѣи, иже Неомана Сурянина отъ проказы исцѣли." Наконецъ, нашъ авторъ житіе Моисея Угрина переполнилъ рѣчами, также по обычаю византійскихъ прозаиковъ.

Въ заключеніе нашего изслѣдованія позволимъ себѣ привести слова академика Срезневскаго превосходно выражающія, затрудненія, ко-

---

1) Пам. рус. лит. XII и XIII вв., стр. 135.
2) Ibid.
3) Ibid., стр. 151.
4) Ibid., стр. 157.
5) Ibid., стр. 163.
6) Ibid., стр. 177.

торыя приходится преодолѣть изслѣдователю тѣхъ вопросовъ древне-русской литературы, въ которыхъ она соприкасается съ византійской. Въ ряду препятствій, мѣшающихъ успѣхамъ въ дѣлѣ изученія русскихъ древностей языка и словесности, нельзя забыть и еще одного, испытаннаго многими изслѣдователями: это—трудность, иногда и невозможность овладѣть всѣми нужными свѣдѣніями и пособіями по христіанской греческой литературѣ. Огромное количество переводовъ произведеній этой литературы заставляютъ русскаго изслѣдователя обращаться къ подлинникамъ, искать ихъ; не рѣдко долженъ онъ искать ихъ долго, не зная, гдѣ и какъ отъискивать, въ какихъ именно изданіяхъ—большею частію прошлаго и позапрошлаго вѣка и, разумѣется, западныхъ, почти исключительно римско-католическихъ; не рѣдко и узнавъ, гдѣ найдти, все-таки долженъ остаться—по крайней мѣрѣ на долго-внѣ возможности добыть то или другое нужное изданіе. Не рѣдко приходится остаться только при знаніи, что искомый подлинникъ не изданъ, или что даже онъ еще и не найденъ. Нерѣдко, наконецъ, вмѣсто греческаго подлинника приходится довольствоваться латинскимъ и притомъ не совершенно вѣрнымъ переводомъ. Если же и есть подлинникъ, и даже именно такой, какой нуженъ, то все еще этимъ хлопоты его съ подлинникомъ не оканчиваются: уразумѣніе подлинника для уразумѣнія перевода затрудняется иногда незнаніемъ нѣкоторыхъ рѣдкихъ словъ съ трудностью найдти имъ объясненіе, особенно такъ называемое реальное: словари Дюканжа и Софоклеса далеко не полны, приходится искать объясненій въ словарикахъ, приложенныхъ къ нѣкоторымъ произведеніямъ, или въ комментаріяхъ,—и все таки не находить и отказаться отъ возможности объяснить неясное, или ждать счастливаго случая. Не рѣдко вырывается сожалѣніе или же досада, что послѣ стародавнихъ прекрасныхъ трудовъ, по византійскимъ и вообще христіанскимъ древностямъ, явившимся въ прошлые вѣка, ученая дѣятельность по нимъ слабѣла все болѣе и теперь почти что прервана—такъ что рѣдко, рѣдко издается что-нибудь, напоминающее, по достоинствамъ выполненія, удивительныя работы старинныхъ ученыхъ. Во всякомъ случаѣ, работая надъ переводными книгами

нашей древности, надобно работать и надъ подлинниками, не только изучать ихъ по готовому, но и подбирать запасы, нужные для ихъ изученія, составлять выметки о словахъ и выраженіяхъ, о предметахъ, которые въ нихъ упоминаются, и т. д.[1])

Этими словами мы и закончимъ наше изслѣдованіе.

---

[1]) Работы по древнимъ памятникамъ языка и словесности Ж. М. Н. П. 1875. Мартъ.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка.		Напечатано:	Читай:
3	1	снизу	натаріусовъ	нотаріусовъ
4	8	сверху	повое	новое
—	19	—	высшихъ	высшимъ
—	20	—	образцовъ	образцомъ
5	5		но едва	но что едва
6	3	снизу	такія	какія
8	17	сверху	подражителями	подражателями
—	21	—	житія	житіяхъ
26	13	—	совтори	сотвори
27	18	—	учинищѣхъ	учиницѣхъ
34	10	—	оставигь	оставить
36	3	—	Всеворода	Всеволода
39	17	—	іеремонахъ	іеромонахъ
—	1	снизу	встрѣчающееся	встрѣчающагося
42	9	сверху	сложенному	сложенномъ
52	19	—	названна	названа
—	24	—	списки	спискѣ
67	1	—	byl	był
72	7	—	котораго	которой
—	8	—	могъ	могла
73	13	—	подвижнеческую	подвижническую
76	1	снизу	разкаяваться	раскаяваться
78	7	сверху	епизодъ	эпизодъ
85	1	снизу	стеклянпаго	стекляннаго
87	11	сверху	своимъ	своемъ
94	18	—	оставили	оставилъ
95	5	—	сочиненія	сочиненіи

Стр.	*Строка.*		*Напечатано:*	*Читай:*
96	12	—	расположенныхъ	расположеннымъ
97	17	—	но и въ	то и въ
102	15	—	взимали	взимаше
104	5	снизу	Исакыи	Исакіи
111	9	сверху	ядѣи	ядыи
113	18	—	до Господу	Господу
114	13	—	Бъ	Въ
115	9	—	слѣдующее къ этому прибавилъ	прибавилъ къ этому слѣдующее
—	21	—	написала	написана
116	3	—	па	на
—	19	—	была	былъ
118	13	—	притивъ	противъ
119	5	снизу	убѣждаютъ	убѣждаетъ
129	16	сверху	Якупъ	Якунъ
130	4	—	сдѣлаю	сдѣлано
—	16	—	завѣшанной	завѣшанный
132	10	—	пять	опять
—	6	—	вылетылъ	вылетѣлъ
133	7	—	содержаніе	содержанія
—	15	—	исраш.	израил.
—	—	—	цаст.	царст.
145	19	—	дылать	дѣлать
150	17	—	клапяся	кланяяся
153	13	—	педостаточно	недостаточно
155	5	—	здрявіи	здравіи
—	14	—	неимощь	немощь
157	3	—	зависъ	завистъ

Въ особенности просимъ исправить на стр. 116 строка 7 сверху, вмѣсто: Статья—Первая часть статьи.

LIBRARY OF CONGRESS
0 017 149 235 A